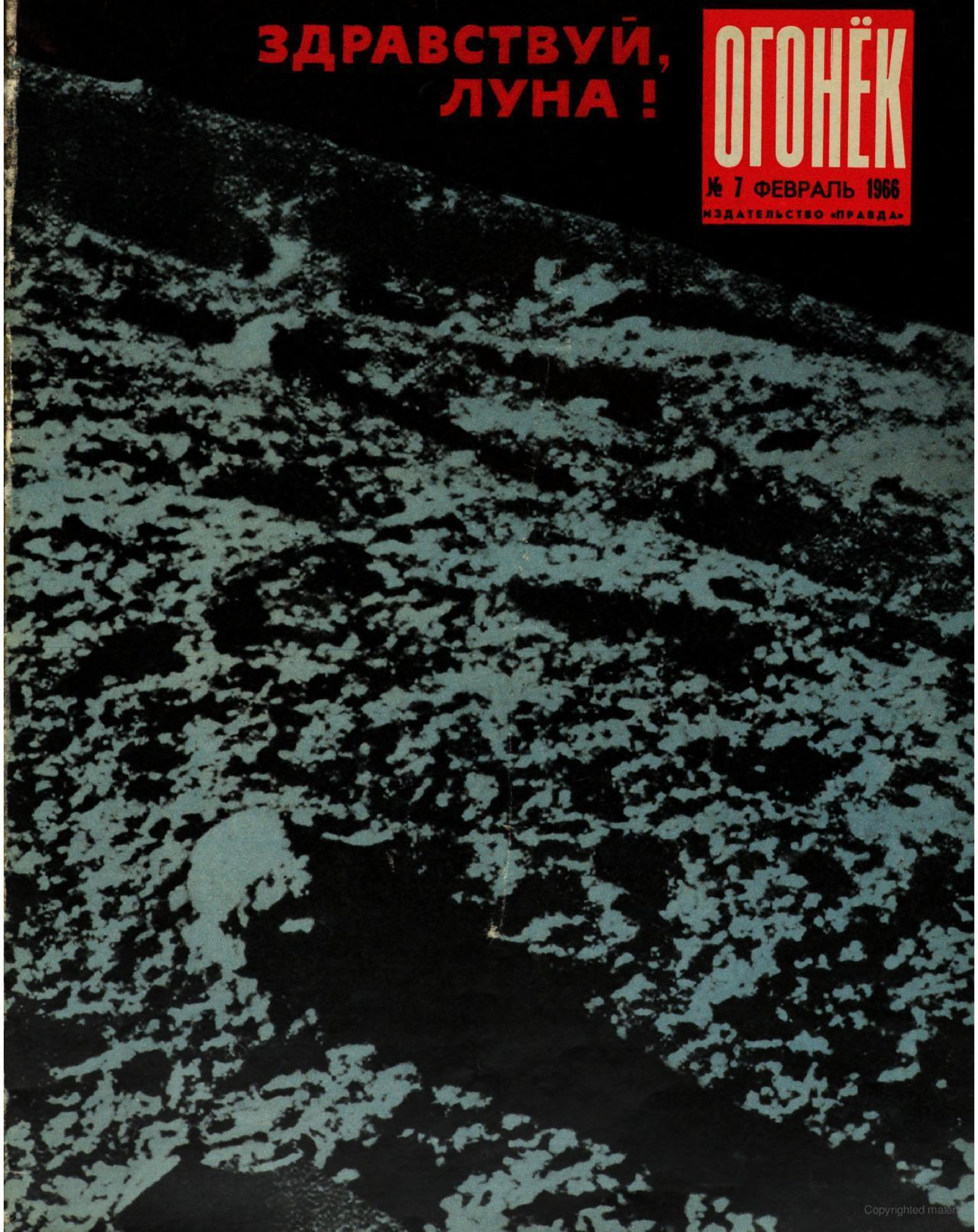
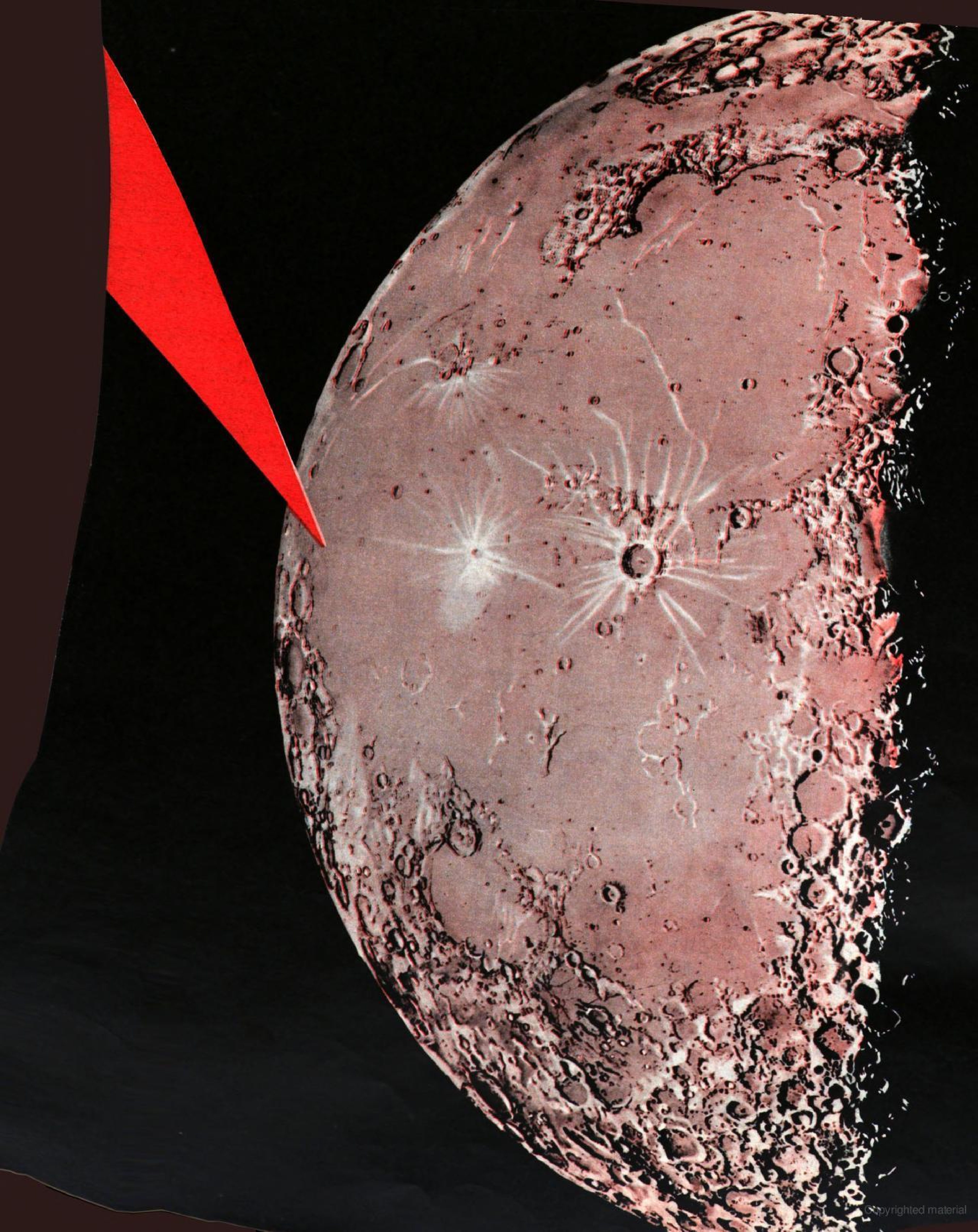

ЗДРАВСТВУЙ, ЛУНА!
ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

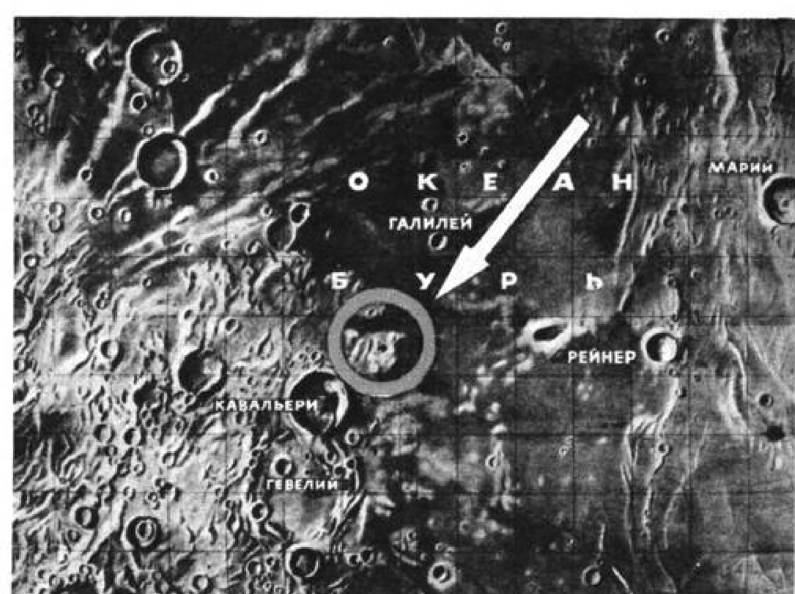
№ 7 (2016)

13 ФЕВРАЛЯ 1966

Как пилот неробкого десятка,
Взмыл к Луне
советский аппарат.
Прилуненье.
Мягкая посадка.
Межпланетно
вымпелы горят.
Не забыть вовек такого часа,
В небесах особый колорит:
Блещут звезды,
Полыхает трасса,
И Луна
с Землею говорит.

Сергей СМИРНОВ

Фото О. Кнорринга.

Район посадки станции «Луна-9». Стрелкой указано место прилунения.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОКЕАН БУРЬ

С. ШИРОКОВ,
действительный член Всесоюзного астрономо-геодезического общества

Знакомые очертания лунного лица: правый глаз — Море Ясности и Море Спокойствия, левый — Море Дождей, открытый рот — Море Облаков, а сероватое пятно на щеке у левого края диска — это и есть Океан Бурь.

Луна несется в пространстве со скоростью один километр в секунду, и летит она, устремленная Океаном Бурь вперед. Так и движется она миллионы лет Океаном Бурь вперед. И сейчас на ней стоит советская автоматическая станция. Ее электронные глаза отыскали Океан Бурь, а электронный мозг провел небывалые в истории науки исследования.

В последние годы слух людей, даже далеких от астрономии, все более привыкает к названиям лунных районов. Альфонс, Море Дождей, Море Москвы, наконец, кратеры Кеплер, а затем Рейнер, Марий, Галилей — все это нам сейчас, как ни странно, более привычно, чем какое-нибудь Арафурское море или острова Кермадек, находящиеся у нас на Земле. А впрочем, ведь это — законное проявление века космоса. Не удивлюсь, если через несколько лет в печати начнется большой разговор о том, сколько часов отводить в школьной программе географии, а сколько — селенографии.

Теперь к списку знакомых

Окончание на стр. 6.

КОСМИЧЕСКИЙ ПОДВИГ

Невероятно! Мы увидели поверхность Луны с расстояния двух метров! Неужели это не сказка, не сон, навеянный впечатлениями от книг писателей-фантастов?

Перед нами снимки тверди небесного светила, и мы видим на них камушки, бугорки, лунки, тени... Неужели это та самая загадочная древняя Луна, вечно созерцающая Землю из немыслимых космических глубин, тот самый недосягаемый золотой диск, червленный таинственными пятнами, в которых людям чудился Каин, убивающий Авеля?.. Неужели это и есть месяц-месяченько, которого девушки просили в песнях не светить никому, кроме как милому, когда идет он домой?

Да, перед нашими изумленными глазами — поверхность Луны. Вот она, вот... Поверхность неизменной спутницы Земли, на которую со страхом и преклонением смотрел древний человек, поверхность Луны, которую люди боготворили тысячелетиями, ощущая свою мизерность и утлость ума своего перед холодной загадочностью мироздания.

Несметное количество надо было сделать Луне оборотов вокруг Земли, а Земле вместе с Луной вокруг Солнца, многим цивилизациям суждено было исчезнуть с лика планеты как теням, а на их место прийти новым, пока человек, шествуя по тернистому пути познания мира, стал Человеком и пламенем гения своего сжег заблуждения веков, открыв многие законы природы. На этом трудном пути проявилась воистину неисчерпаемая творческая сила Человека.

И все-таки Луна оставалась непознаваемой, хотя и слыла при всей загадочности своей хранительницей земных тайн, безмолвной покровительницей влюбленных и поэтов-лириков, свидетельницей всего свершающегося на Земле — и трагического и созидательного.

Но мысль человеческая, обращенная к ночному светилу, не знала покоя...

Дерзновенность творческой мысли человека во всем величии олицетворил сын русского помора Михайло Ломоносов, гениальными открытиями обогативший почти все области знаний, в том числе и астрономию. После Ломоносова много мужей отечественной науки на века прославили свои имена. А с тех пор, как Октябрь возвестил рождение социалистической эры, наука в Стране Советов, став на службу прогресса, устремилась вперед на крыльях коммунистических идеалов. И сейчас весь мир с изумлением следит за сказочными победами Советского государства. Разве не убедительное свидетельство этому наши успехи в покорении космоса? Ведь именно советские люди положили начало космической эре! Именно у нас был создан и выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли, именно советский человек первым покорил космические выси на корабле-спутнике, первым один на один встретился со Вселенной, выйдя из корабля в пространство неведомого, первым водрузил советский вымпел на Луне и первым сфотографировал ее обратную сторону... А теперь, в преддверии XXIII съезда нашей партии, советские ученые первыми мягко посадили на Луну автоматическую станцию «Луна-9» и при помощи электронного глаза дали возможность всему человечеству видеть поверхность древнего спутника Земли.

«Луна говорит по-русски»,— возвестила одна зарубежная газета. А мы скажем: Луна свидетельствует всему миру, что бывшая лапотная Россия, что весь многонациональный народ Страны Советов идет во главе всемирного прогресса. Наши победы в космосе — яркое свидетельство экономического могущества страны, расцвета советской науки и техники, невиданного подъема творческих возможностей народа, строящего коммунизм. И это самое главное. Сила разума и труда человека в условиях социалистического строя неисчерпаема! Эта сила направлена к одной цели— утверждению добра и справедливости на Земле...

Но понимают ли это в Пентагоне, по чьему приказу американские самолеты сжигают напалмом мирные жилища вьетнамцев, борющихся за независимость и свободу? Конечно же, понимают! И все человечество это понимает... В то время, когда Советское правительство в качестве посредника прилагает усилия, чтобы установить мир между Индией и Пакистаном, американские стервятники с водородными бомбами на борту бороздят небо над Западной Европой. Итог советских усилий — прекращение военных действий между пакистанскими и индийскими войсками. Итог жандармской деятельности американской военщины — оброненные водородные бомбы на территории Испании и у ее побережья. Это лишь несколько фактов из многих им подобных. От них никуда не уйти, какими бы фразами ни прикрывал свою политику американский империализм.

...Мы переживаем волнующие дни: и потому, что так глубоко заглянули в тайны космоса, и потому, что, успешно выполнив план семилетки, с воодушевлением положили хорошее начало новой пятилетке, и еще потому, что близится очередной съезд партии, которая является нашей силой, нашей совестью и гордостью. Именно ей, партии коммунистов, советский народ обязан своими успехами и в созидании и в борьбе за мир. XXIII съезд КПСС наметит новые пути прогресса. И будут новые победы, в том числе и в завоевании космоса. Придет время, когда советский человек прикоснется к Луне уже не взглядом телеобъектива, а уверенно ступит ногой на ее загадочную твердь.

Иван СТАДНЮК

ФОТОГРАФИИ ВЕКА

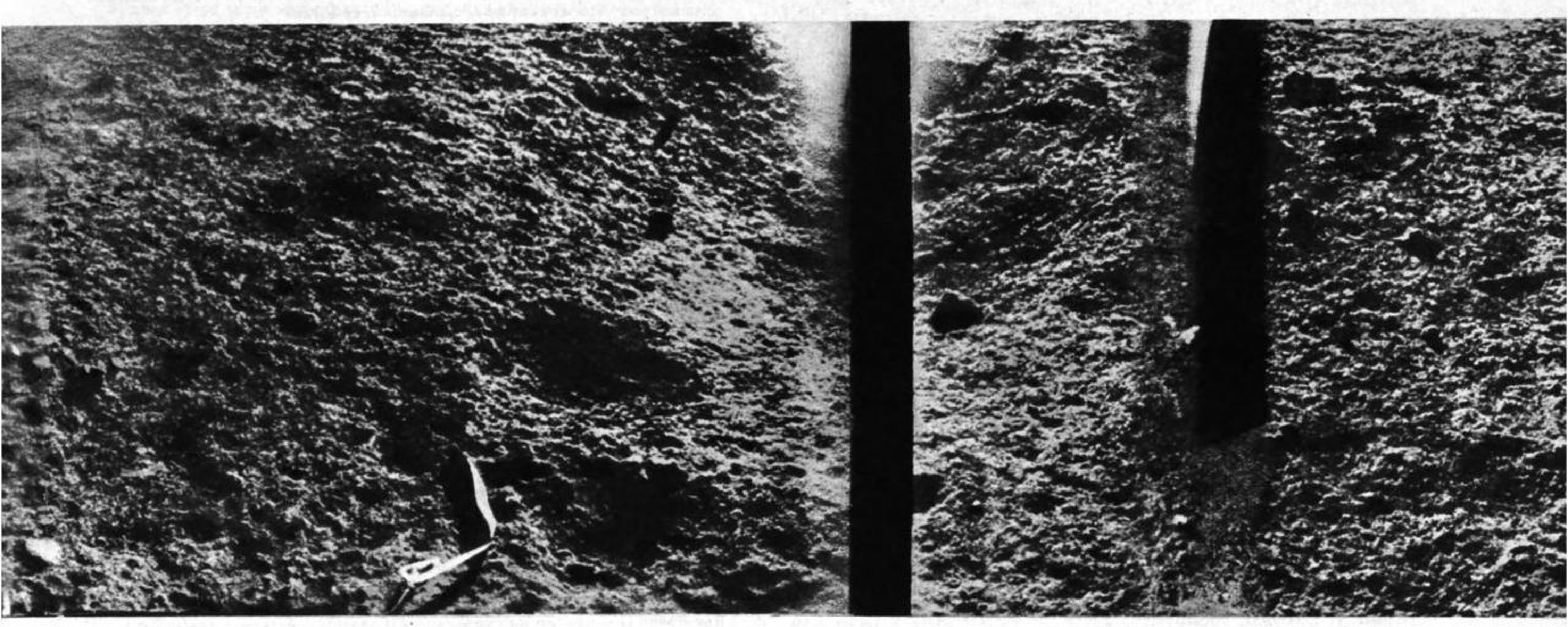

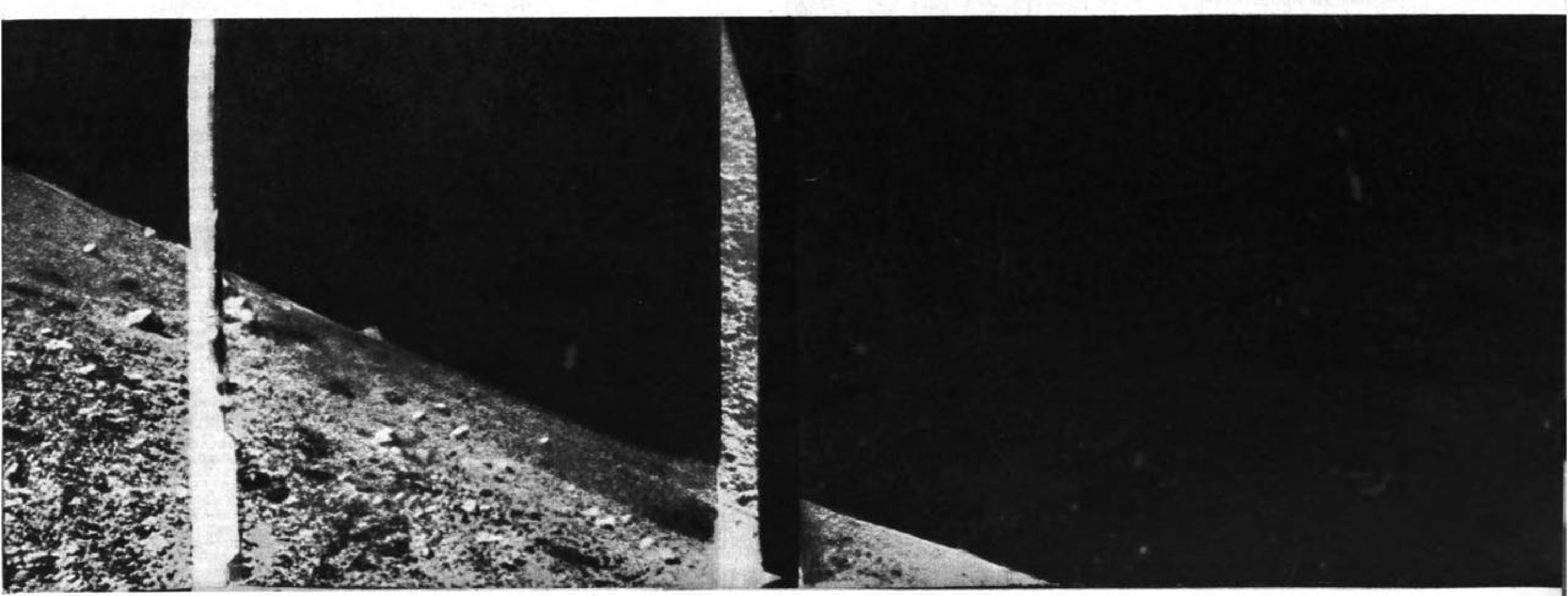

Левая часть круговой панорамы Луны.

Центральная часть круговой панорамы.

Правая часть круговой панорамы.

ГРАНДИОЗНЫЙ УСПЕХ СО

ЛУНА СТАЛА БЛИЖЕ

Летчик-космонавт Алексей ЛЕОНОВ о полете на Луну

За окном запорошенная снегом улица звездного городка, где живут космонавты. Наш корреспондент А. Голиков беседует с Алексеем Архиповичем Леоновым о событии, взволновавшем весь мир,— мягкой посадке на Луну автоматической станции «Луна-9».

— Трудно переоценить эту победу советской науки и техники для дальнейшего развития космонавтики и разгадки тайн природы,— говорит Алексей Архипович.— Автоматическая станция «Луна-9» приблизила осуществление мечты многих ученых. Астрономы и геофизики мечтают о создании на Луне астрономических и лунометрических обсерваторий, геологи — об изучении вулканических и сейсмологических явлений на Луне. Это поможет им разобраться во многих не совсем еще изученных процессах, происходящих на поверхности и в недрах нашей планеты.

Я тоже с волнением и нетерпением следил за полетом автоматической станции. Мягкая посадка станции на Луне —событие огромной важности для развития техники пилотирования космических кораблей. Старинное авиационное правило гласит: «Хочешь научиться летать — научись выполнять посадку». Это правило полностью относится и к космонавтике. Поскольку автоматическая станция совершила мягкую посадку, значит, на Луне может совершить такую посадку и космический корабль с человеком.

Мы с Павлом Беляевым, пилотируя корабль, выполнили мягкую посадку на Земле. Осуществить ее на Луне во сто крат труднее. Ведь на Луне нет атмосферы, и, следовательно, о каких-то парашютных устройствах, тормозящих спуск, не может быть и речи. Скорость станции гасилась только за счет работы тормозных двигателей, а для этого ориентация станции в непривычных лунных условиях должна была быть безупречной.

— Как вы представляете, в каких условиях окажется космонавт, высадившийся на Луне?

Алексей Архипович берет большую фотографию лунной поверхности, где в районе Океана Бурь опустилась «Луна-9».

— Представим себе, что здесь высадился космонавт и... Да, тут придется еще многое домыслить. Форму и размеры этих кратеров и океанов уже довольно хорошо изучили, а вот о самой поверхности планеты, на которую шагнет космонавт, мы знаем еще мало. Сейчас, когда автоматическая станция поднесла «Луну» нам к самым глазам, многое прояснится.

Ученые считают, что поверхность Луны состоит из чрезвычайно пористых горных пород. Особенно самый верхний слой. О его прочности ничего определенного пока еще нельзя сказать. А это обязательно надо знать для посадки космического корабля.

Человека-то этот слой, конечно, выдержит, но передвигаться по Луне довольно сложно: всюду неровности, трещины, нагромождения пока неизвестных пород.

И еще одно. Так как атмосферы на Луне практически нет, то выход из корабля придется выполнять примерно в таком же скафандре, как и в открытом космосе. В соответствии с этим должна быть обеспечена и вся работа приборов, аппаратуры.

Сейчас благодаря фотографиям, сделанным автоматической станцией, сотни миллионов людей имеют представление о лунном ландшафте. А вот что космонавт увидит в лунном небе, об этом я могу сказать со значительной степенью достоверности. Небо из открытого космоса просматривалось примерно так же. Оно кажется совершенно черным, потому что голубой фон атмосферы, освещенный солнечными лучами, отсутствует. Солнечный свет необычайно резок. Звезды не мерцают, а светятся ровно. Это тоже из-за отсутствия атмосферы. Ведь мерцают они потому, что их свет преломляется в воздухе.

Хорошо представляю в лунном небе нашу родную Землю, хоть в открытом космосе я ее видел несколько иначе. Земля плывет над Луной огромным голубым шаром. Отчетливо видны моря, океаны, материки, видно, как планета вращается, видны облачные массивы. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для геофизиков. Они своими глазами могли бы увидеть, где образуются циклоны, определить их мощность, следить за их движением...

Очень красивая картина предстанет перед космонавтом, когда Земля встанет между Луной и Солнцем. Фрагмент этой картины я видел в открытом космосе. Земной шар, освещенный сзади Солнцем, будет казаться голубым диском с темным центром. А по краям его — сияющий радужный ореол: у основания огненно-красный, потом оранжевый, голубой и, наконец, темно-фиолетовый, переходящий в угольную черноту космоса.

— Ну, а вы сами хотели бы полететь на Луну?

— Конечно, хотел бы, как, вероятно, и каждый из моих друзей. Но знаете, о чем я сейчас подумал? Еще десять лет назад я счел бы сумасшедшим того человека, который задал бы мне такой вопрос. Впрочем, и мягкая посадка на Луне автоматической станции и тем более пе-

Познание

Дмитрий КОВАЛЕВ

Избитая поэтами Луна,
Как появилась заново на свете.
С гербом чеканным.
Не удалена.
И держит речь на мировом совете.

Теперь иные тайны у Луны,
Такой же ясной и в такой же сини.
И лунно.
И морозно.
И длинны
густые тени.
И, как призрак, иней.
Но видима не мысленно уже,
Вся ноздреватая— до камешка, до пóры.

Стоят на тайном лунном рубеже
Глазастые антенны, как опоры.
И странно, и загадочно еще,
И удивительно: не тайной стала тайна.

И гордо,
Что весь мир так горячо
К нам обращен,
В своих исканьях неустанный...

Новее человек с природой слит.
И лунный свет снега увеселяет.
И тайны новые Луна сулит...
И новые познания вселяет.

МИР ВОСХИЩЕН!

«Первенство в завоевании космоса принадлежит социалистическому государству. СССР располагает могучей силой. И он направляет ее на то, чтобы добиться всеобщего разоружения и упрочения мира. Сегодня человечество стоит перед новыми, исключительной важности проблемами, налагающими на него большую ответственность. Именно та часть человечества, которая с помощью своих ученых, инженеров, рабочих послала на поверхность Луны замечательный аппарат, строит сегодня новый, социалистический мир, прокладывает дорогу в светлое будущее».

(«Юманите», Франция).

«Советский Союз вновь на гигантский шаг опередил США в космических исследованиях».

(Финская газета «Суоменмаа»).

«Советский Союз опередил США в исследовании космоса на полтора года. Мягкая посадка — событие на уровне первого спутника, первого полета человека в космос и первого снимка обратной стороны Луны».

(Шведская газета «Экспрессен»).

«Это великий успех, это очень важный шаг вперед для реальной посылки космических лабораторий на Луну».

(Профессор Джеймс Ван Аллен, штат Айова, США).

«Запуск и мягкая посадка автоматической станции на Луну — большое событие. Я считаю, что если удалось посадить на Луну станцию с приборами, то в скором времени удастся посадить на нее и космический корабль с человеком на борту. Мне думается, что именно Советский Союз скоро высадит первого человека на Луну».

(Директор датской обсерватории Асгер Лундбак).

«С глубоким интересом следили мы за серией советских «лунников», запуски которых все более

ЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

редача ею на Землю информации и фотографий показалась бы тогда чистейшей фантастикой. А сейчас все это стало реальностью.

Полет человека на Луну, несомненно, все еще будет шагом в неведомое. Тут уж я говорю по собственному опыту. Мой выход в открытый космос был подготовлен и отрепетирован на Земле со всей возможной тщательностью. Казалось, все проверено, предусмотрено. В целом это так и было. Даже ощущения я испытал в значительной степени знакомые. И тем не менее возникли некоторые неожиданности, потребовавшие мгновенных решений и действий.

Так, вдруг наш корабль, точно сориентированный по отношению к Земле, стал вращаться от изменения центра масс: я передвигался по обрезу шлюзовой камеры, и корабль очень чутко реагировал. И еще. На Земле было до мелочей разработано, как мне следовало доставить в корабль наружную кинокамеру после окончания съемки. Все движения при этом я оттренировал до автоматизма в условиях кратковременной невесомости. А в открытом космосе пришлось действовать по-другому, и оказалось это совсем непросто. Одним словом, неведомое давало себя знать.

И еще была одна неожиданность, уже для ученых. В самый ответственный момент полета, когда я отходил от корабля в открытый космос, мой пульс, дыхание... Да вот посмотрите сами, какими они были.

Алексей Архипович показывает кривые, вычерченные приборами-самописцами, кривые, отмечающие дыхание, частоту сердечных сокращений, артериальное давление космонавтов во все время эксперимента. Эти кривые он демонстрировал на международном астронавтическом конгрессе в Афинах. Приборы зафиксировали лишь незначительное изменение физиологических функций. А ученые-психологи ожидали, что в этот момент у космонавта произойдет, как говорят, эмоциональный взрыв. Но взрыв не состоялся. Это было результатом отличной психологической подготовки к полету и правильно составленной программы работ, которые предстояло провести Леонову в открытом космосе. Программа была столь насыщенна, что просто не оставила времени для эмоций.

— Видимо, и космонавт, который первым высадится на Луну,— продолжает Алексей Архипович,— встретится с какими-то неожиданностями. Ведь все невозможно предвидеть на Земле. Только эти неожиданности будут гораздо сложнее тех, с которыми я столкнулся в открытом космосе.

— Мягкая посадка на Луну — это важный этап для дальнейшего развития космонавтики и освоения Луны человеком.

Александр ГОВОРОВ

Нашим славным ученым посвящаю.

Ночь без луны и звезд
Страшна.
Границы нет
Меж ней и нами.
Дрожит поверьями и снами
И всеми страхами
Она.
И будто нет земли и неба.
И будто все черно.
И немо.
И ты не ты,
А лишь кусочек
Вот этой вздрагивающей ночи.
Взойдет луна,
И сразу ночью
Я чувствую себя бодрей.
Поля становятся
Светлей,
Хотя загадочнее
Рощи.
И по ночам,
Порою, в парке
Гляжу на диск твой,
Как дитя.
Луна — пока еще загадка,
Но отгадаем мы
Тебя.
К отгадке путь
Был долог, сложен.
И вот
Я в тьму гляжу смелей...
И ночь безлунная
Не сможет
Пугать
Безбрежностью своей.

приближали СССР к нынешней эпохальной победе. Посадить космическую станцию на Луне — это не шаг, это поистине прыжок вперед к осуществлению мечты людей о межпланетных путешествиях».

(Профессор Токийского университета Нобуру Такаги).

«Точность работы аппаратуры, регулирующей скорость станции во время ее посадки, является большим техническим достижением. Это говорит о том, что было найдено правильное техническое решение всего процесса посадки».
(Профессор Варшавского политехнического института Збигнев Пончковский).

«Глубоко верю, что первым на Луне будет непременно советский человек!»

(Политический деятель Юго-Западной Африки Катхилена Эвалд).

«Люди, которые будут бороздить просторы космоса в такой же безопасности, как мы — земные океаны, всегда будут помнить о подвиге советского народа, первым проложившего дорогу человечеству в космос и на Луну».
(Основатель и генеральный секретарь Индийского международного клуба в Калькутте Дурга Прасад Шастри).

ТАСС и АПН.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Как оценивают за границей полет «Луны-9»! На этот вопрос по просьбе «Огонька» отвечают советские корреспонденты: Георгий Драгунов — из Женевы, Борис Котов — из Парижа и Борис Губнов — из Лондона.

П А Р И Ж

— Высокую оценку успехов советской науки и техники дают французские ученые, специалисты по космическим вопросам. Все ждали, что это случится в один прекрасный день,— заявил директор Национального центра космических исследований генерал Робер Обиньер.— Но тем не менее это — абсолютно исключительное достижение. Советские люди показывают тем самым, что они полностью и мастерски выполняют свою космическую программу.

Вся французская печать обсуждает сейчас вопрос о том, когда и кто из людей первым вступит на лунную поверхность. Газеты сходятся в единодушном мнении, что этим человеком будет советский космонавт и что произойдет это сказочное событие в самом недалеком будущем. Жаркое обсуждение этого вопроса не обходится без курьезов. Многочисленные любители споров заключают денежные пари. Сообщается, что сумма ставок на советских космонавтов в 40 раз выше, чем на американских.

Ж Е Н Е В А

Индийский профессор Савате, генеральный секретарь Международного союза электросвязи, объединяющего почти сто стран, в ответ на вопрос «Что может дать в вашей области деятельности, профессор, полет «Луны-9»?» ответил:

— Позвольте мне сначала сказать, что я с восторгом читал сообщения о посадке и функционировании автоматической станции на Луне. Именно с восторгом, потому что, если хотите,— это настоящий подвиг ваших ученых и инженеров.

Ваши специалисты заслужили большую признательность всех тех, кто работает по линии МСЭ. Ведь вы добились отчетливой сверхдальней радиосвязи. Без абсолютно точной телевизионной разведки поверхности Луны и такой же надежной радиосвязи нечего и мечтать о полетах людей на нашу спутницу.

Прощаясь, генеральный секретарь МСЭ шутливо спрашивает шепотом:

— Скажите по секрету, что вы замышляете следующее?—И добавляет:— Мы ждем от вас новых, еще больших успехов.

Достаточно лишь перейти авеню Джузеппе Мотта, чтобы из штаб-квартиры МСЭ попасть в царство других ученых — метеорологов. К сожалению, «самого главного» — генерального секретаря Всемирной метеорологической организации А. Дэвиса—застать не удалось. Он был в Москве. Его коллеги сказали нам, что метеорологи уже давно мечтают с Луны предсказывать погоду на Земле.

Л О Н Д О Н

Фотографии таких размеров, как в английской газете «Дейли экспресс», в газетах я еще не видел.

«Посадка «Лунника № 9»— фантастический технический триумф,— писала газета «Дейли мейл»,—это новая веха на пути к высадке на Луну человека. Теоретически русские могут сделать это уже сейчас. Единственная оставшаяся пока не решенной проблема — это его возвращение на Землю».

Сэр Бернард Ловелл, директор радиотелескопической обсерватории Джодрэлл Бэнк, сказал, что эта посадка «явилась историческим моментом», и добавил: «В соревновании за освоение космического пространства русские сделали огромный скачок вперед и намного обогнали американцев».

В тот первый день прилунения, а также в последующие дни пробиться по телефону в Джодрэлл Бэнк, а тем более добиться свидания с Бернардом Ловеллом было делом удивительно трудным. В течение многих часов вместе с корреспондентами других газет я вел осаду, и вот наконец в трубке его голос.

«Успешная мягкая посадка советского космического корабля на Луне — это новое великолепное достижение советской науки,— сказал он.— Мы, английские ученые, со своей стороны, счастливы тем, что нам довелось при помощи нашего радиотелескопа следить за путем «Лунника-9», записать на пленку момент его посадки, а также и последующие сигналы с лунной поверхности. Нет слов для того, чтобы оценить в полном объеме величие этого подвига на пути техники, очень важного для получения необходимых сведений о Луне. Достижение советских ученых открывает новый этап в изучении Вселенной — исследовании поверхности космических тел путем непосредственного контакта с ними приборов, посланных с Земли.

Я думаю, что, когда я делаю это заявление, советские ученые уже разрешили многие лунные проблемы, которые до этого оставались загадкой для всех нас. Уже один тот факт, что космический корабль спокойно садится на поверхность Луны, не погружаясь на метры в лунную пыль, является важнейшей научной информацией. И, конечно же, достижение советских ученых намного приближает день полета на Луну космического корабля с человеком на борту и его высадку на самый большой естественный спутник Земли.

Все работники нашей обсерватории шлют наши самые сердечные поздравления русским коллегам по случаю их великого научного подвига».

Фото Б. Кузьмина и Л. Шерстенникова.

СТАРТ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОКЕАН БУРЬ

Продолжение. Начало см. на стр. 1.

мест прибавляется Океан Бурь. Давайте совершим путешествие в этот океан застывшей лавы.

Ученых давно волновал вопрос, что же собой представляет поверхность Луны. Советская автоматическая станция дала чрезвычайно важные сведения. И фотографии, сделанные впервые в истории непосредственно на Луне, и сам момент прилунения станции очень много рассказали ученым.

Помню, с каким волнением в обсерватории Московского планетария мы наблюдали момент прилунения станции.

В телескоп был отлично виден район предстоящей посадки. Большая часть Океана Бурь уже купалась в утренних солнечных лучах, а здесь, со стороны кратера Рейнер, только что взошло Солнце, начался 354-часовой день, второй день 1966 года по лунному календарю! Косые лучи Солнца освещали темную равнину Океана. На зазубренном крае диска ярко освещены валы кратера Кавальери, а на его дне на глубине 2 900 метров ниже уровня валов еще ночь. К северо-западу от Кавальери зияет 16-километровая воронка, почти лишенная вала,— кратер Галилей. В 30 километрах от него два месяца назад упала «Луна-8», а еще дальше на восток — «Луна-7». Теперь в Океан Бурь садится «Луна-9».

Какова же поверхность Луны? Если, как это предполагали некоторые ученые, она покрыта толстым слоем пыли, то тормозные двигатели станции, направленные на Луну в момент посадки, поднимут к небу многокилометровое облако, хорошо заметное в телескоп, если же облака не будет, значит, «лунит» образует твердую кору и запыленность Луны совершенно незначительна. Правда, у гипотезы мощного пылевого покрова за последние годы осталось мало приверженцев, но проверить стоит.

И что же?

Секундомер отсчитывает последние секунды перед посадкой.

21 час 45 минут. Наблюдатели внимательно следят за районом Галилей — Кавальери — Рейнер.

Сорок пять тридцать. Каждый бугорок под пристальным наблюдением. Проходит целая вечность.

Сорок семь. Никаких изменений. А ведь она уже там!

Сорок девять. Да, наблюдать дальше уже бесполезно. Облака нет. Значит, пылевого слоя на Луне нет.

Однако вернемся к нашему путешествию по Океану Бурь. Если у вас есть полевой бинокль, то в ближайший вечер вы сможете сами отыскать на Луне эту великую равнину.

В центре карты западного полушария Луны вы видите большой рельефный кратер Коперник. Он один из самых молодых кратеров. Диаметр Коперника — 90 километров. Его валы, снаружи бугристые, изрытые ложбинами, подняты над дном кратера почти на 4 тысячи метров и опускаются вниз широкими террасами. Внутри Коперника восемь скал образуют нечто вроде центральной горки. В полнолуние Коперник выглядит светлым пятном, окруженным венцом светлых лучей, выброшенных из недр кратера. Лучи кажутся светлой пылью, осевшей на соседние моря и заливы. Но это не пыль. Что это такое? Пока это загадка Луны. Лучи Коперника видны только в дни, близкие к полнолунию. Такой же системой лучей обладает 35-километровый Кеплер, который мы находим к западу (левее) от Коперника.

Коперник лежит на стыке морей и заливов. В 300 километрах к востоку от него виден большой овал Залива Зноя. В конце прошлого века опытный селенограф В. Пикеринг наблюдал здесь сеть темных полос и узлов, напомнивших ему каналы Марса. Эти странные безводные «каналы», по свидетельству ученого, свободно забираются на горы, спускаются в ложбины, не проявляя никакой зависимости от рельефа местности.

У подножия северного (верхнего) вала Коперника мы попадаем в район невысоких Карпат, за которыми нам открывается обширное пространство Моря Дождей. Карпаты ограничивают его с юга, а цепь Апеннин — с юго-востока. Отсюда на север с пятикилометровых круч хребта нам открывается один из самых красивых районов Луны. Полузатопленный цирк Архимед и кратеры Аристилл и Автолик образуют прямоугольный треугольник. Здесь, у подножия 37-километрового Автолика, лежит советский вымпел, доставленный туда «Луной-2».

Далеко к северо-западу от Коперника расположены два лучистых кратера-близнеца — Геродот и Аристарх (правый). Дно Аристарха — самое светлое место на Луне, оно отражает свет почти в четыре раза интенсивнее, чем окружающая поверхность океана. На дне Аристарха наблюдаются темные полосы, меняющие свою форму и длину. Иногда они, подобно гигантским щупальцам,

К ДАЛЕКИМ МИРАМ

переходят за границы вала. Скорее всего это последствия выхода газа из лунных недр по трещинам. Может быть, на базе этой временной атмосферы существуют какие-то примитивные формы жизни? Для этого есть и еще одно условие. Дно Аристарха — это неоспоримо доказано — в холодное время суток согревается подлунными источниками тепла.

Но нам пора спешить к району мягкой посадки, и наш путь пойдет теперь прямо на запад через Океан Бурь. На полпути от Коперника к лучистому Кеплеру мы попадаем в район лунных куполов — остывших вулканов. На равнине, покрытой лавой, в телескоп отчетливо заметны вздутия с узкими черными жерлами. Они напоминают «вулканы», возникающие на поверхности кипящей манной каши. По-видимому, в этом месте кора Океана имеет небольшую толщину, и, возможно, именно здесь в будущем будет предпринято глубинное бурение лунных недр.

Кратер Кеплер увековечил на Луне память о великом астрономе XVII века, «законодателе неба». Законы, открытые Иоганном Кеплером, применяются для расчета орбит искусственных спутников Земли. Да и само слово «спутник» впервые было употреблено в астрономии Кеплером.

К западу от Кеплера лежит район посадки «Луны-9». Мы попадаем туда, минуя кратер Рейнер. К северо-востоку от квадрата посадки находим 40-километровый кратер Марий, а к северу — маленький Галилей.

Нет в истории селенографии имени более значительного, чем Галилео Галилей. Это он в 1609 году первым направил телескоп на Луну, обнаружил на ее поверхности горы, измерил их высоту. Он первый дал лунным равнинам образное название «морей» и, по-видимому, сознавая всю условность понятия «лунное море», предсказал сильную изрытость лунного грунта. Но Галилей осмелился бороться со старыми астрономическими канонами, которые поддерживала церковь. И отцы-иезуиты, которые постоянно вмешивались в дела астрономии, в том числе и в изучение Луны, отметили память основоположника селенографии... шестнадцатикилометровым кратером. Один из иезуитов, Джованни Баттисто Риччиоли, не был трудолюбивым наблюдателем, как его учитель Гримальди, именем которого назван второй по величине кратер Луны. (В 250 километрах от района посадки.) Но Риччиоли тем не менее взял на себя скромный труд... наименовать все кратеры Луны. Так, западнее Гримальди появился цирк Риччиоли поперечником всего-навсего 175 километров. Для гениального же Джордано Бруно, заживо сожженного с благословения церкви, вообще не нашлось ни одного из 40 тысяч кратеров.

К западу от Риччиоли мы попадаем в горный район, уводящий нас на невидимую сторону Луны. Мы знаем теперь, что скрывается там, на обратной стороне. Ее открыли людям советские ученые и конструкторы. Ярчайший кратер обратной стороны носит теперь имя Джордано Бруно.

Небольшой 16-километровый кратер Галилей, брошенный в свое время как подачка гениальному ученому, сегодня стал знаменитым. Рядом с ним впервые в истории мягко прилунилась советская космическая станция.

ШАГ В НЕВЕДОМОЕ

Б. В. КУКАРКИН,
профессор МГУ

Я без волнения даже не могу говорить на эту тему: настолько замечательным кажется нам, астрономам, новое достижение советской науки и техники. Ведь подумайте только: совершена мягкая посадка на поверхность Луны, на поверхность другого космического тела!

Почему мы придаем такое большое значение именно мягкой посадке? На этот вопрос ответить легко. Каждый космический корабль «начинен» очень тонкими, очень точными приборами, естественно, их нужно уберечь от большого удара, который может произойти при большой скорости прилунения. Вот почему так существенно, чтобы агрегаты, связанные с моторной группой, работали совершенно безотказно, с точностью до ничтожных долей секунды. Нужно было прежде всего сохранить жизнь замечательных инструментов, которые дали нам уникальную информацию о Луне.

Мы уже привыкли к возвращению наших космонавтов на Землю, и нам кажется это естественным. На самом же деле это не простое дело. Но когда речь идет о Луне, практически лишенной атмосферы, проблема приобретает совершенно другой характер. Для мягкого приземления можно использовать сопротивление воздушного океана. Он гасит космическую скорость кораблей. Когда же мы опускаемся на планету, лишенную атмосферы, воспользоваться этим аэродинамическим эффектом мы не можем. Приходится целиком полагаться на работу двигателей. Если двигатели будут продолжать свою работу после посадки, произойдет, вероятно, большая напряженность для самого корабля. Если двигатели перестанут работать слишком рано, корабль может упасть и разбиться. Требуется изумительное согласование всех агрегатов, чтобы мягкая посадка осуществилась. И вот теперь мы с гордостью можем констатировать: советская наука и техника решили и эту очень трудную задачу.

Сейчас еще рано говорить о всех широких возможностях, которые открывает перед наукой полет «Луны-9». Одно то, что мы могли непосредственно осмотреть лунную поверхность, дало богатейший источник сведений для дальнейших попыток освоения Луны. Телеметрически мы получили данные о том, из чего состоит поверхность Луны, а уже одно это облегчает все дальнейшие полеты. Первую мягкую посадку на Луну мы можем рассматривать как первый шаг к посещению нашего естественного спутника человеком.

Слушая сообщения ТАСС, рассматривая фотоснимки Луны, я почему-то вспомнил Сирано де Бержерака. Это может показаться, конечно, странным. Но, как вы, наверное, помните, Сирано де Бержерак был мечтателем, который тоже говорил о путешествии на Луну. Это — одно из первых литературных произведений, где в явной форме была высказана фантастическая для того времени идея.

И вот теперь мы стоим на грани изумительного этапа в познании человеком внешнего мира — перед посещением ближайшего космического тела и возможностью непосредственно увидеть, какова же его природа.

Я понимаю, что приборы дают большую информацию, но человек, естественно, всегда будет хотеть принять участие в исследовании необозримых просторов мира.

Здесь позволительно спросить себя: что может дать астронавтика для изучения Солнца, планет, звезд?

Уже первые полеты в космос значили много для исследования околоземного пространства, в частности, корпускулярного излучения Солнца. Было также обнаружено, что у Луны практически отсутствует или, во всяком случае, очень незначительно магнитное поле, очень мало магнитное поле Венеры.

Началось тщательное изучение самого Солнца. Мы знаем, что наше светило — основной источник энергии на Земле. Мы используем ничтожные доли его энергии и до сих пор не умеем абсолютно точно прогнозировать такие существенные явления, как, например, солнечные вспышки.

Можно себе представить, что со временем будут созданы искусственные спутники в точках либрации земной орбиты. Так называются точки, одна из которых находится на расстоянии радиуса земной орбиты впереди Земли, а другая на расстоянии радиуса земной орбиты позади Земли. Тела, помещенные в либрационные точки, практически движутся с тем же периодом, что и Земля, и кажутся относительно неподвижными. Таким образом, если мы создадим там искусственные спутники, дающие нам систематическую информацию о солнечной поверхности, «отстающий» спутник будет заглядывать в ту часть Солнца, которая только еще будет появляться для земного наблюдателя, а предшествующий — тот, что находится впереди по орбите,— будет заглядывать в ту часть Солнца, которая уходит от нас.

Таким образом, почти весь солнечный шар может быть подвергнут наблюдениям. Эти сведения дадут предварительную и последующую информацию о важных явлениях на Солнце, которые, как известно, оказывают серьезное и разнообразное влияние на нашу земную жизнь, в том числе и на безопасность полетов космонавтов.

Я привел лишь несколько примеров, их может быть еще множество.

Среди звезд существуют так называемые нестационарные. В них происходят интереснейшие и глубочайшие процессы, связанные с освобождением колоссальных энергий, не мыслимых в наших земных условиях и пока не ясных нам самим. Такие явления мы встречаем, изучая сверхновые звезды. Но как раз самые интересные излучения сверхновых звезд — ультрафиолетовое, рентгеновское, гамма-излучения — в их оригинальном состоянии, не искаженном нашей атмосферой, мы не знаем. Установка постоянно следящих устройств на лунной поверхности обогатит нас ценнейшими данными о космических процессах. Может быть, со временем ученые найдут ключ к гигантским энергетическим процессам сверхновых звезд и окажется, что они могут быть воспроизводимы в земных лабораториях, конечно, с учетом всех мер защиты. Это ознаменует переворот в энергетике. Таким образом, благодаря изучению небесных тел в космосе земная наука получит очень интересные возможности.

Не последний вопрос в астронавтике — возможность обнаружения других цивилизаций и других форм жизни.

Я думаю, что уже первое посещение Марса, а может быть, даже и Луны, все-таки познакомит нас с какими-то формами жизни, которые нам совершенно неведомы. Я не оптимист в этом отношении. Может быть, на Луне действительно не обнаружат никаких форм жизни. Но вот что касается Марса и Венеры, то у меня глубокое убеждение, что какие-то формы жизни, может быть, очень примитивные, своеобразные, пошедшие по совершенно другому руслу развития, чем земная жизнь, может быть, не достигшие тех высоких форм цивилизации, которых достигла биосфера на Земле, мы все-таки встретим.

Ну, наконец, я хотел бы сказать о возможности установления связи с другими цивилизациями. Это вопрос очень сложный. По-видимому, цивилизация — чрезвычайно редкое явление во Вселенной. Может быть, на многие сотни, тысячи, даже миллионы звезд лишь только у одной могут оказаться условия, подходящие для того, чтобы возникла биосфера, похожая на нашу.

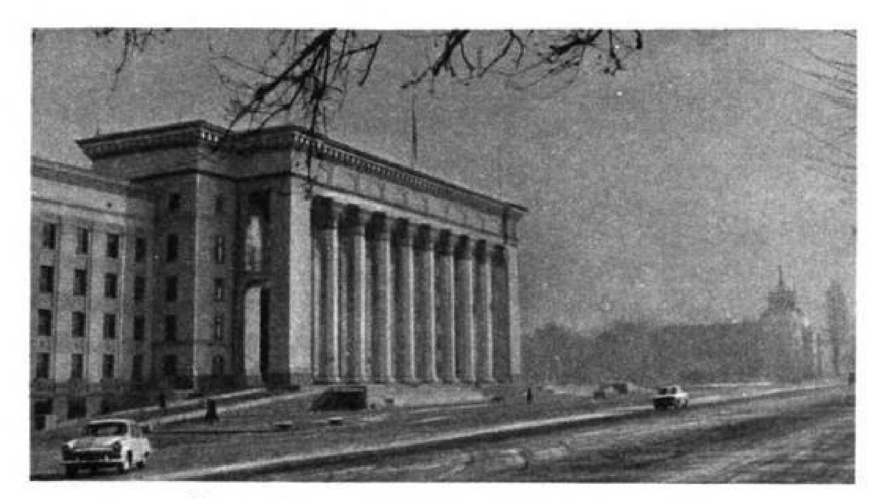
Вряд ли астронавтика даже в ближайшее столетие решит вопрос о посещении звезд. Это потребует огромных затрат и новых источников энергии. Но вне зависимости от этого существуют способы использования радиосвязи, квантовых генераторов и усилителей для общения с другими цивилизациями. Это дело также займет, наверное, десятки, а может быть, и сотни лет, но нам следует к этому готовиться уже сегодня.

Мы многого ждем от космонавтики, с большой надеждой смотрим в будущее и глубоко убеждены, что новый век, начавшийся 4 октября 1957 года, век первого выхода в космос, только начинается. Он принесет нам новые открытия.

Навстречу XXIII съезду КПСС

АЛМА-АТА

На снимке: Алма-Ата. Дом правительства.
Фото Л. Шерстенникова.

ОБНОВЛЕНИЕ

Сабит МУКАНОВ

В аулах и сейчас многие старые люди на вопрос о годе своего рождения отвечают: год барса, год улитки. В современной нашей жизни эти названия бесконечно устарели. Наши годы я мог бы назвать только именем скакуна, мчащегося вперед, как на байге. В такое время трудно усидеть на месте даже, когда тебе много лет, и я оставляю на время красавицу Алма-Ату и спешу еще раз взглянуть на республику.

Я побывал у карубалакских хлебопашцев и радовался их увлеченности и доброму настроению. Не миновал и своих родных мест в Северном Казахстане, в совхозе имени Докучаева. Я езжу туда почти каждый год вот уже четыре десятилетия, но всякий раз удивляюсь переменам, происходящим с родными местами.

Земляки мои чувствуют силу свою, переживают большой душевный подъем. Я не видел хмурых, неприветливых лиц. И это вовсе не значит, что нет забот. Ко мне от земляков передалось состояние душевной уравновешенности, веры в силу своих рук. Это — большое чувство.

В Кзыл-Ординской области я встретил Ибрая Жахаева. Кстати, и эту область я считаю своей родиной. О ней мой роман «Сыр-Дарья», а главный герой романа это и есть Ибрай Жахаев. Но сейчас он стал совсем другим, мой герой,— зрелостью мыслей, мудростью, щедростью душевной он далеко оставил позади литературный персонаж. Я любовался им, он так увлек меня, хоть новый роман пиши.

Я был в молодом городе Кентау. Я долго беседовал с молодыми инженерами, влюбленными в технику, а на склонах Каратау слушал старинные чабанские песни. И каждая новая встреча наводила на мысли о нашем быстротекущем времени, о громадных переменах в жизни. Я возвращался в Алма-Ату и вдруг обнаруживал, что и тут за мою отлучку появилось что-то новое. В прекрасной Алма-Ате словно отражается весь Казахстан, его могучий порыв в будущее. Я еду в Москву и снова испытываю то же чувство безостановочного обновления.

Сыновняя любовь согревает мои чувства к столице республики, где уже столько лет я живу и работаю, и к аулу Жаман-Шубар, где я провел детство и отрочество, и к Москве, сердцу нашей Родины, к городу, где скоро соберется форум коммунистов моей страны — XXIII съезд партии.

МИНЕРАЛ С ХАРАКТЕРОМ

В Министерство геологии и охраны недр Казахской ССР пришла посылка. Маленькая картонная коробочка, а в ней красивый минерал. Это антофиллит-асбест, крепкий орешек для кислот и щелочей. Его месторождение обнаружено неподалеку от истоков реки Эмбы. Первое такое месторождение на территории республики. Разработку его можно вести дешевым, открытым способом.

Антофиллит-асбест представляет большую ценность для химической промышленности, так как стойко выдерживает натиск целого ряда агрессивных жидкостей. Минерал с твердым характером.

Последний год семилетки оказался исключительно урожайным для казахстанских геологов. В разных районах республики они обнаружили около пятидесяти месторождений и проявлений нерудных полезных ископаемых.

В. ГАНЖА,
сотрудник Казахского телеграфного агентства

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА СТР. 26—27.

ТБИЛИСИ

Родина

Реваз МАРГИАНИ

Гор твоих склоны, травы, каменья
Я до конца хочу исходить,
Все разделить твои откровенья,
Новою жизнью их наделить.
Хочешь, взойду я стройною
статью,
Как виноградник новый, до звезд,
Лишь ощутить бы нежность
объятья,
Крепость объятья лучшей из лоз.
Хочешь, взволную всходы
мгновенно,
Дождиком долгим заморошу?
С неба спустившись, самозабвенно
Свежим дыханием я задышу.
Буду служить тебе неизменно.
Если ж прерваться жизни
моей,—
То только гордо и вдохновенно,
Лишь на дороге милой твоей.
Гор твоих склоны, травы,
каменья
Я до конца хочу исходить,
Все разделить твои откровенья,
Новою жизнью их наделить.

Перевел с грузинского Владимир Соколов.

КРАСНОРЕЧИВЫЕ КАРТЫ

Издан «Атлас Грузинской ССР». В нем 200 карт, 130 схем, картосхем и диаграмм. Сколько любопытнейших сведений! Карта революционного движения 1905—1907 годов рассказывает о том, где в эту пору были нелегальные большевистские типографии, в каких городах — стачки, в каких селах — крестьянские комитеты. Есть спелеологическая карта. Есть карты развития альпинизма и туризма. По археологической карте можно ознакомиться с местами, где найдены стоянки, селища и городища, могильники и древние клады.

И вот несколько интересных сведений.

ГРУЗИЯ ЗАНИМАЕТ ПЕРВОЕ МЕСТО В СТРАНЕ

ПО ДОБЫЧЕ 9 ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ — марганца, агата, диатомита, бентонитовых глин, гумбрина, асканита, барита, андезита и технического мышьяка.

ПО НАСЫЩЕННОСТИ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ.

ПО ДОЛГОЛЕТИЮ. Если в среднем по СССР на 100 тысяч жителей приходится 10 столетних, то в Грузии на то же число — столетних 51 человек. За годы Советской власти пятидесятилетних людей в республике стало в 2,6 раза больше, чем до революции.

Всего семь лет назад продукция промышленности Грузии вывозилась в 29 стран мира. Сейчас — в 69 государств.

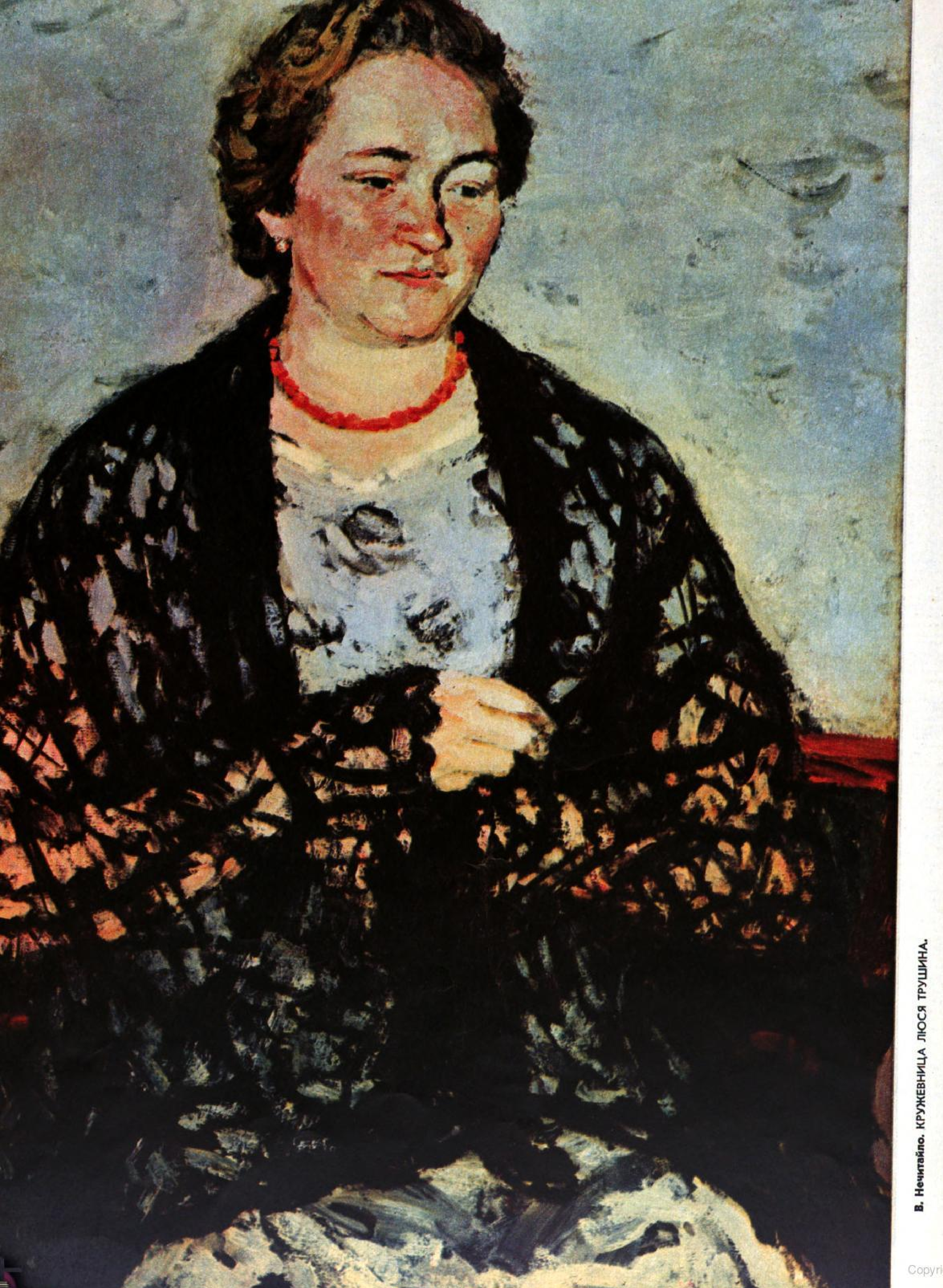
Столица республики по сравнению с дореволюционным временем выросла в 6,1 раза. Иными словами, за годы Советской власти построено шесть Тбилиси.

СИЛУЭТЫ СТОЛИЦЫ

Вот и в древнем городе на Куре появился «Высотстрой», вышел на проспекты и улицы, начал расставлять по горным террасам свои «пометки»: 14-этажный дом «Оргтехстроя» на проспекте Важа-Пшавела, 20-этажное здание проектного института на проспекте Ильи Чавчавадзе, несколько жилых высотных домов, 20-этажная гостиница «Интурист»... Все это пока в работе. Перекликаясь с соседкой — горой или став на высоком уступе, они уже вносят «коррективы» в силуэты грузинской столицы.

На снимке: строительство гостиницы «Интурист».
Фото М. Квиринкашвили.

В. Нечитайло. КРУЖЕВНИЦА ЛЮСЯ ТРУШИНА.

О. КУПРИН

ПРЕДАННОСТЬ

В одном из полков 51-й армии Блюхера в пору гражданской войны ставили спектакль — гоголевскую «Женитьбу». Ставил Костя Волленберг, бывший гимназист, недавний студент Томского политехнического и, наконец, солдат Красной Армии. Дело было летом. Зрительный зал — лесная поляна. Большинство зрителей первый раз в театре.

...А сейчас зима. Буранище жуткий. В карманах пальто — по сугробу. Дорогу от гостиницы до Дома культуры я знал отлично и все же заблудился. Ни домов, ни деревьев, ни неба, ни земли... Один только снег. Шел наугад и уперся-таки в стену. Вдоль нее на ощупь добрался до крыльца.

На сцене — диван. Лежит на нем учитель физкультуры Алексей Федорович Иванов и говорит:

— Что в самом деле? живешь, живешь, да такая, наконец, скверность становится...

Стало быть, попал вовремя. Репетиция только началась. Опять гоголевская «Женитьба». Режиссер — Константин Эмильевич Волленберг. Тот самый бывший гимназист и красноармеец. Только постаревший на сорок пять лет.

— ...Пивной погреб тоже большое общество привлекает...— Это говорит Наталья Петровна Волкова, она же гоголевская Фекла.

Волкова — старая учительница. В списке актеров народного театра в графе «Стаж участия в самодеятельности» против ее фамилии стоит цифра «35». И строчкой выше тоже «35». Это относится к ее мужу Георгию Дмитриевичу, тоже учителю, директору школы.

В тринадцатом явлении на сцену неожиданно вбегает мальчишка лет пяти, Гоголем не предусмотренный, Сашка. Он взбирается на стул и целится в Феклу палкой, которая, по всей вероятности, изображает ружье.

— И, не пугайся, мать моя! Дело житейское,— не моргнув глазом продолжает Фекла.

— Это моя мама, а не ваша,— вставляет Сашка и говорит при этом чистую правду, потому что Агафью Тихоновну, с которой беседует Фекла, играет его мама, Августа Иосифовна Беликова. А Сашкин папа, заместитель директора профессионально - технического училища, сегодня гостинодворец Стариков.

Репетиция идет хорошо. Спектакль играли много раз. Повторяют только потому, что завтра должна прилететь комиссия из Москвы — решать, достойна или нет пристанская «Женитьба» поездки в столицу на заключительный тур смотра. У меня сомнений нет: спектакль сделан профессионально. А там кто знает...

Только завтра комиссия ни за что не приедет. В такую погоду в Усть-Чарышскую Пристань ни один вид транспорта не проберется.

После репетиции мы сидим с режиссером в комнате за сценой. Комната небольшая, заставленная разнокалиберной мебелью. «Гоголевские» стулья, «мольеровские» кресла, низкие скамейки из гимнастического зала, ободранный стол. Режиссер устроился в деревянной качалке из какой-то современной пьесы, раскуривает трубку.

— На этот раз комиссии я не боюсь,— говорит он.— Мы готовы. Гоголь, по-моему, есть. И ансамбль с трудом, но сложился. Я почему-то наших местных комиссий боюсь больше, чем московских...

Весь следующий день я не вылезал из гостиницы. Были на то две причины. Первая — все тот же буран. Вторая — две амбарные книги, исписанные мелким почерком,— дневник народного театра.

Каждая запись в дневнике начинается со списка опоздавших на репетицию. Часто вместо фамилии актера стоит имя персонажа, и получается довольно забавно.

«Отсутствовали: Кабаниха больна, гипертония; Кулигин срочно выехал в Троицкое, там валится школа; Кудряш колол поросенка, и все последующее; Катерина уехала на встречу с кандидатом в депутаты Верховного Совета. С кем же работать?»

До поездки на Алтай я не имел ни малейшего представления о народном театре Усть-Чарышской Пристани и попал в это село, в общем-то, случайно. Но после первого визита в Дом культуры я каждый вечер неизменно был там, а в свободную минуту листал дневники режиссера. Открывал какую попало страницу и читал:

«Спектакль в горпарке Барнаула. Зрители — их было семьсот человек — приняли нас тепло. С моей точки зрения, недостатков много. С Лобановым за два часа до начала спектакля стряслась беда. Он попал под машину и, к счастью, отделался только ушибами и растяжением сухожилий на ногах, что поневоле заставило его хромать вполне естественно (по роли он тоже должен был хромать). Все помогали ему и подбадривали. Девушки зашивали и чистили порванные его брюки. Дьяков ремонтировал туфли. А секретарь райкома партии Кандауров лечил его».

Вечером я опять, проплутав в буране, пришел в Дом культуры на занятия студийной группы. Есть такая группа при театре. Для школьников. Даже две группы — младшая и старшая. Эта была старшая. Репетиция началась с упражнений на внимание. Не столько с упражнений, сколько с игры. Потом дикция. Нужно, например, произнести фразу с десятком разных интонаций. И лишь затем доходит очередь до пьесы. Сейчас на очереди сказка «Лес чудес». Сказка волшебная, с превращениями и всевозможными сценическими трюками. Сложный спектакль.

Комиссия не приехала и на следующий день. Буран чуть поутих. Выглянуло солнце. Дома утонули в сугробах. Ребятишки забираются на крыши и съезжают с них на лыжах. Я хотел было заглянуть к режиссеру домой, да вспомнил, что сегодня он очень занят. Из Москвы, из Театрального общества, прислали объемистое исследование о слугах XVII века. Вещь необходимая, потому что театр ставит «Проделки Скапена» Мольера.

По плану премьеру «Скапена» нужно давать через несколько дней. Спектакль готов, и теперь все зависит от расторопности зав. постановочной частью. А он неделю назад уехал, и нет его.

Смешная история. Кто-то в Алейском районе, в который входила тогда Усть-Чарышская Пристань, экспроприировал «мольеровские» парики, высланные театру из Барнаула или даже из Москвы. А Мольера не то что в Алейском районе, наверное, во всем Алтайском крае никто, кроме пристанцев, не ставит. И все-таки осели парики в райцентре. Уж больно соблазнительные. Пышные. С локонами. И недешевые, должно быть. А какой Мольер без париков! Но, что поделаешь, законы искусства не застрахованы от законов местничества.

А режиссер сидит дома и читает про то, как одевались слуги в XVII веке, как они обращались с господами и какие у них были манеры. Он верноподданный искусства, этот седой человек. Но жизнь, реальная, невыдуманная, то и дело вторгается в его планы и замыслы; у нее свои законы и прихоти, которым приходится подчиняться. Иногда он кажется себе очень маленьким и ненужным человеком среди серьезных и сердитых людей, а его бесконечные заботы о театре — смешными рядом с заботами о районе, о хлебе, о кормах для скота. Ему всегда становится не по себе, когда кто-то вдруг грубо или вежливо дает ему понять, что театр не самое главное в жизни, в общем, дело десятое. Тогда он вспыхивает искренним негодованием, но быстро остывает и соглашается. Нельзя не согласиться.

В двадцатых годах после окончания театральной студии Волленберг хотел было уйти из армии и стать актером. Не отпустили. И были, конечно, правы. По совместительству, пожалуйста, работай. Например, комиссаром в оперном театре. Был он и комиссаром, и заведующим районным наробразом, и директором детского дома, и еще кем-то, не упомнишь. И все по совместительству. Так было нужно. Приходилось соглашаться.

Но были в его жизни — и раньше и здесь, в Усть-Чарышской Пристани,— такие минуты и часы, когда чувствовал он себя сильным и необходимым. Поднимался занавес, и серьезные и сердитые люди, полчаса назад в фойе громко выяснявшие свои хозяйственные отношения, смеялись и плакали в зрительном зале, а потом расходились по домам и думали о том, о чем он их заставил думать. И снова хочется взять дневник и рассказать ему обо всем.

«Опять сорвалась репетиция, и не знаю, когда смогу собрать людей. Уезжают и уезжают. Так нельзя».

А как можно? Что может сделать он, режиссер, если лучшие молодые актеры собирают чемоданы? Поговорил с одной, учительницей, хотел упрекнуть. И не смог. Не в Москву, не в Новосибирск убегала она, а в Дивногорск, туда, где молодежи побольше. Сказала, смутившись, что не хочет оставаться старой девой. В селе-то замуж выйти не за кого: молодые парни как уходят в армию, так и не возвращаются. Учителя — одни девчонки. Попробуй возрази ей. Найди силы упрекнуть. Но что-то надо делать.

«Вчера обошел все три школы. В первой был на педсовете, подробно рассказал о состоянии театра. Записалось человек восемь. Но, увы, сегодня на репетицию пришел лишь один».

«Два часа стоял у входа в поликлинику, дожидаясь, когда кончится профсоюзное собрание, чтобы не упустить молодых новых медработников. Уговорил двух девушек прийти в театр».

Тяжело было. Очень. Но не предполагал старый режиссер, что через несколько месяцев разразится катастрофа и он сам предложит закрыть театр и будет абсолютно уверен, что поступает правильно. Усть-Пристанский район упразднили, уехал из села первый помощник и советчик — райком партии, уехал райком комсомола, исполком, начали сворачиваться фабричонки и заводики, что стояли здесь испокон веку.

Артисты приходили в репетиционную комнату, долго сидели на «гоголевских» стульях и «мольеровских» креслах. Невпопад говорили о разных разностях и виновато молчали, словно по злому умыслу покидали учителя в трудную минуту. Каждую неделю Константин Эмильевич доставал список труппы народного театра и вычеркивал еще кого-то.

Когда десять оставшихся пришли на очередную репетицию, которую он считал последней, мрачно слушали его сбивчивую речь о закрытии театра, по их тяжелым, недобрым взглядам он уже понял, что они, эти десять, молча судят его за малодушие, за недоверие к ним. Тогда, на той самой репетиции, он предложил поставить гоголевскую «Женитьбу», спектакль, которым начал свою жизнь в искусстве, который ставил в перерывах между боями, на ходу меняя убитых или раненых актеров.

«Поработали отлично. Репетиция оставила у меня хорошее впечатление. Очень легко было. Хорошо реагируют на малейшие замечания, понимают меня с полуслова». (В этот день режиссер даже не записал опоздавших.)

Сейчас спектакль готов. Труппа выстояла два трудных года районной перестроечной неразберихи. В Усть-Чарышской Пристани восстанавливается райцентр. Теперь предстоит московская комиссия. И будет наконец долгожданный разговор на высоком уровне о режиссуре, об актерском мастерстве, о репертуаре.

Но комиссии нет и нет. Зато невесть каким чудом объявился зав. постановочной частью. Да не пустой — с париками. Вырвал все-таки в Алейске. Можно назначать генеральную репетицию «Проделок Скапена»!

А мне давно пора уезжать. Сообщение с Барнаулом более или менее наладилось. Поскорее в дорогу. А то, не ровен час, ударят новые метели — застрянешь тут на месяц. Пошел в театр прощаться. В фойе художник дорисовывал афишу — завтра премьера «Проделок Скапена». Режиссер в комнате за сценой сосредоточенно расчесывал злополучные «мольеровские» парики — свалялись где-то на складе.

— Уезжаете? И на премьере не будете?

— Понимаете... Погода... Дела не ждут...

— Конечно, конечно...

Я отдал ему амбарные книги — дневники, многостраничный перечень огорчений, радостей, успехов и ошибок, исправленных и непоправимых. Одну страницу я знаю почти наизусть, потому что в ней — весь этот человек.

«Последний, прощальный спектакль старшей студийной группы. Он почти бесплатный. Приглашено более 200 человек. Спектакль прошел удовлетворительно, но не хорошо. Ребята вчера закончили все экзамены и сегодня целый день жарились на солнце и купались в реке. Вечером явились после таких солнечных ванн разбитыми, вялыми. Вяло и прошел спектакль. Зрителям он понравился, но я основательно с народом (с актерами) поговорил об их таком безответственном отношении к последнему спектаклю, тоже своего рода общественному экзамену. Вручили грамоты производственного управления. От имени театра подарки: портфели-папки на «молнии». В общем, на этом закончилась старшая студия. Надо начинать сначала».

Мы условились, что встретимся в Москве, на смотре.

Но театр в Москву не приехал. Я пытался узнать, почему, однако толком никто не объяснил. Сказали, что в Усть-Чарышскую Пристань отправлены дипломы первой степени.

Когда я смотрел спектакли, привезенные в Москву другими народными театрами, и сравнивал их с работой моих друзей, мне казалось — нет, я абсолютно убежден,— что пристанцы были бы далеко не последними среди своих коллег. Жалко, обидно, что их нет! Меня тянуло опять туда, в комнату за сценой, где стоят «гоголевские» стулья и «мольеровские» кресла, а на качалке из современной пьесы сидит седой человек и попыхивает своей неизменной трубкой.

И вот недавно, будучи на Алтае, я выкроил денек и снова несколько часов просидел в той комнате за сценой. Шла репетиция старшей студийной группы. Читали пьесу о кубинских мальчишках и девчонках. Распределяли роли.

— Да, все наладилось,— рассказывал режиссер.— Все хорошо. Новый райком помогает. Артистов теперь шестьдесят человек. Четыре группы. Основная, две детские студийные. В этом году организовали еще молодежную. А в Москву?.. Да, видите ли, не пришлось...

Комиссия приехала на следующий день после моего отъезда.

Точнее, не комиссия, а половина комиссии. Застряв где-то в Тюмени, москвичи нарушили все свои графики и, чтобы побывать во всех театрах, где их ждали, разделились. Часть во главе с руководителем жюри поехала куда-то поближе от областного центра, а две девушки мужественно отправились в Усть-Чарышскую Пристань. Они приехали днем, а еще утром радиоузел объявил о премьере «Проделок Скапена», у Дома культуры красовалась афиша, и билеты были уже раскуплены.

Москвички были неумолимы. Сказали, что вечером должны непременно увидеть «Женитьбу» и утром — назад, в Барнаул. Режиссер уговаривал, доказывал, что «Проделок Скапена» отменять нельзя.

— Мы все понимаем, но погода... Можно застрять... Дела не ждут,— оправдывались они так же, как и я день назад.

Он проводил их в гостиницу, пригласил на премьеру, а сам бросился в райком. Секретарь райкома успокоил: «После премьеры я их уговорю. Не волнуйтесь».

Премьера прошла отлично. Зрители устроили овацию и долго не хотели уходить из зала. Московская комиссия, забыв о своей высокой миссии, нещадно отбивала ладоши, но, когда утихли страсти, все же заявила, что завтра уедет. Рано утром. В конце концов она может принять на смотр «Проделки Скапена».

— Но мы готовили совсем другой спектакль,— настаивал режиссер.

— Нет! Нет! Нет! — не сдавалась комиссия.— А вдруг буран?

— Подождите,— сказал режиссер.— Посидите здесь.

Он побежал домой, нахлобучил на самые брови шапку-ушанку, влез в валенки и побрел в другой конец села. Было это около полуночи. В доме Волковых еще горел свет. Постучал.

— Константин Эмильевич? Вы? Что случилось?— не на шутку испугался хозяин.

— Комиссия. Из Москвы,— с трудом переводя дыхание, сказал режиссер и опустился на табуретку у двери.— Ждут «Женитьбу». Сейчас. Я понимаю, вы, наверное, не сможете. Наталья Петровна плохо себя чувствует.

— Наташа, должно быть, уже спит,— нерешительно начал Волков,— подождите: я сейчас...

— Через десять минут я буду готова,— послышалось из соседней комнаты.

В первом часу ночи преподаватель физкультуры Алексей Федорович Иванов лежал на диване и говорил:

— Что в самом деле? Живешь, живешь, да такая, наконец, скверность становится...

В четвертом часу утра старая учительница Наталья Петровна Волкова, забыв о гипертонии, о бессонной ночи, негодуя на свой промах по сватовской части, кричала в полупустой зал:

— Да поди ты, вороти! Дела-то сватовского не знаешь, что ли? Еще если бы в двери выбежал — инно дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно — уж тут просто мое почтение!

Занавес медленно закрылся. Московская комиссия, тоже позабыв про сон, опять не жалела ладоней, а на прощание сказала:

— До встречи в Москве, на смотре...

— Так почему же вы не приехали?— спросил я.

— Не вызвали.— Седой режиссер раскурил трубку, затянулся.— Ведь руководитель комиссии нас не видел. А у него авторитет, за ним и решающее слово...

Комната давно опустела. Разошлись по домам школьники.

— Хорошие ребята,— вздохнул режиссер,— двоих или троих я бы рекомендовал чистосердечно в театральные вузы. Но не пойдут. Не решатся.

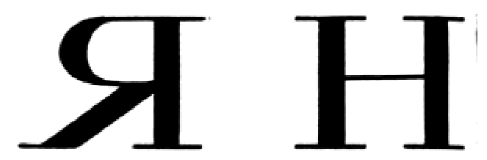
— Будет хорошее пополнение для основной группы,— пытаюсь успокоить его я.

— Нет. Уедут. Уедут все до единого. Это я уже знаю точно. Летом. После выпускных экзаменов в школе.

И опять будет прощальный спектакль. И опять ребята не удержатся и целый день проваляются на пляже. И опять старый режиссер побранит их за безответственное отношение к своему общественному экзамену. А потом долго будет сидеть в репетиционной комнате, курить трубку, перечитывать дневники и запишет в третьей амбарной книге все ту же фразу: «Надо начинать сначала».

Так и будет.

Анатолий АЛЕКСИН

Рисунок В. БОГАТКИНА.

(Из дневника мальчишки)

Сегодня в моей жизни произошло радостное событие: я получил двойку по физкультуре. Я очень невысоко прыгнул в высоту, «недлинно» прыгнул в длину и перепутал все гимнастические упражнения.

Сначала ничего радостного в этом не было. Учитель по физкультуре напомнил мне о том, что наша школа на первом месте в районе по спортивной работе, и сказал, что мне шесть лет назад лучше было бы поступить в другую школу, которая не на таком почетном месте в районе, как наша. На перемене классная руководительница предупредила меня, чтоб я не думал, что физкультура — это второстепенный предмет. И сказала, что вообще стоит только начать: сегодня—двойка по физкультуре, а завтра — по литературе или даже по математике (наша классная руководительница — математичка). А староста класса Князев просто сказал, что я хлюпик.

Но зато на следующей перемене ко мне подошел наш десятиклассник Власов, который никогда бы не подошел ко мне, если бы не эта двойка. Вообще-то фамилия его не Власов, Власов — это его прозвище, потому что он самый сильный у нас в школе. На одном спортивном вечере старшеклассники делали пирамиду, а Власов был как бы ее основанием: на нем стояло и висело человек пять или шесть (сейчас уж точно не помню), а он преспокойно, растопырив ноги, всех на себе держал!

И вот этот-то самый Власов, который может удержать на себе столько людей сразу, подошел ко мне и сказал:

— Нам с тобой, я так думаю, поговорить нужно бы, Кеша. Пойдем куда-нибудь. А то тут, я смотрю, глазеют со всех сторон.

Власов, конечно, своим ростом очень выделялся на нашем этаже среди шестиклассников. Но никто бы все равно глазеть на него не стал, если бы он не был самым сильным во всей школе. А тут все, конечно, глазели.

Я хоть и растерялся, но сразу сообразил, что никуда уходить нам не нужно: пусть все видят, что ради меня сверху спустился сам Власов и запросто прогуливается со мной по коридору!

И мы стали прогуливаться...

— Ты, я так слышал, двойку сегодня схватил?— сказал Власов.

Ах, вот в чем дело!

Власов ходил вразвалочку. И говорил тоже вразвалочку, негромко и неторопливо, переминаясь со слова на слово. В общем, ребята не слышали, о чем он меня спрашивал. А я, чтобы сбить всех с толку, отвечал ему во весь голос и с веселой такой улыбкой на лице:

— Верно. Правильно! Было такое дело!

— Ты, я так думаю, слышал, что наша школа на первом месте в районе по спортивной работе?

— Слышал! А как же!..— радостно ответил я.

— Это хорошо, разумеется, что ты не падаешь духом! Но двойку твою исправлять надо. Чтобы вся школа не сползала из-за тебя вниз по спортивным показателям.

— Еще бы!.. И я так думаю. Можете на меня положиться!

— Нет, сам ты не сумеешь... А выходить надо, брат, из этого постыдного положения. Мне вот и поручено помочь тебе...

— Ха-ха-ха! Это замечательно!— воскликнул я, будто мы говорили о каких-нибудь очень приятных вещах.

— Где же мы будем с тобой заниматься?— продолжал Власов, немного озадаченный моим смехом.

— В спортивном зале! Или внизу, во дворе...

— Это, я думаю, не подойдет. Серьезной работы там не получится: мешать будут.

«И в самом деле,— подумал я.— Если мы будем заниматься в спортивном зале или во дворе, все сразу поймут, что Власов приходил ко мне из-за двойки!»

А ребята между тем даже бегать по коридору перестали, тыкали в нас пальцами со всех сторон и сообщали друг другу:

— Смотри! Смотри! Власов нашего Кешку обнимает!

Вообще-то он меня не обнимал, а просто положил руку мне на плечо: наверно, жалел меня, сочувствовал мне как двоечнику. Не понимал, что я в этот момент самый счастливый человек на всем нашем этаже! Ну, а со стороны казалось, что он меня обнимает...

— Я так думаю: удобней всего нам будет собраться дома,— сказал Власов.

— У тебя?.. То есть у вас?— спросил я.

— Называй меня на «ты». Неважно, что я в десятом классе. Все, как говорится, там будете!

— Значит, у тебя дома?

— Лучше, я так думаю, у тебя. В привычной обстановке ты быстрее добьешься успеха.

Власов придет ко мне домой! Этого даже во сне не могло присниться!.. Сам Власов!

И хоть дом мой совсем близко от школы (всего пять минут бега), я очень долго объяснял Власову, как до него добраться. Так я растянул наш разговор на всю перемену. Это произвело на ребят очень большое впечатление.

— Кеша, а Кеша... О чем он с тобой разговаривал?— спросил староста Князев, тот самый, который еще час назад назвал меня хлюпиком.

— Да есть у нас с ним одно дело,— ответил я.

— У тебя с Власовым?!

— Да. С ним.

— А о чем он тебя просил? Ты еще ответил: «Можете на меня положиться!»

— Не могу сказать: это, знаешь, неудобно... Есть у него ко мне одна просьба...

— К тебе?!

— Что ж тут такого? Он еще сегодня часа в три ко мне домой зайдет... Ну, а у тебя, Князев, что нового?

Ровно в три часа я вышел к подъезду встречать Власова. Просто не усидел дома.

И вдруг я почувствовал, что за мной следят. Бывает так, что чувствуешь чужой взгляд на расстоянии... Даже спиной чувствуешь или затылком. А тут наблюдали прямо из подворотни дома, который стоял напротив, через дорогу. Это были ребята из нашего класса во главе со старостой Князевым. Все ясно: явились проверять, придет ли ко мне Власов.

Я, конечно, сделал вид, что никого из них не заметил.

А минут через пять или десять появился Власов. Он шел не торопясь, высокий и красивый такой... Я прямо залюбовался. Мысленно залюбовался, про себя, потому что из подворотни за мной наблюдали ребята.

— Зачем же это ты на улицу вышел?— удивился Власов.— Я, так полагаю, нашел бы твою квартиру сам.

— Ничего, ничего, не смущайся!— громко, чтобы меня услышали в подворотне, сказал я. И, приподнявшись на цыпочки, похлопал Власова по плечу.

ИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ...

Но когда Власов поднялся к нам на третий этаж, он и в самом деле как-то засмущался. Вместо того чтобы сразу приступить к занятиям по физкультуре, стал для чего-то разглядывать фотографии двух моих дедушек и одной бабушки, которые висели на стене.

— А бабушка у тебя была, надо так думать, красавица,— задумчиво сказал он.

— Почему «была»? Она и сейчас еще жива...

— Нет, я в смысле ее внешности... Очень красивая! Вот здесь, значит, вы и живете? В этих двух комнатах?

— Да. А там, в других двух комнатах, есть соседи,— стал объяснять я, словно был каким-нибудь экскурсоводом по нашей квартире.— И ванная комната еще есть. И кухня...

— Хорошо,— сказал Власов.— Очень у вас хорошо.

Он каким-то странным и даже, как мне показалось, мечтательным взглядом обвел стены, и шкаф, и буфет, и стол, и стулья, и все вообще, что есть у нас в комнате. А потом вдруг спросил меня:

— Ты, Кеша, физик или лирик?

Физику мы еще только начали проходить, а литературу я давно люблю и поэтому ответил:

— Все-таки, наверно, я этот... лирик...

— Ну, а где мы с тобой будем прыгать через веревку?

— Лучше всего в коридоре,— сказал я.— Он длинный.

Веревку Власов принес с собой. Мы зацепили один ее конец за ручку нашей двери, другой конец держал Власов. Но тут раздался голос соседки:

— Что такое случилось? Перегородили коридор! Нельзя пройти в кухню!

— Простите, пожалуйста,— сказал Власов.— Мы этого не учли. Сейчас мы это исправим.

Увидев Власова, соседка вдруг заулыбалась, зачем-то погляделась в зеркало, которое висит у нас в коридоре, рядом с вешалкой. И сказала:

— Ничего, ничего... Я могу легко, как мышка, прошмыгнуть под веревкой. Это даже оригинально.

Ага, испугалась Власова! Но откуда она узнала, что он самый сильный во всей нашей школе?!

— А может, пойдем к нам во двор?— предложил я.

— Нет, во двор не пойдем,— сказал Власов.— Лучше попробуем в комнате.

«Не хочет срамить меня перед ребятами!— решил я.—Напрасно, конечно, волнуется: у нас во дворе ведь про двойку никто не знает! Сказал бы, что готовлюсь к соревнованиям,— и все. Но уж раз он такой заботливый...»

Мы повесили веревку в комнате. Я прыгнул два раза в высоту, один раз в длину... И тут пришел сосед с нижнего этажа.

— Что, вы решили пробить у нас потолок?!

Сосед, видно, не узнал во Власове нашего школьного чемпиона. И прыжки пришлось прекратить.

— Тогда займемся гимнастикой,— сказал Власов.

Но потом вдруг снова стал разглядывать портрет моей бабушки. И сказал:

— Давай немножко поговорим...

Наверное, ему не хотелось сразу приступать к гимнастическим упражнениям. А может быть, он действительно хочет подружиться со мной... Что из того, что он в десятом классе, а я только в шестом! Это ничего не значит. Ведь дружит же мой папа с одним инженером, который старше его на целых пятнадцать лет!

Но тут, как назло, пришла моя сестра Майка. Она младше Власова на целый класс. Но он ведет себя очень просто и скромно, а Майка невозможно задается. Потому что все считают ее красивой. Эта Майкина красота мне просто житья не дает. Почти никто из взрослых не называет меня по имени, а все говорят: «Это брат той самой красивой девушки из девятого класса! Это брат той самой красотки из тридцать третьей квартиры!..»

Как только Власов увидел Майку, он сразу передумал со мной разговаривать (какие могут быть при ней серьезные разговоры!). Он сбросил куртку и остался в спортивной рубашке без рукавов. Тут только я увидел вблизи, какие у Власова потрясающие мускулы и загорелые руки (а ведь лето еще даже не начиналось!). На нем были синие спортивные брюки с резинками внизу, поэтому ног я не видел, но и они, наверно, тоже красивые и загорелые.

— Сегодня, я так думаю, ты будешь только смотреть и запоминать!

И он стал выделывать такие гимнастические номера, запоминать которые мне было совершенно бесполезно, потому что я все равно никогда в жизни ничего подобного не смогу сделать. Власов ходил на руках по нашей комнате, чуть не задевая ногами за абажур висячей лампы. Потом поднимал стул одной рукой за ножку и долго держал его в воздухе. Потом сделал «мостик» и там, на полу, соединил свои загорелые руки со своими ногами...

Но Майка на все это даже смотреть не стала. Она вышла в другую комнату и захлопнула за собой дверь.

Я немного погодя тоже забежал туда и говорю:

— Что это ты даже не поздоровалась?

— Нашли где физкультурой заниматься!— сказала она.

— Ты что, с ума, что ли, сошла? Не узнаешь его?

— Прекрасно узнаю.

— Это же Власов! Сам Власов!

— Подумаешь!..

— Он пришел, чтобы немного потренировать меня. Понимаешь?

— Вот и тренировались бы в спортивном зале. Смешно! В комнате ходить на руках!..

— Можно подумать, что не он сильнее всех у нас в школе, а ты! Власов первый и, может быть, даже последний раз в жизни пришел к нам в дом! Все нам завидуют! А ты уходишь в другую комнату! Посмотри, какие у него мускулы... У тебя есть такие мускулы?

— Еще чего не хватало!

— А ты вообще когда-нибудь видела такие мускулы?

— Подумаешь!— ответила Майка.

Это ее самые любимые слова: «Смешно!» и «Подумаешь!» Я понял, что спорить с ней бесполезно.

Через три дня я уже вполне мог бы исправить свою двойку. Но я исправлять ее не хотел. Все эти три дня Власов приходил к нам, и мои приятели просто погибали от зависти. Я прекрасно понимал, что если двойка исправится вдруг хотя бы на тройку, я уже никогда больше не увижу Власова у себя дома и никто больше мне не будет завидовать.

Власов тоже считал, что спешить не следует.

— Надо, я так полагаю, исправить твою отметку основательно, раз и навсегда! Поэтому никакой такой торопливости, я уверен, быть не должно.

Но староста Князев, наоборот, очень торопился. Он пригрозил написать в стенгазете о том, что я тяну назад всю нашу школу. Как я мог один тянуть куда-то целую школу, мне было совершенно непонятно. Но двойку все же пришлось исправить.

— Наконец-то! Поздравляем!—говорили ребята.

— Спасибо,— печально отвечал я.

— Что это ты такой грустный?— удивлялись мои приятели.

— Устал. Перетренировался...

Но на самом деле я просто мысленно навсегда прощался с Власовым. И это было так грустно, что даже хотелось плакать.

Сегодня, в тот час, когда ко мне, бывало, приходил Власов, в прихожей раздался звонок. Теперь уж это не мог быть он, я знал... И подумал, что долго, наверно, звонок в дверь в этот час будет напоминать мне о Власове. Но, делать нечего, пошел открывать...

Передо мной стоял Власов! И странно: он тоже смотрел на меня с удивлением, будто не ожидал увидеть.

— Ты, значит, здесь?..— спросил он, что-то соображая.

— Ну да... Поскольку уроки уже кончились,— отвечал я так, словно нужно было объяснять, почему я нахожусь у себя дома.

— И ты один?— продолжал он тем же странным, мне казалось, тоном.

Я кивнул.

— Думаешь сейчас, я уверен: «Зачем Власов пришел?» Так, а?

«Наверно, хочет поздравить меня с исправлением двойки!»— подумал я.

— А пришел я вот зачем...— сказал он. И помедлил немного, как будто вспоминал, зачем же именно.— Я, понимаешь, задумал отправиться в дальнее путешествие... Не в одиночку, конечно... Одному куда же?

«Неужели?!»— мелькнуло у меня в голове. И я затаил дыхание.

— Нужен мне спутник,— продолжал Власов медленно, еще медленнее, чем всегда.— И... я так думаю, ты вполне подойдешь.

Я молчал. Я от восторга потерял голос. И вообще боялся сказать что-нибудь не то, чтобы Власов не разочаровался во мне и не передумал. Но все-таки спросил:

— А куда мы?..

— Вот верно: куда?..—подхватил Власов, как будто это и для него было не совсем ясно. Он наморщил лоб. А потом вдруг заговорил быстро, так, точно боялся остановиться:— Есть на нашей реке островок. Небольшой такой, но зато совершенно необитаемый! Корабли обходят его стороной. И на лодках туда не заплывают: далеко все же! А мы с тобой поплывем. Проведем там денек, ночь переспим. И... ну да, обязательно зароем бутылку в песок с таким сообщением: «Здесь впервые провели целый день и проспали целую ночь...» И поставим свои имена и фамилии, как полагается. Вот.

— А зачем?— спросил я. И сразу испугался, что вопрос получился глупый.

Но, видно, Власову он таким не показался.

— Зачем?..— повторил он, как будто ему это на миг стало не очень понятно.— Да, зачем?.. А затем!— прямо-таки закричал он вдруг.— Водрузим вымпел! Закрепим весь этот остров за нашей школой. И назовем его так: Остров Футбольного Поля.

— Футбольного Поля?— переспросил я.

— Ну да. У нас ведь, ты знаешь, двора никакого при школе нет. В футбол погонять абсолютно негде. А мы туда, как говорится, про-

ложим маршрут. И будут по нему потом наши футбольные команды на матчи ездить. Простор там!

— Еще бы!— восхитился я.— Полная необитаемость!..

— Только Майе ничего не говори,— предупредил меня Власов.—Насмехаться начнет: «Подумаешь! Робинзоны!..» И еще что-нибудь такое придумает. И, я так полагаю, обязательно расскажет твоим родителям, а они...

— Я ей ни за что, ни под какой пыткой не расскажу!

— А сам начинай понемногу готовиться к путешествию. Успех, как ты понимаешь, во многом зависит от подготовки. Пораскинь со своей стороны мозгами... Поплывем мы, я так думаю, в первый день летних каникул. Ну, до этого мы еще не раз увидимся. Да...

Он помедлил, рассеянно так окинул взглядом стены и неожиданно сказал то, чего я от него в тот момент никак уж не ожидал услышать:

— Бабушка у тебя, несомненно, тоже красавица!

Эту фразу я от него, правда, уже слышал, только без «тоже».

«Что значит «тоже»?— не понял я.— А кто еще? Я, что ли, красавица?!»

Я размышлял об этом и после, когда Власов уже ушел. И еще я думал о том, как это странно, что где-то на белом свете уцелели необитаемые острова... Я в них уже давно не верил. Я думал, что они существуют только в книжках. Но Власов нашел такой остров! Нашел! А Майка еще смеет говорить о нем: «Подумаешь!»

Сегодня мы начали готовиться к путешествию. Власов принес карту всей нашей области и показал, куда именно мы поплывем и где примерно находится Остров Футбольного Поля. По карте выходило, что мы проплывем какие-нибудь полсантиметра, но я-то знал, что плыть нам придется больше пяти часов!

— Мы спустимся вниз, к острову, на байдарке,—сказал Власов.—Грести будем по очереди.

Я сознался, что никогда на байдарках не плавал и грести одним веслом не умею.

— Я так думаю, что тебе нетрудно будет научиться,— успокоил меня Власов.

Он положил стул на пол. Сам тоже сел на пол, прямо между ножками стула. Оперся спиной на обратную сторону сиденья, а руки положил на ножки, словно на борта нашей будущей байдарки. В руки, вместо весла, взял половую щетку и стал учить меня грести и управлять лодкой.

Потом я раз пять садился на пол, и он тоже еще раз пять усаживался между ножками...

А потом неожиданно появилась Майка (она всегда появляется неожиданно и тогда, когда ей бы лучше не приходить!). В этот момент на полу как раз сидел Власов. Он почему-то очень смутился, покраснел... Стал очень как-то поспешно подниматься, задел за ножку стула, споткнулся и чуть не упал. Майка бестактно расхохоталась.

— Глупо!— сказал я ей.— Над кем смеешься?!

И, чтобы сбить сестру с толку, стал объяснять, что продолжаю свои тренировки по физкультуре, а Власов мне помогает.

— Надо совсем запутать следы,— тихо сказал я Власову.— Чтобы она ни о чем не догадалась!

Тогда он, усевшись за стол, стал рассказывать мне всякие истории. Но громко, чтобы и Майка тоже услышала...

Власов стал рассказывать про хитрого фараона Хирена. Этот фараон построил для себя целых две пирамиды: одну настоящую, а другую фальшивую, чтобы обмануть грабителей, которые обворовывали фараоновы гробницы. И внутри пирамид он понаделал разных ловушек: встанешь на каменную плиту, а она вдруг проваливается, и кубарем летишь в колодец.

— Жалко, что этот твой Хирен умер,— насмешливо сказала Майка.

— Почему?— удивился Власов.

— Очень бы он в угрозыске пригодился.

— Но пирамиды-то все равно ограбили,— сообщил Власов.—И настоящую и фальшивую...

— Откуда ты знаешь?— задала Майка очередной свой глупый вопрос.

— В книжке прочел, разумеется.

— Ах, в кни-ижке!— воскликнула Майка так, будто Власов мог сам лазить по фараоновым гробницам. И тоже присела к столу...

Власов стал рассказывать о разных необычайных вещах. О китах, которые, кончая жизнь самоубийством, выбрасываются на берег Тихого океана. О каком-то человеке, который не спит вот уже двадцать лет!

Майка больше не задавала своих дурацких вопросов. А мне было жалко несчастных китов, которые кончали жизнь самоубийством. Я очень завидовал человеку, который умудрился столько лет подряд не ложиться спать! И я очень злился на Майку, которая мешала нам готовиться к путешествию...

Вот уж пятый день я ем только те продукты, которые быстро портятся. А те, которые не портятся, складываю в ящик письменного стола, где лежат мои учебники и тетради. Я складываю туда сыр, колбасу, печенье, конфеты... Я решил, что все это мы захватим с собой в путешествие.

Но готовиться к своему походу мы уже пятый день не можем: Майка перестала уходить из дома. Явится после школы и сидит в комнате, будто ее приковали. Она делает это нарочно, из вредности, чтобы помешать нам.

И Власову приходится сидеть рядом с ней за столом и рассказывать разные истории, вместо того чтобы учить меня управлять байдаркой. Власов, конечно, в душе возненавидел Майку, но не показывает виду. Потому что он спортсмен и умеет владеть собой. А Майка слушает и никуда не уходит..

Наверно, придется перенести наши тренировки в другое место. Завтра скажу Власову...

А сегодня вечером я убедился, что колбаса все же портится довольно быстро. Неприятный запах заставил мою маму принюхаться. Она пошла по этому запаху, как по следу, и обнаружила в моем ящике склад продуктов.

— Зачем это, Кеша?!— воскликнула мама.

— Просто так... чтоб не тревожить тебя по ночам,— ответил я.

— По ночам?!— изумилась мама.

— Ну да... Иногда ночью у меня вдруг разгорается аппетит. Это бывает довольно часто. Что тогда делать? И вот я, чтобы никого не будить...

— Ночью есть очень вредно,— сказала мама.— Это доказано медициной.

И она ликвидировала все мои запасы.

Но, ложась спать, я заметил на стуле возле своей кровати бутерброд с сыром и яблоко.

— Это прекрасно!— громко сказал я.— Проснусь среди ночи, поем немного и снова усну.

И я в самом деле проснулся... Взял все, что лежало на стуле, и спрятал в более надежное место: в книжный шкаф, за тяжелые тома энциклопедии, к которым у нас никто никогда не прикасался.

Никто, кроме меня... А я теперь по вечерам стал изучать энциклопедию. Ведь если мы с Власовым будем на острове вдвоем, он же не сможет все время, не закрывая рта, рассказывать разные интересные истории. Он устанет, и вообще ему будет со мной скучно... Я тоже должен буду рассказать ему что-нибудь особенное! И вот я стал читать энциклопедию и даже кое-что выписывать из нее в тетрадку.

Я узнал, например, что киты, которые иногда кончают жизнь самоубийством, делятся на два семейства: на гладких китов и на полосатиков. Мне очень понравилось это слово — «полосатики»! И еще я узнал, что знаменитый китовый ус расположен совсем не там, где растут усы у людей, то есть не под носом, а во рту! В энциклопедии так прямо и написано: «Киты имеют вместо зубов систему из двухсот—четырехсот роговидных пластин, называемых китовым усом, свешивающихся с поперечных валиков нёба...» Эти строки я выписал в тетрадку.

А вдруг, на мое счастье, Власов всего этого не знает? И тогда я ему расскажу!

Сегодня я немного задержался в классе. Князев устроил собрание на тему «Спорт — лицо нашей школы!».

Я взял и рассказал о том, что скоро отправлюсь с Власовым в одно дальнее путешествие. Ведь мне не было запрещено говорить об этом ребятам. Я только Майке не имею права говорить, потому что от нее об этом сразу узнает мама. А если мама узнает, то ужасно перепугается и никуда меня не пустит.

Ребята мне очень завидовали. Князев даже сказал, что таким образом укрепляется связь разных поколений. Я, значит, по его мнению,— одно поколение, а Власов — другое! Одним словом, домой я вернулся в прекрасном настроении.

Прихожу, а Власов уже у нас. Зашел пораньше: хотел, наверно, застать меня одного. А застал вместо меня Майку: она всех своих подруг позабыла и после уроков летит, как ракета, прямо домой.

Мне кажется, она хочет, чтобы и Власов тоже краснел и потел в ее присутствии, как другие мальчишки. А добилась совсем другого: вывела Власова из себя! Даже он (лучший спортсмен во всей нашей школе!) не выдержал: когда я вошел в комнату, он не сидел за столом, как обычно, а ходил по комнате весь красный и взволнованный. Ну, точно такой, каким был тогда, когда поднимался с пола и зацепился за стул. Или даже еще взволнованнее!

Наверно, он как следует отчитал Майку, потому что она ему что-то отвечала тоже очень взволнованно. Но когда я вошел, сразу замолчала, смутилась и села на диван. Наша Майка смутилась! Этого еще никогда не бывало! Дошло, вероятно, до ее сознания, что она нам мешает в важнейшем деле. В таком деле, которого даже понять не может, потому что никогда еще на необитаемых островах не была. И тем более не ночевала!

Власов сразу подошел ко мне и тихо, шепотом говорит:

— Кеша, сбегай, пожалуйста, срочно ко мне домой. Там у меня на столе, рядом с чернильным прибором, компас лежит. Он, я так думаю, нам с тобой сегодня весьма пригодится. Только сейчас же беги. Не задерживайся!

«Ага,— думаю,— значит, Майку уговорил! Не будет она нам больше мешать! Мы путь сегодня наметим. Я научусь управлять байдаркой, компасом пользоваться... Это нам все в пути пригодится!»

Власов хотел мне свой адрес на бумажке написать. Но я остановил его:

— Скажи так, на словах: я повторю и запомню!

«Пусть,— думаю,— знает, что у меня память хорошая! Что я могу с любым донесением в разведку пойти: все сразу запомню и точно все передам!»

Власов жил не так уж далеко. Но я все равно побежал проходными дворами, чтобы путь сократить. Ворота в одном месте были закрыты, и я через них перелез. И опять побежал. И не заметил даже, что у Власова в доме лифт есть. Только потом заметил, когда уже вниз спускался. А вверх, на шестой этаж, я мигом взлетел!

Позвонил три раза, как Власов просил, но никто мне дверь не открыл. Тогда я один раз позвонил, потом позвонил два раза: может, думаю, из соседей кто-нибудь дома? Никто все равно не открыл. Я ухом к замку прильнул, но никаких шагов не услышал. Только вода из крана на кухне капала... Это было слышно.

Но путешественник должен быть настойчивым и упорным! Все, что ему нужно, он должен найти, разыскать и достать! Хоть под землей, хоть под водой!

И я твердо решил: без компаса домой не возвращаться! На улице я очень хитро и находчиво поговорил с дворничихой. И она мне уже буквально через минуту сообщила, что мать Власова работает тут же рядом, в домоуправлении. Я спустился в полуподвал и сразу узнал мать Власова, хоть никогда раньше ее не видел. Сам Власов был высоким, широкоплечим, красивым, а мать его была худенькой, низенькой такой, совсем незаметной, но все равно была очень похожа на своего сына.

Я объяснил ей, в чем дело. Но она смотрела на меня как-то подозрительно, с недоверием. Тогда я назвал номер нашей школы, имя и отчество классной руководительницы Власова, имена и фамилии некоторых его одноклассников и даже упомянул, что наша школа на

первом месте в районе по спортивной работе. Власов будет очень доволен, когда узнает, что я и тут, как настоящий следопыт, проявил находчивость, завоевал доверие его матери! Она убедилась наконец, что я — это я, что пришел я от самого Власова, с его личным заданием.

Мы сели в лифт и поехали на шестой этаж. А через несколько минут компас уже был у меня в руках: кругленький, отполированный такой... Я на обратном пути все время его поглаживал.

Снова я прошмыгнул проходными дворами, перелез через ворота. И, запыхавшись, примчался домой. Но там никого не было...

Я не поверил своим глазам. Заглянул под стол, за буфет, за книжный шкаф. Никого не было... Как же так?

Наверно, Майка сказала Власову что-то такое, чего он не мог стерпеть и ушел. Нельзя было оставлять их вдвоем! Нельзя...

Куда же бежать? Где искать Власова?

Я решил все-таки ждать дома: может быть, он вернется?

А чтобы время шло побыстрее, я сел и написал в своем дневнике обо всем, что сегодня случилось.

Ждал я долго.

Я успел описать в дневнике все, что случилось со мной утром и днем. Потом я написал на отдельном листке сообщение о том, что мы с Власовым первыми среди всех людей на земле провели целый день и целую ночь на Острове Футбольного Поля. Я запихнул эту бумажку в пустую бутылку из-под «Ессентуков», которые мой папа пьет перед обедом. А Власов все не возвращался...

Наконец раздался звонок. Я бросился открывать дверь. Это была Майка.

Но я сперва даже с трудом узнал ее: она была какая-то странная. Сказала мне спасибо за то, что я открыл ей дверь. Раньше она никогда ни за что меня не благодарила.

— Ты один, Кешенька? — спросила она.

Я чуть не упал... Всегда я был просто Кешкой, иногда даже Инокешкой, потому что полное мое имя — Иннокентий. «Наверно, замаливает свои грехи! — решил я.— Выгнала Власова, а теперь опомнилась и подлизывается. Ничего у нее не выйдет!..»

— Ты сказала Власову что-нибудь такое, что он из-за тебя ушел, да? Сознавайся!

— Из-за меня ушел? — с глупой какой-то улыбочкой переспросила Майка.— Скажи лучше, что он из-за меня пришел!

— Куда?

— Сюда, к нам.

— Когда?

— Ну, примерно дней десять назад... Точно уж я не помню.

— Ха-ха-ха! Ты с ума сошла, что ли? Он сначала пришел помогать мне! По физкультуре... Говори, куда он ушел отсюда?

— Туда же, куда и я.

— Куда и ты?

— Ну, конечно. Мы оба пошли в кино.

— В кино?! Но ведь он же послал меня за компасом!

— Это потому, что, когда ты вернулся из школы, он еще не успел уговорить меня. Я сперва отказывалась идти...

— И он тебя уговаривал?!

— Не сердись, пожалуйста. Ты еще этого не понимаешь.

— Ты врешь! Ты все врешь! — крикнул я.

И почему-то со злостью посмотрел на портрет своей бабушки, с которой, как говорили, в нашей семье пошли красавицы по женской линии.

Я схватил со стола компас...

А через несколько минут я уже летел теми же самыми проходными дворами, что и днем. И перелезал через те же самые ворота...

Дверь мне открыл Власов.

— Ты был с нею в кино? Это правда? — прямо с порога спросил я его.

— Погоди... Я сейчас тебе все объясню.

— Ты из-за нее пришел к нам, да? Никто тебе заниматься со мной не поручал? Говори: не поручал?

— Погоди, Кеша... Ты же мужчина. Ты должен понять...

— А в путешествие мы пойдем? Говори: пойдем? Или никакого такого острова вообще нет?

— Остров есть. Есть такой остров... Я сам его видел. Только там, понимаешь, городской пляж устраивают. Лежаки всякие понавезли, ларьков понастроили... Так что опоздали мы с тобой... Но ты, я так думаю, будешь на этом пляже загорать. Приплывешь туда на речном трамвае... Это гораздо быстрее, чем на лодке! И удобней!

— Удобней! Я всем ребятам уже рассказал... Я готовился. Я так ждал!..

Больше я ничего не стал говорить. Просто не мог... Я сбежал с шестого этажа так быстро, что он еле поспевал за мной.

— Прости, Кеша. Ты же мужчина. Ты же должен меня понять. Я просто не знал, что ты так расстроишься, я не думал. Я не ожидал.

Он уже говорил не вразвалочку, переминаясь со слова на слово, а сбивчиво, торопливо, и слова у него наскакивали одно на другое.

— А если хочешь, мы с тобой поплывем туда, на остров. Пока еще там никто не загорает... Поплывем! Самыми первыми! Хочешь? Возьмем байдарку и поплывем. Хочешь, а?

— Я никуда не поплыву с тобой, Кубарьков. Никуда! Потому что ты лгун и обманщик.

Кубарьков — это была его настоящая фамилия.

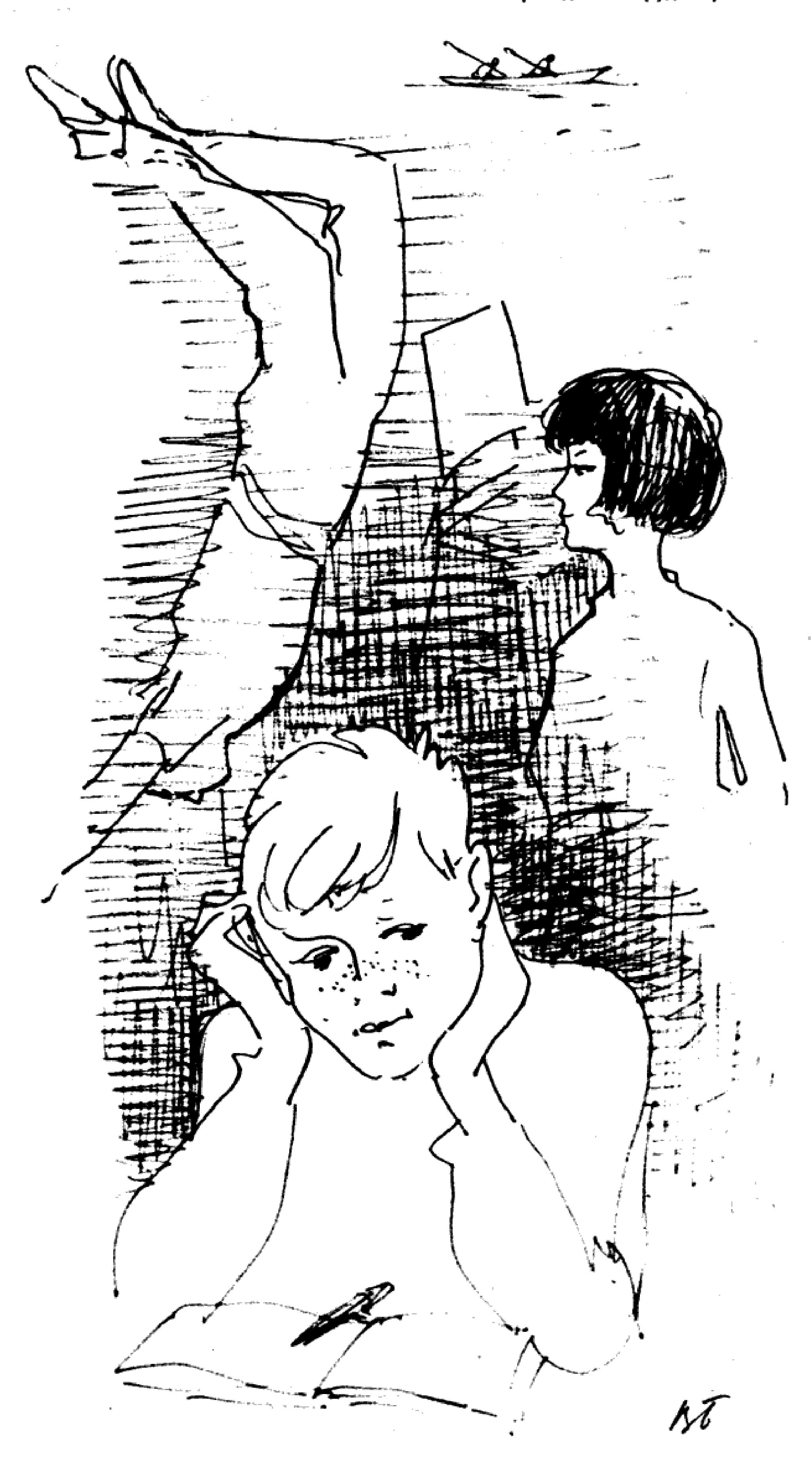
— Хочешь, поплывем?.. А хочешь, пойдем за грибами? Или рыбу удить. А если хочешь, возьми себе этот компас. Навсегда... Он тебе пригодится. Если хочешь...

— Без него найду дорогу!

Я обернулся и сунул компас ему в руку. И тут заметил, что у него дрожат губы... Я даже приостановился на минутку.

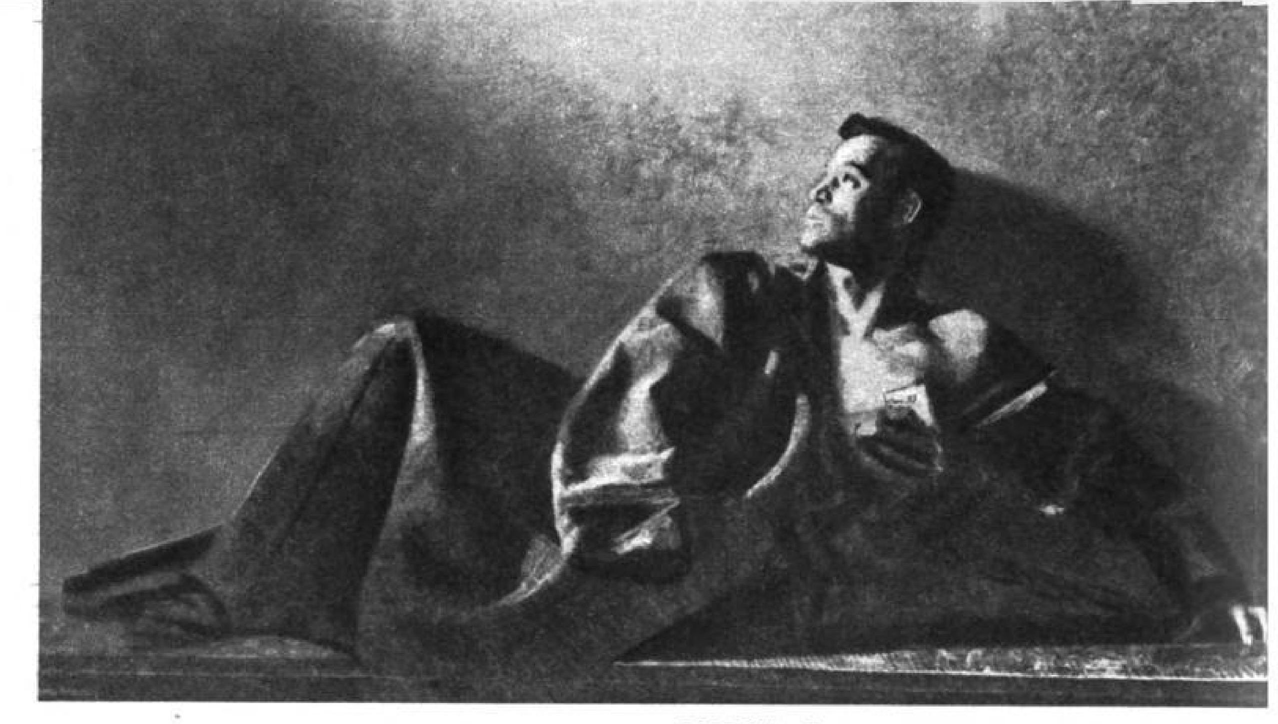
— Ты только Майе не говори... Не говори, что я так пошутил. Что я сочинил все это про необитаемый остров... Не говори ей. Очень прошу тебя. Не говори...

И я ничего не сказал Майе. Ни одного слова. Но в путешествие я с ним не пошел. И никогда не пойду. Никогда!..

К 60-летию со дня рождения Мусы Джалиля

ПЕСНЯ БОРЬБЫ

«В ПЛЕНУ». Репродукция картины А. Китаева.

25 августа 1944 года в 6 часов утра немецкая стража распахнула дверь камеры № 53 военной тюрьмы в Шпандау. Жандармы вызвали приговоренных по фамилиям и потребовали, чтобы они вышли. На вопросы «зачем?» им ответили, что стража этого не знает. Но они тотчас поняли, что это значит... Их повели на казнь. Перед расстрелом берлинский мулла пытался обратить их в веру и заставить поцеловать коран. Последними словами одного из них были:

— Да здравствует Родина! Да здравствует Коммунистическая партия!

Видевший все это немецкий пастор Юрытко позже говорил, что татары умерли «с улыбкою, мужественно». Так оборвалась героическая жизнь Мусы Джалиля. Все, кто встречался с поэтом в немецких тюрьмах и концлагерях, говорят в первую очередь о его необычайно сильном и стойком характере. Истоки этого героизма во всей предыдущей жизни поэта.

Молодость Мусы Джалиля прошла в боевой комсомольской работе. В 1925—1927 годы, являясь инструктором вначале уездного комитета ВЛКСМ в городе Орске, а затем Оренбургского губкома, он много ездил по районам и вел непримиримую борьбу против врагов нового села — кулаков и духовенства.

Это наложило глубокий отпечаток на поэзию Джалиля. Его стихи начала 20-х годов проникнуты героикой гражданской войны. Одно из интересных произведений тех лет — поэма «Больной комсомолец», в которой сделана попытка создать образ борца, готового пожертвовать жизнью за счастье родного народа. В судьбе героя поэмы много общего с Павлом Корчагиным. Поэма пользовалась популярностью среди татарской молодежи.

Со второй половины 20-х годов в поэзию Джалиля широко входит тема строительства новой жизни.

В 30-е годы, когда в татарской литературе необычайно возрос интерес к исторической теме, Джалиль в поисках истоков героизма народа обращается к его далекому прошлому. На основе народного эпоса «Джик-мерген» он создает драматическую поэму «Алтынчэч» («Золотоволосая»). Поэма свидетельствует о глубоко творческом, новаторском подходе поэта к использованию мотивов фольклора в художественном творчестве. Идея произведения, писал автор,— «показать бессмертие народа и его неукротимое стремление бороться за свое счастье, против темных сил власти, против бесправия и рабства». Вот почему опера Н. Жиганова «Алтынчэч» на либретто М. Джалиля, поставленная в первые дни войны, прозвучала как боевой призыв к всенародной борьбе с гитлеровскими полчищами, вероломно напавшими на нашу страну.

13 июля 1941 года Джалиль был призван в армию. «Пулей и песней» борется он против врага. В его стихах воедино соединяются образы воина и поэта, создается единый лирико-эпический образ человека-борца с пламенной душой и широким ви́дением мира. Герой показывается обычно через его думы и переживания. Ему кажется, что в его сердце «вместился целый мир». Видя, что его узкий окоп стал гранью «враждебных двух миров», он осознает себя ответственным за судьбы всего человечества. В стихотворении «Письмо из окопа» лирический герой говорит:

Гости — хозяева

Г. БЕЛЯКОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

По дороге в Винницу, когда услужливые проводницы принялись поить нас чаем, я, как лицо заинтересованное, нет-нет да и заводил разговор о сахаре, подыскивая для этой цели самые разные предлоги. Хотелось выведать, что известно пассажирам об этом продукте. Мои старания вскоре принесли успех. Крупный мужчина, сильно разомлевший от множества принятых стаканов чая, неожиданно заявил:

— А знаете ли вы, что античная Греция и римляне не имели понятия о сахаре?

Наступило длительное молчание, во время которого каждый из нас сильно пожалел греков и римлян. Затем разговор возобновился, и мы узнали, что вместо сахара греки и римляне употребляли мед.

Пожалуй, самый любопытный вопрос задал мальчишка, оказавшийся гостем в нашем купе. Его интересовало одно: как из сырой и не очень сладкой свеклины люди умеют делать тающий во рту кусок сахара?

На этот вопрос не смог ответить даже разомлевший от чая мужчина. Опрос еще нескольких пассажиров ничего не прибавил. Меня это ободрило: значит, то, о чем я расскажу в своем репортаже, может заинтересовать читателей.

Винницу я выбрал не случайно. «Всесоюзная сахарница» — так гордо величают свою область украинские сахароделы. На этот титул, как потом выяснилось, претендуют и многие из соседей, но винничане не сдаются. Не в их ли области свекловоды получили недавно медали и ордена? Не они ли отправляют во все концы страны целые составы «сладкого золота»?..

Итак, выбор сделан. Винница, Турбовский сахарный комбинат.

...Из вентиляторов на улицу рвется пряно пахнущий пар. Входишь — и сразу охватывает тебя медовый, густой воздух. Завод, напоминающий трюм гигантского корабля, утробно гудит, подрагивает, пыхтит. Каждые сутки перемалывает он до 15 тысяч центнеров свеклы. Рабочих мало, а те, что есть, в основном следят за приборами. Ушла в прошлое присказка: «Сладок сахарок, да горек очень». Ушла присказка, да не совсем. Горчинка осталась. Небольшая, но есть, есть...

Стрелка часов показывает полночь. Звонит телефон. Главный инженер завода Григорий Антонович Лысогор проводит по утомленному лицу ладонью, как бы стирая усталость. Снимает телефонную трубку. Звонит директор соседнего сахарного завода. Долго разговаривают, шутят, советуются. Значит, и на соседнем заводе не спят...

Идет сахарная страда. Как началась в сентябре, так и продолжается пятый месяц, пока не будет переработана последняя свеклина. И все эти долгие, напряженные месяцы завод работает круглосуточно, не зная остановок. Тысячи тонн свеклы, сложенные в штабеля, ждут своей очереди. Перерабатывай как можно скорей. Загружай завод на всю мощь. Ведь даже при нормальных условиях хранения за каждые три месяца свекла теряет один процент сахарозы. Мало? О, это центнеры, тонны...

Кристалл... Кристалл... Как он рождается? Как удается вытащить его из свеклины?

Вымытая свекла идет на резку и под ножами машин превращается в стружку. Из этой-то стружки и предстоит выжать сахар. Как? Положить под пресс? Ничего не выйдет. Лучший способ — выщелачивание. В огромном, медленно вращающемся барабане движутся навстречу друг другу вода и стружка. В течение почти 100 минут грамм за граммом стружка отдает воде свою сахарозу. Образуется сахарный сок. С ним-то и начинается длительный и трудный поединок человека, вооруженного техникой. Бесчисленные механизмы фильтруют, очищают, выпаривают, пока не наступает самый ответственный момент — кристаллизация.

Василий Кирилюк — аппаратчик. Я бы назвал его иначе: человек, создающий кристаллы. Молодой, веселый, смахивая с лица пот, в каком-то азартном танце кидается он от одного котла к другому. Котлы называются вакуум-аппаратами. Внутри бурлит сладкая вода. Крутой поворот рычага. Слышится

И чувствую я, друг мой,
что глаза
Народов всех теперь на нас
глядят,
И, силу в нас вдохнув, сюда,
на фронт,
Приветы и надежды их летят.

Летом 1942 года Джалиль попадает в плен. «Прости, Родина!» — так назвал он одно из первых стихотворений, написанных в фашистской неволе. В нем с потрясающей силой выражены душевная боль и горе воина, который в самый трудный для Родины час оказался в плену:

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата
в жарком бою.

Понятно, что первые стихи поэта в неволе проникнуты тяжелыми чувствами, невыразимой тоской по воле и по борьбе. Но вскоре в поэзии Джалиля начинают звучать другие мотивы, другие думы и побуждения. Плененный, но свободный духом поэт начинает раздумывать над происходящим и осознает, что извечное человеческое стремление к свободе неистребимо. Его знаменитая «Моабитская тетрадь» отразила неукротимость и могущество человеческого духа, его моральную победу над фашистским мракобесием. В моабитских стихах ярко проявилось взаимопроникновение личного и общечеловеческого, национального и интернационального в искусстве. Жизнь и поэзия Джалиля принадлежат всему человечеству. Имя его ныне стоит рядом с бессмертными именами чеха Фучика, венгра Петефи, болгарина Вапцарова, к которым одинаково можно отнести следующие пламенные строки татарского поэта-героя:

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне
велит.
Жизнь моя песней звенела
в народе,
Смерть моя песней борьбы
прозвучит.

Флюн МУСИН

ОГОНЬ ДРУЖБЫ

Дочь Мусы Джалиля Чулпан читает тетрадь стихов отца, сохраненную Тиммермансом.

Восемь лет тому назад я познакомился заочно, а затем и встретился в Москве с бельгийским патриотом, активным участником движения Сопротивления Андре Тиммермансом. На всю жизнь сохранил он свое восторженное отношение к замечательному татарскому поэту Мусе Джалилю. И Муса Джалиль горячо полюбил своего товарища и посвятил ему стихи:

Пусть песня сердца, как цветы
весной,
И будет от меня тебе подарком.

И далее поэт взволнованно говорит:

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу.
Поведав Родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет
прекрасной дружбы.

Незадолго перед казнью Муса Джалиль попросил Тиммерманса сохранить его самодельную тетрадь со стихами, написанными в тюрьме. Предсмертную просьбу поэта Андре сумел выполнить.

Недавно мы получили от Андре Тиммерманса сердечное письмо, в нем он пишет о своем незабвенном друге.

П. ЧУМАК

В 1942 году, после моего двухлетнего пребывания в полном и абсолютном несогласии с нашими нацистскими «покровителями», я был арестован и отправлен под надежной охраной в страну свастики. Меня посадили в камеру на первом этаже тюрьмы на Лертерштрассе в Берлине. Там я увидел небольшого роста человека, одетого в мешковатый, изношенный вконец костюм из грубого синего сукна.

Первым делом он разделил со мной пополам свой дневной хлебный паек. Меня поразила глубокая человечность этого жеста: узники тевтонских застенков получали ничтожные порции пищи, да к тому же я был ведь для него совершенно чужим.

Он был мне симпатичен, этот человек с черными волосами, усеянными сединой, с раскосыми, ласковыми, живыми и умными глазами, с широким вздернутым носом и открытой, понимающей улыбкой.

Неустанно, не тревожась за завтрашний день, мой товарищ по камере с утра до вечера исписывал своим мелким почерком широкие белые поля газеты «Фолькишер беобахтер».

Из своего угла, сидя на стуле, я в едва ли не благоговейном молчании наблюдал за отшельнической работой этого энергичного человека.

Так проходили дни, недели. Пользуясь жестикуляцией, рисунками, а временами и каким-нибудь немецким словом, мы стали понемногу разговаривать. Таким образом, я узнал его, его прошлое, его семью и друзей, а также причину его ареста. Он не создавал себе никаких иллюзий относительно будущего.

В один весенний день за ним пришла полиция. Перед уходом он вручил мне все свои рукописи — свое единственное наследство.

Снова я увидел его в тюрьме Шпандау. Он сообщил мне, что приговорен к смерти.

Когда я покинул Шпандау, я покинул навсегда и этого моего друга, единственного верного и надежного друга за все время моего пребывания в нацистских тюрьмах.

В августе 1944 года Муса Джалиль ушел из жизни под ударом фашистского палача, но в нашей памяти он будет живым и кипучим всегда.

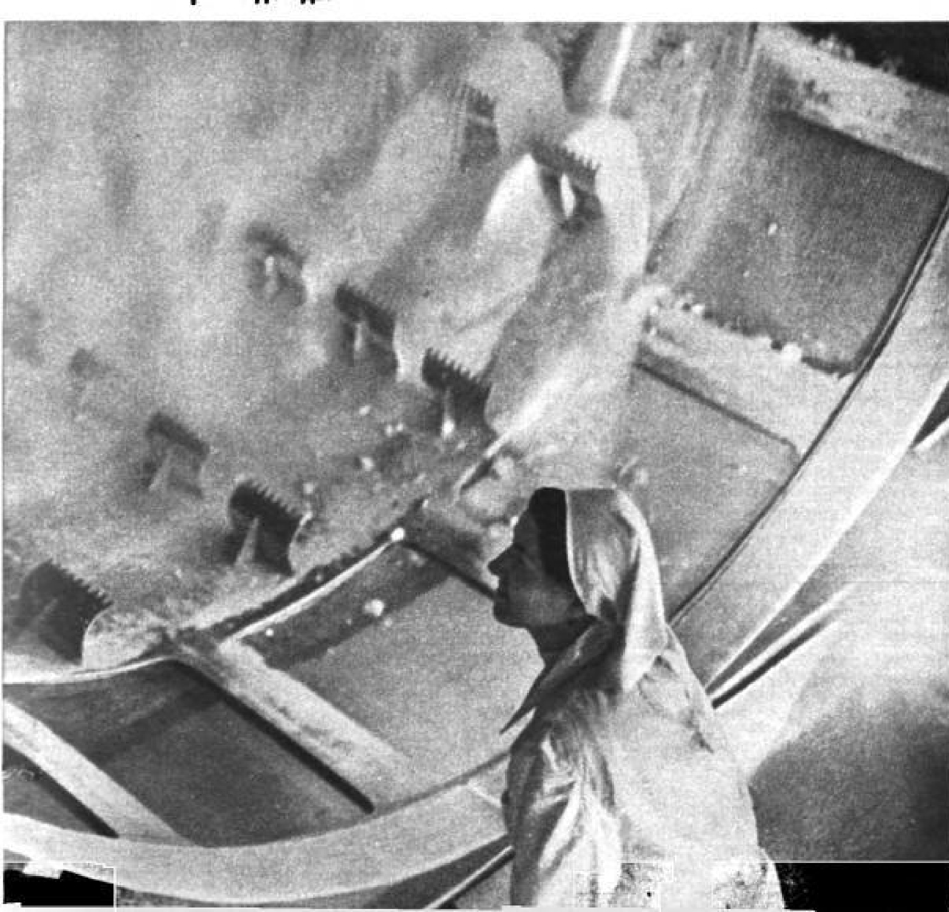
Андре ТИММЕРМАНС

г. Тирлемон,
Бельгия.

яростное шипение. На стекло, подставленное Василием, сползает коричневая, напоминающая мед, клейкая масса. Василий просматривает ее на свет. Бесчисленными яркими блестками сияют кристаллы. Но это только начало.

Сахарный дождь.

Откуда же берется кристалл? Дело тут довольно сложное. Путем выпаривания раствор сгущают. Вот он становится насыщенным. Однако выпаривание продолжается. Раствор загустел, он уже перенасыщен. Пора быть долгожданным кристаллам. Но напрасно будет аппаратчик брать пробу за пробой, смотреть стекло на просвет — кристаллы появляться не желают. В чем дело? Тут-то и кроется одна из загадок природы. Природа ждет вмешательства человека. И он приходит на помощь. Черпает маленьким совочком сахарную пудру, швыряет в утробу аппарата. Началось! Берет пробу — на стекле тысячи малюсеньких новорожденных кристалликов.

Вспомнилось читанное в какой-то книжке. Путешественники подходят к странному озеру. Вокруг мороз, вода в озере давно достигла степени замерзания, а льда нет. Почему? Один из путешественников поднимает с земли кусочек льда, бросает в воду — свершается чудо: в одно мгновение все пространство озера подернулось слоем льда. Так и с кристаллизацией сахара. Точно такая же история.

— Работа у меня горячая, как в тропиках,— смеется Василий Кирилюк,— зато уж и интересная. Сладкая профессия, нужная! Внимания требует. Пошел мелкий кристалл вперемешку с крупным, это по-нашему — «сыплет мука». Значит, раствора маловато, там, глядишь, еще что-то.

Завертелись рукоятки, зашипел пар. Василий с помощником выпустили из аппарата партию готового сахара. Цвет у него пока коричневый. Но скоро сахар отмоют, сделают белым, как снег.

На заводе часто бывают гости. Заимствуют опыт, сами делятся своими достижениями. Но бывают на заводе и необычные гости. Необычные потому, что они одновременно являются и хозяевами предприятия. Это колхозники-свекловоды.

Турбовский комбинат, быть может, потому и называется комбинатом, что территория его не ограничена забором, а раскинулась на многие километры во все стороны, на сотни гектаров свекловичных полей. И если летом завод стоит на ремонте, это еще не значит, что изготовление сахара временно прекратилось. Нет, сахар создается и летом. Только не на заводе, а в соседних «цехах» — на поле. Пять заводских агрономов денно и нощно хлопочут на колхозных полях, помогают свекловодам растить урожай. Завод заботится о своем сырье, а колхозники — о своей продукции. И совсем не случаен интерес, скажем, Ивана Никитовича Пасечника, одного из лучших свекловодов комбината, к тому, что происходит на заводе, как идет переработка выращенной им свеклы. Урожай на его полях не из последних: 300 центнеров с гектара, как правило. А минувшей осенью на каждом из 100 гектаров Пасечник вырастил по 320 центнеров. Звено у него хоть и небольшое, хоть и состоит всего лишь из трех человек, а умелое, дружное. С трактора на сеялку, с сеялки на комбайн — мастера на все руки. Вырастил свекловод свой урожай, отвез его на завод и, думаете, успокоился? Нет. А как он хранится? Ничто, созданное трудовыми руками, не имеет права пропадать даром. Вот и приходит свекловод в гости и рабочим. Отрадно ему, что завод его лучший в области, что три месяца подряд не отдает никому областное знамя. Вот и сегодня заехал. Ездил получать орден Ленина, а на обратном пути — на завод.

Угощается землепашец Иван Никитович у своих друзей-рабочих сахаром с чайком, похваливает. Хорош сахарок, ничего не скажешь! И дух в нем от земли вроде бы сохранился. И свет летнего солнышка в нем поигрывает. И труд человеческий сладостью в нем обернулся.

Абу-Симбелу надо было уходить. Представьте себе махину весом в 250 тысяч тонн, высотой в 33 и шириной в 38 метров. И двигаться ему предстояло не по горизонтали — шаг вправо или шаг влево,— а подняться круто вверх по вертикали на 60 с лишним метров. Кроме того, тело Абу-Симбела более трех тысяч лет было впаяно в гигантскую гранитную скалу. Но уходить надо было непременно.

На выручку пришел человек. Археологи, инженеры, архитекторы, геологи, скульпторы многих стран мира приехали в далекую Нубийскую пустыню и, вооружась современной техникой, помогают Абу-Симбелу покинуть смертельное для него место.

Кто же такой Абу-Симбел? И почему место, где он спокойно простоял тридцать два века, пристально вглядываясь в воды Нила, оказалось теперь для него смертельным?

Искать ответы на все эти вопросы бесполезно. Их попросту нет. Но есть сами храмы Абу-Симбела — Большой и Малый, памятники наивысшего мастерства, дополненного научной проницательностью строителей Древнего Египта.

Фасад Большого храма украшают четыре статуи Рамзеса II. Высота каждой — 20 метров. Ширина лица от уха до уха — 417 сантиметров. Между изображениями фараона статуи царицы Нефертари, которой посвящен Малый храм, расположенный в ста метрах от Большого. Через величественный портал Большого храма попадаешь во внутренний двор, разделенный на три придела четырехгранными колоннами. Восемь из них несут на себе изображения фараона. Рельефы на стенах рассказывают о сражениях и победах Рамзеса II. Потолок испещрен надписями, фигурами невиданных зверей. Рядом еще один зал, тоже украшенный изображениями богов...

Но для того, чтобы все это чудо полно увидеть и ощутить, чтобы понять и восхититься им, быть четыре. Где же Птах — владыка потустороннего мира? Он здесь, рядом. Но луч его не осветил. Как и положено такому мрачному богу, Птах всегда остается в тени.

Покидая храм, я невольно подумал: не только инженеры, геологи, но и математики, астрономы древности владели знаниями, определившими культуру человечества на тысячу лет вперед. Ведь нередко случается так, что совершенное сегодня «открытие» оказывалось известно людям уже с незапамятных времен. Оберегая и сохраняя памятники старины, где бы они ни были, мы тем самым оставляем в целости не только живые иллюстрации истории, но и наглядные свидетельства того, насколько высок был уровень исчезнувших цивилизаций, оставляем как бы предостережение будущим поколениям. Строя новое, нельзя забывать о прошлом, ибо оно является надежной основой крепости и долговечности всего здания. Спасая храмы, люди спасают не богов, а их творца — гений человека.

Ответ на второй вопрос, почему место, где стоял Абу-Симбел свыше трех тысячелетий, стало для него смертельным, надо искать в

КОГДА ЛЮДИ СПАСАЮТ БОГОВ

Борис ИВАНОВ,
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Абу-Симбел. Лето. 1964 год.

Чтобы ответить на первый вопрос, надо заглянуть в историю Нового царства Древнего Египта, во времена XIX династии. Тогда беспредельным владыкой страны был фараон Рамзес II. Как и все диктаторы и деспоты, он считал себя богом на земле. А богу положен соответствующий его высокому сану храм. И Рамзес II, чтобы увековечить себя, приказал его построить. Но не на открытой площадке, а выдолбить в скале над Нилом, в скале, обращенной к лучам восходящего солнца. И зодчие древности совершили чудо.

Действительно, как они могли узнать, что выбранные ими в пятидесяти километрах к северу от второго нильского порога скалистые выступы по своей структуре монолитны? Как они убедились в том, что плотность их не только снаружи, а и внутри подходит для создания скульптур и фризов, что песчинки монолитов скреплены окисью железа, дающей скалам богатую палитру красок—от золотистого, красного до темно-лилового? Пористость камня, действие подпочвенных вод, выветривание — все это тоже нужно было учесть при сооружении храмов. Но и это еще не все. Диву даешься, как, каким образом смогли тогда рассчитать, определить, что Большой храм Абу-Симбела сможет разместиться внутри скалы.

нужно определенное время, точнее, определенный час. Нужно встретить у подножия Абу-Симбела рассвет, что я впервые и проделал два года назад.

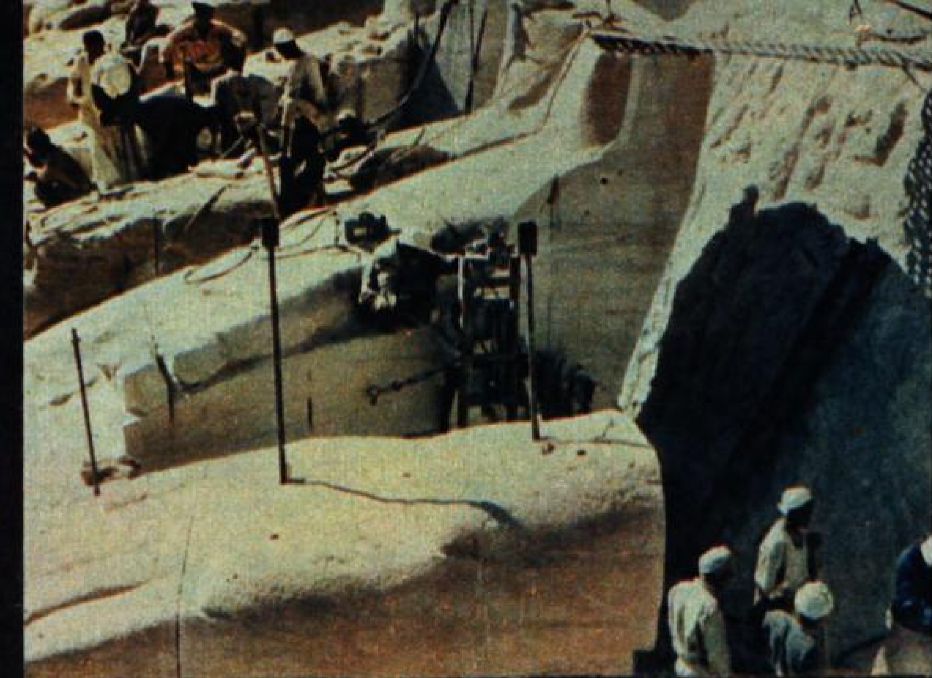
С душевным трепетом стояли мы в кромешной тьме на берегу Нила. Тишину нарушало лишь вкрадчивое журчание воды. Чуть вырисовываясь на звездном небе, подымалась над рекой скала. Она казалась глухой и плоской. Вдруг с противоположного берега врезались в небо три золотисто-розовых меча, и тут из черного квадрата скалы возникло лицо Рамзеса II. Еще мгновение, и лучи восходящего солнца высветили линии портала Большого храма. И мы пошли за лучом, как за гидом. Постепенно, словно страницу за страницей, раскрывал нам луч волшебную книгу. Во всем своем великолепии предстал главный зал Абу-Симбела. Лукаво улыбнулся нам с высоты своих двенадцати метров бог Осирис. Навстречу вспыхивали из тьмы один за другим приделы храма, его галереи. Неожиданно в самом конце, на расстоянии более шестидесяти метров от поверхности скалы, вперили в нас свои мертвые глаза три сидящие фигуры: Амона, Рамзеса II и Гора, бога солнца. Но «бессмертных» должно

истории Египта второй половины XX века. Давным-давно на его земле нет фараонов. Не стало и королей. Последний был сметен революцией 1952 года. И название у этой страны нынче другое — ОАР — Объединенная Арабская Республика. Разруху и нищету оставили после себя короли и их покровители — английские колонизаторы. Особенно в бедственном положении было крестьянство. Посевы, лелеемые феллахами на крохотных наделах, раскинувшихся лоскутками по берегам Нила, то испепелялись засухой, то сметались наводнениями. Перед новым правительством встала задача не только укротить своенравный Нил, но и увеличить площадь обрабатываемой земли. Тогда-то и возникла идея постройки близ Асуана высотной плотины. Был объявлен международный конкурс. Победил советский проект. В 1960 году началось сооружение невиданного для Африки гидроузла — чуда XX века.

С тех пор минуло шесть лет. До полного завершения строительства потребуется еще не один год. Но Нил уже перекрыт. И плотина за короткий срок, как говорят сами арабы, успела совершить два подвига: впервые за всю историю сохранила урожай от катастрофиче-

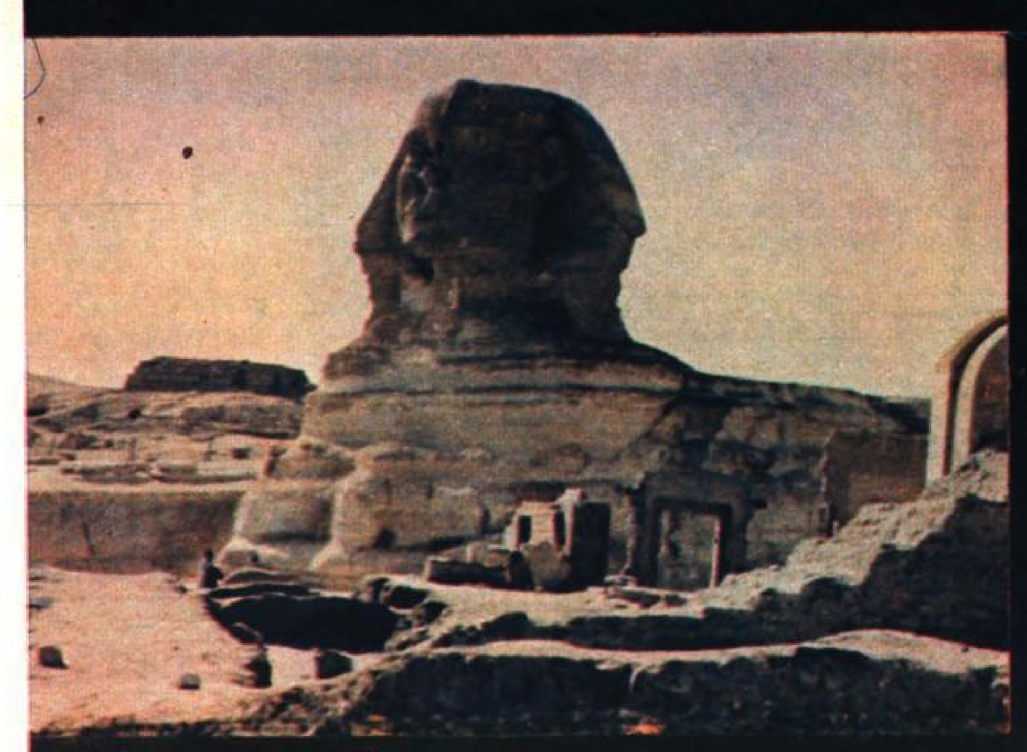
Место, где будет стоять храм.

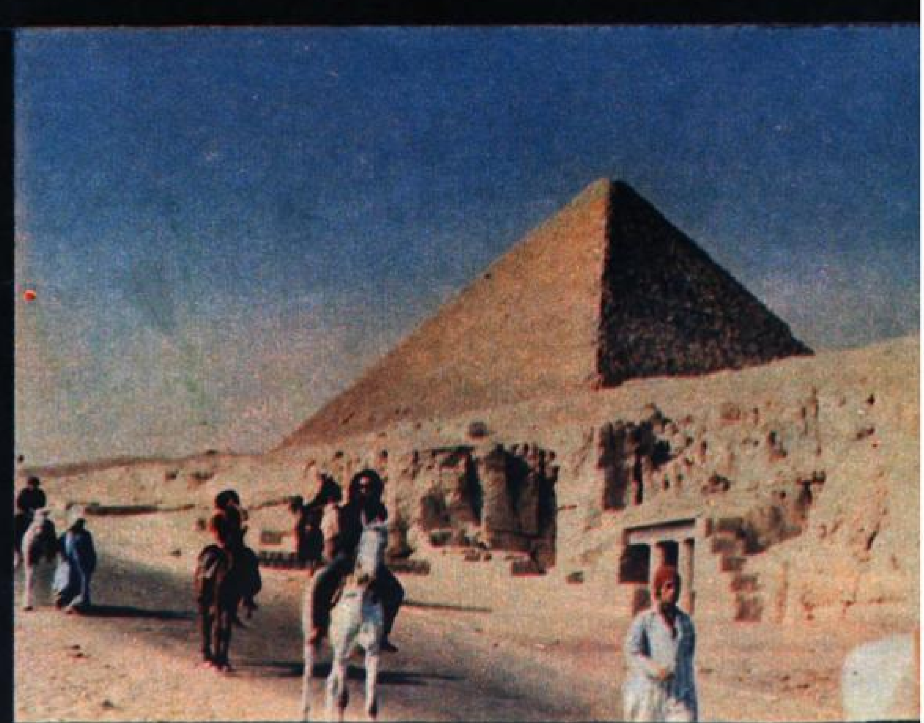
Идет распиловка статуй.

Металлическая труба — временный вход в храм.

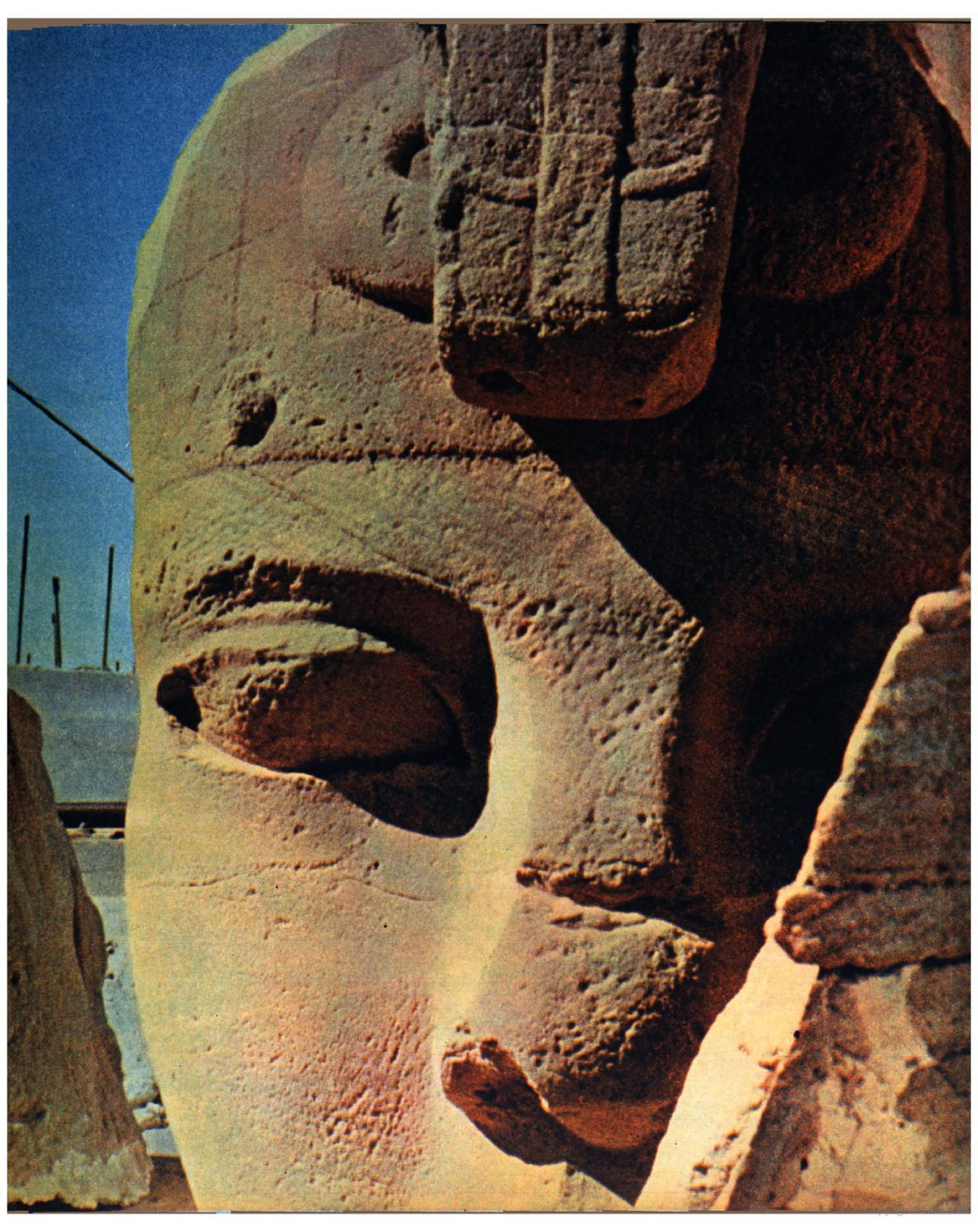

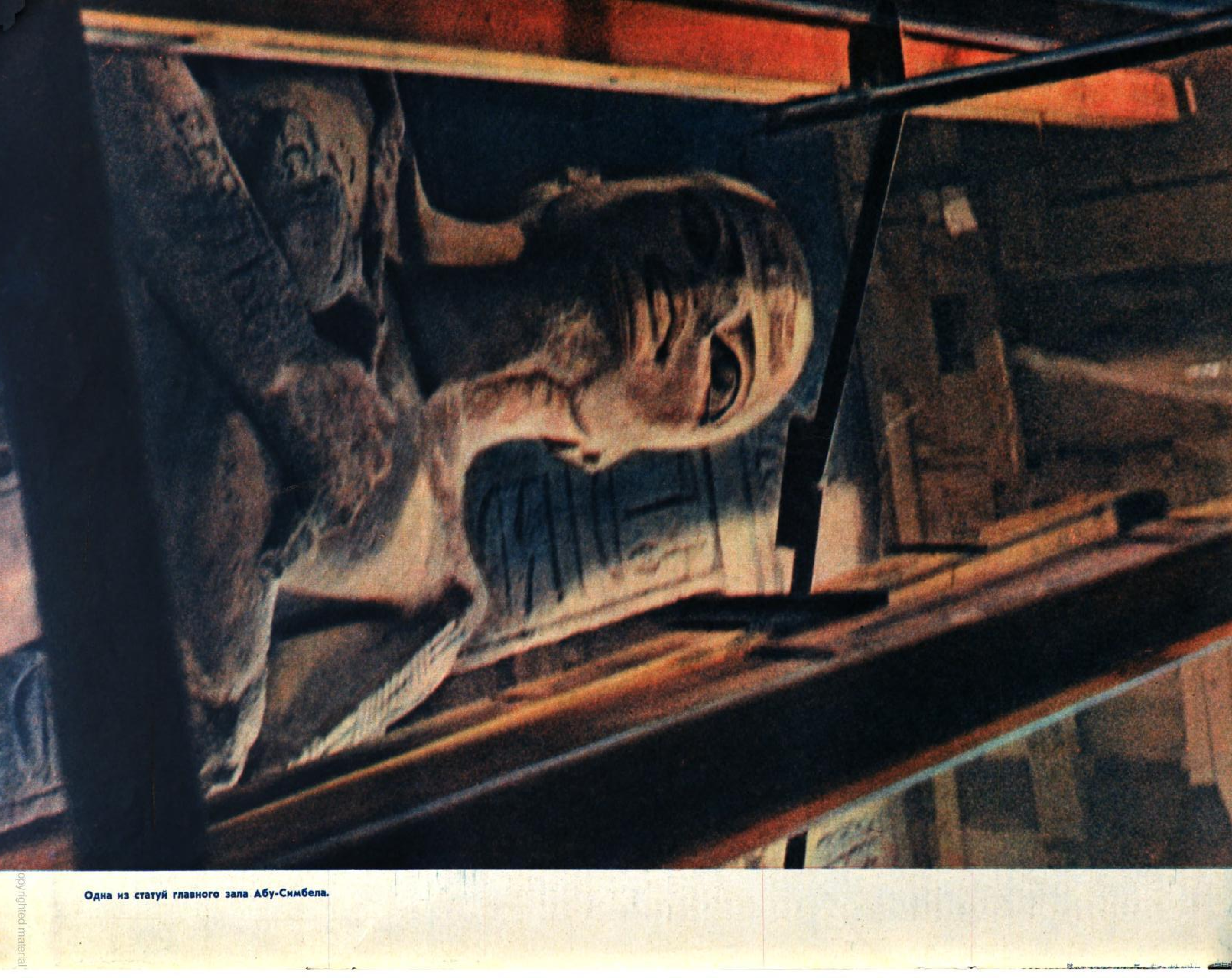
Сорок веков смотрит Сфинкс на мир.

У пирамиды Хеопса.

Блок весит двадцать тонн.

Одна из статуй главного зала Абу-Симбела.

ского паводка (1964 г.), а в прошлом году уберегла от страшной засухи.

С перекрытием Нила началось рождение озера длиной в 500 километров на юг от плотины. Угроза затопления, а значит, и смерти нависла над памятниками Нубии, в том числе над самым уникальным, Абу-Симбелом. Как его спасти? Чудо строителей XX века не должно погубить чуда их далеких предшественников. Возникло несколько проектов. Предлагалось, например, накрыть Абу-Симбел железобетонным куполом; окружить его высокой дамбой. Но поднявшиеся подпочвенные воды, проникая внутрь храма, постепенно разрушили бы его. Во-вторых, лучи восходящего солнца уже никогда не коснулись бы Абу-Симбела. А с ними угасло бы и его очарование. Наиболее подходящим вначале считался проект итальянских инженеров. Они рекомендовали каждый из храмов упаковать в бетонный ящик и в такой своеобразной таре поднять их на домкратах вверх. Однако и это предложение было отвергнуто. В конце концов остановились на самом простейшем и наиболее надежном: снять верхнюю часть скалы до перекрытия храма, отделить его стены от материнской основы, расчленить на части и в блоках перенести на новое место, а там вновь собрать.

И вот я во второй раз еду в Абу-Симбел, чтобы посмотреть, как идут спасательные работы. Катер быстро несет нас вверх по реке к границе Судана. Нил раздался вширь, погрузнел и посуровел. Высокая озерная волна легко подбрасывает судно, раскачивает его из стороны в сторону. Неузнаваемы стали и берега. Пустынные и угрюмые в прошлом, они нынче совсем безмолвны. Жители этого края переселены на новые, орошаемые земли. Волны Нила лижут каменные стены домов. Нубийские деревни шагнули в воду. Пройдет немного времени, они совсем исчезнут с лица земли.

Мои попутчики — супружеская чета из Австралии. Он увешан фотокамерами, руки ее заняты сумками и баулами с кассетами и пленками. Супругам, если возраст того и другого сложить, ни мало ни много — 150 лет. Семья из Аргентины, молодая парочка из ФРГ, как и старики из Австралии, пытаются заснять все, что попадает в объектив аппаратов. Но вскоре их утомляет однообразие пейзажа, и они переключаются на «Стеллу» — прекрасное арабское пиво.

Только один пассажир неотрывно смотрит в иллюминатор. Белая рубашка и голубой галстук резко подчеркивают смуглость его лица. В черных глазах любопытство и грусть.

— Наконец-то!.. Смотри! Моя деревня! — громко говорит он своей соседке.

С холмистого берега, тесня друг друга, сбегали к самой воде белые кубики домов.

Давно ли он покинул свой родной кров? Оказывается, год назад. Поселился неподалеку от Этфу. Дом у него из розового камня, хороший надел земли. Уже посадил пальмы. Вода в изобилии.

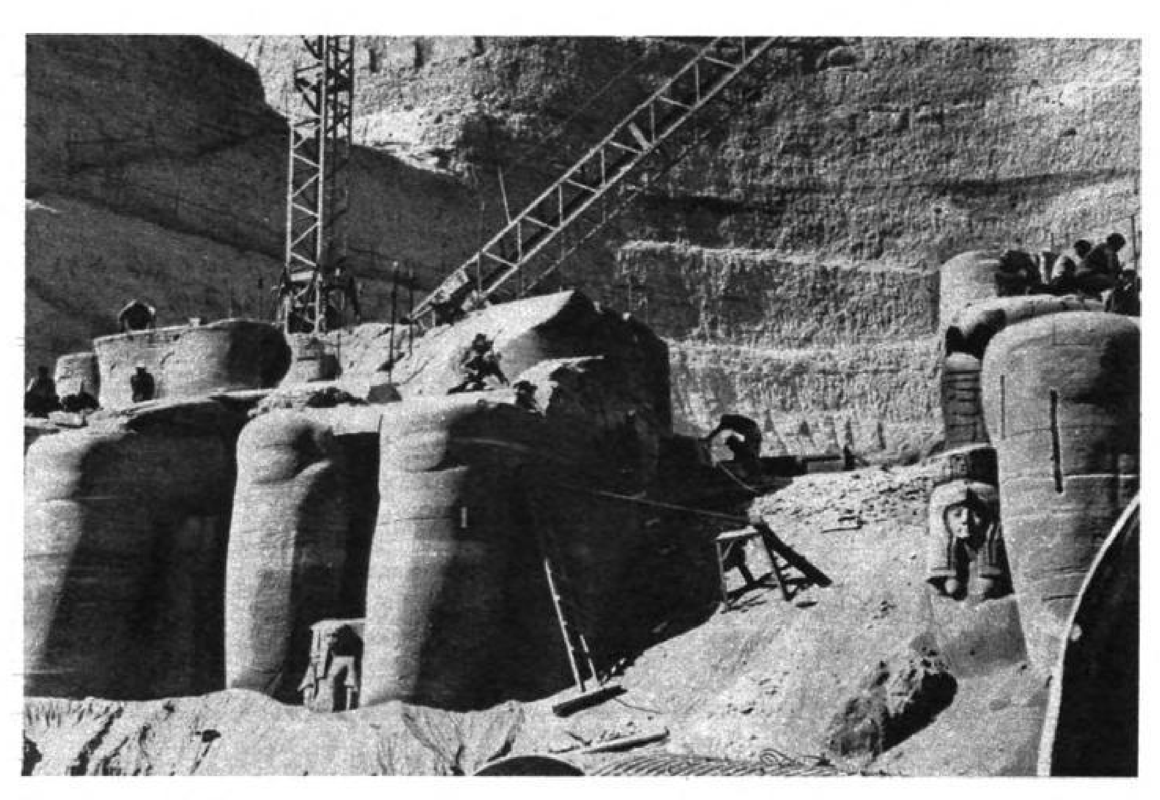
— Но тянет, — говорит он. — Хочется еще раз взглянуть...

Катер вдруг вздрагивает, сбавляя ход. А затем совсем останавливается. Навстречу ему, шлепая плицами, спешит маленький пароходик. На его палубе, что-то крича и размахивая руками, столпилось с десяток мужчин в белых, черных, синих галобеях. Один из них ловко забрасывает чалку. Суда сближаются, и к нам на корму прыгают два молодых человека. Вслед за ними летят сумки, планшеты, треноги, рулоны бумаги. Гудки расставания, и катер снова набирает скорость.

По пути захватили археологов. Пока озеро Насер не разлилось до заданной отметки, по берегам Нила продолжаются раскопки. Нубия — кладезь для археологов. Используя оставшуюся возможность, они выбирают из ее недр все, что представляет особую научную ценность.

— Абу-Симбел! — растягивая слово, прокричал стюард.

Катер приблизился к временной дамбе, опоясывающей храм. За ней видны ноги скульптур Рамзеса II. В ладонях, положенных на колени, торчат, как гвозди, стальные штыри. Они служат своеобразными ручками, с помощью которых подымают наверх подготовленные блоки. Рабочий длинной пилой старательно отпиливает ступню фараона. Желтые стрелы кранов, трайлеры, бульдозеры, новенькие коттеджи, где живут специалисты, придают этому глухому месту вид оживленной стройки. Но здесь не строят, а разбирают когда-то построенное. Туловища, головы, руки скульптур, расчлененные на части по 15—20 тонн каждая и опрысканные резиновым пластиком, чтобы, боже упаси, не выпало ни одной песчинки, уже переправлены на новоселье. Нет и самой скалы. Вся ее макушка снесена. Перекрытие храма тоже отсутствует. Впервые за тысячелетие над стенами двенадцати палат Абу-Симбела, окруженных металлическими лесами, сияет голубое небо Африки.

Абу-Симбел. Зима. 1966 год.

Всегда больно смотреть на то, как разрушают. Но это разрушение радует, ибо разрушают ради восстановления разрушаемого. Два десятка лет трудились 25 тысяч человек, чтобы создать Абу-Симбел. Полторы тысячи специалистов 16 национальностей спасают дело рук своих коллег из XIII века до н. э. Пройдет три года, и снова волны Нила будут мерно плескаться у подножия Абу-Симбела, повернутого фасадом к солнцу. И первые лучи светила, как и прежде, поведут людей в загадочную глубь храма. И они, благодарные, поклонятся не Амону, не Гору, не Птаху, а единому на все века богу — Труду.

Михаил ГОРБУНОВ

По дороге на фронт

Из угара самокруток,
из вагонной толкотни —
остановка на полсуток.
Вылезай и не тяни!

А перрон в дымах курчатых.
Стынут слезы и слова.
Телогрейки на девчатах —
по колена рукава.

Словно в рай попал ты заживо
со студена ветерку, —
парикмахерша оглаживала
оскобленную щеку.

Ах, глаза ее мерцали,
синим жгли меня огнем,
отражалися в зерцале!
Жаль, что трещинка на нем.

Ты в сердцах пошел да торкнул
дверь скрипучую в буфет.
Дверь-то торкнул — мало толку:
ничего в буфете нет.

Но и ты не недотепа
даром стынуть у стола:
за три сотенные тетка
поллитровку отдала.

Щелкнул ножик перочинный,
и сухой паек — на стол.
Да к тому же есть причина,
коль попутчика нашел.

Крепок, черт! Ладонь, как ложка.
Выпил, крякнул и — на «ты».
Он, видать, изведал тоже
госпитальной маяты.

И вагон качнулся нервно,
тормоз выдавил: «Спеши-и-им...»
Парикмахерше, наверно,
двадцать будет с небольшим.

А земля дымится ало,
зимней зорькой зажжена,
и дружок стучит кресалом.
Все. Поехали. Война.

Агния Павловна Книзе восемьдесят лет назад.

Дорогая редакция. На днях в Зеленодольске будет отмечаться столетие прекрасного человека — заслуженной учительницы Татарской АССР Агнии Павловны Книзе. Я, к сожалению, не могу туда поехать, а мне бы хотелось знать, как пройдет юбилей,— когда-то, в пору войны, я была эвакуирована в Татарию и там познакомилась с этим душевным человеком. Мы с ней переписываемся до сих пор. Расскажите, пожалуйста, в журнале об этом дне. Вам будут благодарны тысячи ее друзей и учеников, живущих во всех уголках нашей страны.
Москва. В. Эсмонт

Бу-Ви выполняет вашу просьбу, Варвара Николаевна. Наш корреспондент побывал в Зеленодольске в день юбилея заслуженной учительницы. Вот что он рассказывает:

Бюро Услуг — Бюро Информации

УРОЖАЙ ЛЮБВИ И ДОБРА

Уже задолго до этого дня почтальоны зачастили в дом Агнии Павловны. Десятки писем и телеграмм с самыми горячими поздравлениями и словами благодарности шли со всех концов страны: из Калининграда и Москвы, Перми и Каховки, из Донбасса и Казахстана...

«Посеянные Вами семена дали добрые всходы,— пишется в одном из этих писем,— тысячи Ваших учеников сейчас трудятся по всей стране...»

Скольких выучила и напутствовала в большую жизнь старейшая учительница за десятки лет своей педагогической деятельности? Подсчитать это трудно. Но, пожалуй, нет такой отрасли, где бы не трудились ее ученики. Ученые, инженеры, агрономы, партийные и советские работники, военачальники — генералы и адмиралы и, конечно, преподаватели — от школьных учителей до профессоров университетов. В самом Зеленодольске директора нескольких школ — бывшие ученики Агнии Павловны Книзе. А в школе № 1, где она преподавала, уже третье поколение директоров — ее питомцы. Она начала учить ребятишек так давно, что многие из них теперь сами на пенсии: тем, кто когда-то сидел у нее за партами в начальной школе, сейчас около восьмидесяти.

Потому-то, собираясь в этот день у ее дома, люди приветствовали друг друга: «С праздником!» Это был настоящий праздник, хотя и отмечался он в довольно узком кругу: здоровье юбиляра не позволило провести торжество во Дворце культуры или в школе.

Это было, наверно, самое лаконичное чествование: для речей отводилось от одной до трех минут, чтобы не утомлять юбиляра. Забота о старой учительнице чувствовалась буквально во всем: ветки цветущей сирени в январе, осторожные, бережные объятия, трогательные подарки — легкие тапочки, мягкие валенки, теплый халат и, конечно, книги.

Нужно сказать, что забота об Агнии Павловне не приурочена специально к юбилею. Она повседневная. Горсовет уже тридцать лет назад дал ей хорошую квартиру, освободив от квартплаты; предлагал теперь и новую — не берет Агния Павловна: привыкла к прежней, не захотела менять. Школа снабжает дровами, врачи заботливо следят за здоровьем старейшей жительницы города, школьники приходят, чтобы почитать ей книги. Каждый год поздравляют ее с днем рождения руководители горкома партии и горсовета, выписывают ей газеты и журналы. Кстати, Агния Павловна — многолетний подписчик «Огонька».

Спрашиваю:

— Что вы хотите пожелать нашим читателям?

— Успехов в работе и жизни, бодрости и счастья. Ну, и, само собой разумеется, доброго здоровья и долголетия. Скажем, лет до ста...— Агния Павловна показывает свою фотографию, сделанную лет восемьдесят назад: — Довольно мудрено узнать! Жизнь ведь не простая, меняет она нас основательно, но важно не измениться в главном: любить Родину, любить людей и делать им добро...

Сама Агния Павловна сохранила в себе это главное на протяжении целого века, потому-то семена добра, посеянные ею, дали щедрый урожай.

Ю. КРИВОНОСОВ

С учениками. Предвоенная фотография.

Семен КЛЕБАНОВ

Сева

День рождения

Ровно год назад Лида так же стояла на берегу моря и должна была прыгнуть в воду. Только тогда это была площадка у стартовых тумбочек водного стадиона «Динамо». Она вглядывалась в свою третью дорожку, и ей казалось, что она длинней остальных, хотя все упирались в белый борт, где чернели крупные цифры — номера дорожек.

Неожиданно подошел тренер и, сильно жестикулируя, что-то сказал Лиде. Она растерянно посмотрела на его возбужденное лицо и молча убежала в раздевалку.

Вместо нее на третью тумбочку взобралась длинноногая девушка в розовой шапочке и, красиво изогнувшись, вытянула руки.

С той поры Лида больше не участвовала в соревнованиях по плаванию. Ее огорчило, что третья дорожка уступила первенство соперницам. Больше всего обижалась не на розовую шапочку, а на суетливого тренера, который сказал, что она запасная и нужды в ней сейчас нет, поскольку пловчиха основной команды задержалась не по своей вине.

День соревнований совпал с днем ее рождения. Горечь обиды омрачила ее восемнадцатилетие. Лида была рада, что семейное торжество решили отмечать через два дня — в воскресенье 22 июня.

Праздника не получилось: началась война.

И вот сейчас Лида потопталась немного на берегу, прицеливаясь, куда лучше плыть. Увидев памятник затопленным кораблям, она шагнула в море.

И хотя вода, прогретая нестерпимо жарким июньским солнцем, была теплой, Лиде она показалась прохладной и колючей. Свинцово-матовый блеск моря был до боли чужим и тревожным.

Над головой Лиды висело белесое небо с дымом и гарью. Небо выло, грохотало, стреляло.

До берега, куда плыла Лида, оставалось метров семьсот.

Достигнув середины бухты, Лида нащупала кисет, висевший на шее. Там, внутри, в бутылочке, залитой смолой, лежало донесение в городской комитет обороны. Ради него она плыла.

Лида ни разу не обернулась. Она не видела отца, стоявшего на пригорке. А он вглядывался в даль и тихо шептал:

— Должна доплыть... Как же так... Конечно, должна...

Автор «Севастопольской тетради» Семен Клебанов с первых дней героической обороны города-героя работал во флотской газете «Красный черноморец».

Все увиденное им и пережитое послужило основой рассказов о мужестве и отваге защитников Севастополя.

Стопольская тетрадь

Лида оставила отца в землянке, где ютилась рыбацкая артель.

Утром к ним пришел председатель райисполкома и сказал:

— Связи с городом нет... На КП не знают, что танки движутся с Учкуевки на северную сторону... Нужно отправить донесение... Может, на шлюпке? — И сам ответил: — Опасно...

— Надо вплавь,— предложил отец.— Риска меньше...

Председатель вынул бутылочку, залитую смолой.

— Вот донесение.

Отец достал кисет и, опустив туда донесение, туго затянул шнурок. И тут же стал сбрасывать сапоги, по всему видать, готовился плыть сам. Рыбаки переглянулись и сказали:

— Нам это сподручней... Сплаваем...

Лида неторопливо взяла кисет из отцовских рук, перекинула шнурок через голову.

— Я поплыву... Все-таки у меня разряд...— И, чмокнув на ходу небритое лицо отца, спросила: — Куда?

— На командный пункт... Улица Карла Маркса...

У развороченной каменной гряды Лида вылезла на берег и метнулась под мостик Приморского бульвара. Здесь она скинула платье, туго скрутила его в жгут и выжала воду. У ног образовалась мутная лужица. Лида поняла: боже, как давно она не стирала платье, пахнувшее соленой водой и рыбой...

Сердце постукивало тяжелыми толчками, тело покрылось гусиной кожей. Лида надела мокрое платье и побежала по изрытой земле, все еще именуемой улицей Маркса.

Добравшись до командного пункта, она ввалилась в отсек председателя комитета обороны и, положив на стол донесение, сказала:

— Это вам... А мне глоток воды.

Через час она побежала к берегу. Губы шептали ответ председателя. Она старалась запомнить его точно, как было сказано.

Небо помрачнело. С Южной бухты ползли черные облака едкого дыма. Лида плыла вперед, но теперь уже оглядывалась на догорающий город — она была свидетелем его агонии.

Слева уныло покачивались бревна бонового заграждения. В нескольких местах оно было прервано, и это щемящей болью кольнуло Лиду.

По морю плавали ящики, доски, части палубных надстроек — следы потонувших кораблей. На одном из ящиков, нахохлившись, сидела чайка с окровавленным крылом и мутным глазом, похожим на дробинку, смотрела в дымное небо.

Лида подплыла к ящику, уцепилась за него и поплыла к берегу. Чайка не улетала.

Лида увидела на берегу людей. Здесь были раненые моряки, отсюда их должны были эвакуировать в город.

Потом один — это был отец — кинулся в море и поплыл ей навстречу.

На берег они вышли вместе.

Когда они подходили к землянке, отец сказал:

— Поздравляю, дочка... Я и забыл... Сегодня твой день рождения...— И обнял ее.

Рядом стоял майор. Он снял с обожженной руки часы и протянул их Лиде.

— Это от Севастополя...

Портфель

В маленьком отсеке штольни, где размещался кабинет председателя горисполкома, было душно и пахло сыростью.

Василий Петрович Ефремов лежал на койке, закинув руки под голову, и никак не мог уснуть. Глаза уставились в потолок, будто увидели что-то новое, интересное. А было все то же, что и вчера и месяц назад: белая фанера, поблескивавшая подземной росой. Он смыкал глаза, но они, словно назло, никак не слипались.

Василий Петрович повернулся на бок — теперь его взгляду предстал план Севастополя, спускавшийся с самого потолка. На огромной карте распластался город. От берегов бухт в разные стороны разбегались улицы и переулки. Четкие линии очерчивали их границы. Но удивительная стройность, запечатленная на бумаге, никак не прочитывалась человеком, смотревшим этот план.

Разум и сердце видели другое. Какую бы улицу ни улавливал глаз — память старожила мгновенно фиксировала: этот дом разрушен до основания, от дома четырнадцать осталась только задняя стена, напротив была библиотека — она сгорела. Дальше... Что же дальше? Память услужливо подсказывает: здесь был детский сад.

Василий Петрович повторяет:

— Здесь был...

Невольно глаза потянулись к квадрату Корабельной стороны. Тут он родился. Когда вырос, узнал, что его дед был участником обороны Севастополя и, как рассказывали в семье, видел своего однополчанина артиллериста Льва Толстого.

Была Корабельная — теперь от берега Южной бухты вздымаются пожарища и руины.

Ох, какая это мучительная экскурсия и сколько еще предстоит увидеть!

Уснуть он так и не смог. Пришлось встать. Посмотрел на часы — четыре утра. Он сел за стол. Разбирая текущие бумаги, увидел маленькую книжку «Умственный труд и здоровье» со штампом «Библиотека института физических методов лечения имени Сеченова». Странно. Как она попала сюда? Сегодня заходил главный врач больницы — может, он забыл?..

Василий Петрович полистал книжку и на одной из страниц увидел подчеркнутое красным карандашом: «Природа создала эмоции для того в основном, чтобы обеспечивать энергией мышечную деятельность, следовательно, и «разряжать» эмоции нужно преимущественно в мышечных усилиях. Человеку со «взвинченными нервами» полезно, например, взбежать по лестнице на второй или третий этаж, прийти на работу пешком или приехать на велосипеде...»

— Намекают, черти,—улыбнулся Ефремов.— «Взвинченные нервы». Должно быть, главврач подсунул. А где теперь в городе лестницы на третий этаж?

Утром Василий Петрович отправился в убежище, в котором жило более двухсот человек. Накануне он получил жалобу, что при взрывах бомб подвал сильно содрогается, осыпается штукатурка. Просили коменданта принять меры, а он руками разводит: мол, война. Ефремов обошел с комендантом убежище, обдумывал, где бы поставить дополнительные крепления, как обложить вход мешками с землей, чтобы взрывная волна не завалила дверь, и, уже прощаясь, спросил коменданта:

— Почему вы с людьми так нервно разговариваете? Кричите...

Комендант тупо посмотрел на обвалившуюся штукатурку.

— Так ведь война, товарищ председатель...— И чуть помолчав, добавил: — Потом, у меня характер...

— Запомните: характер — это как нижнее белье. Его надо иметь, но нельзя показывать... Усвоили?

Через несколько дней у входа в штольню городского комитета обороны появился мотоцикл. Он долго простаивал под навесом, и никто не знал, что его хозяин — Василий Петрович. И только когда «взвинченные нервы» рвались наружу, Ефремов вспоминал прочитанную книжку, покидал свой отсек и, оседлав мотоцикл, гонял по городу — то в Балаклаву, то по Стрелецкому шоссе к Херсонесскому мысу.

Не знал он тогда, что этой же дорогой по Стрелецкому шоссе будет покидать город...

А случилось это 30 июня 1942 года.

Он вышел к машине с одним портфелем, в котором лежал план города, снятый со стены отсека, и пятнадцать тысяч рублей — зарплата эвакуированным работникам горисполкома.

Небо уже было чужое. Только краешек, тот, что над морем у мыса Херсонес, был еще своим, родным.

Прорвавшись на северную сторону, немцы добивали город орудийными залпами; их самолеты охотились за людьми и машинами. Клубы черного дыма плыли над севастопольской землей.

Машина ехала медленно, приходилось расчищать завалы. Каждый поднятый камень острой болью отзывался в сердце.

Все чаще и гуще дорога отхода обстреливалась врагом.

За городской чертой вблизи машины разорвался снаряд. Шоферу перебило ноги. Секретари горкома Борисов и Сарина были ранены. Василию Петровичу повезло: один осколок угодил в ногу, другой был бы смертельным, но он только перебил напильник, который всегда лежал в левом нагрудном кармане кителя. Это был его талисман — память о родном заводе...

Покинув изуродованную машину, они добрались до мостика, решив переждать здесь до темноты.

И вдруг Ефремов воскликнул:

— А где же портфель? Там деньги! Я должен его найти...

Б. КРЫЖАНОВСКИЙ

К 70-ЛЕТИЮ КИНЕМАТОГРАФА

ЭТИ ЧУДАКИ ИЗОБРЕТАТЕЛИ...

...На стене небольшого зала натянута новенькая белая простыня. Полутьма. Под подозрительное потрескивание и шип какой-то аппаратуры по простыне странно передвигаются фантастические — и в то же время невероятно реальные! — немые силуэты предметов и людей.

Ребенок завтракает!
ТОЛПА РАБОЧИХ ВЫХОДИТ С ЗАВОДА!!
НА СТАНЦИЮ ПРИБЫВАЕТ ПОЕЗД!!!

Это было 22 марта 1895 года в зале на улице Ренн, 44, в Париже. Братья Луи и Огюст Люмьер впервые в истории человечества устроили публичный показ нового изобретения, названного ими синематограф.

И хотя искусство кино родилось значительно позже, накануне первой мировой войны и Великой Октябрьской революции, движение поезда в люмьеровской картине будто символизировало начало движения нового искусства. Поезд киноискусства тронулся и, набирая скорость, помчался вперед по просторам планеты!

За несколько месяцев братья Люмьер улучшили аппарат, сняли еще несколько картин и открыли первый кинотеатр. День, когда был дан первый платный сеанс, 28 декабря 1895 года, принято считать официальным днем рождения кинематографа, которому минуло теперь семьдесят лет.

Интернациональный по своей сущности, кинематограф изобретался интернационально, многими изобретателями во многих странах, на протяжении длительного времени.

Они были очень разными, изобретатели кинематографа: по языку, по вкусам, по судьбам. Но была у них и одна общая черта: все они были чудаками. Из племени тех людей, о которых Горький сказал: «Чудаки украшают мир». Ну разве не был чудаком сам «папаша Люмьер», который, нанимая на работу человека, ставшего первым в мире киномехаником, сказал ему следующее:

— Знаете ли, мы предлагаем вам профессию без будущего. Вы проработаете у нас шесть месяцев или год, а возможно, и того меньше. Ведь синематограф — это научный курьез, не имеющий никакого коммерческого будущего.

Ах, уж эти смешные чудаки изобретатели! Давайте вспомним некоторых из их славной когорты, тех, кому кинематограф обязан своим рождением и развитием.

ОН СМОТРИТ НА СОЛНЦЕ

Тридцатые годы XIX века.
Бельгия

Он знал, что в комнату не проникает ни один луч света, что тут царит полная темнота. Он сидел с плотно сомкнутыми веками. Но снова и снова перед ним возникало раскаленное солнце. Оно становилось то меньше, то больше. Он «видел», как ослепительный бледно-желтый диск превращался в ярко-красный, на какое-то мгновение делался черным. Но и «черное солнце» жгло закрытые глаза, тысячами огненных смерчей вонзалось в самые потаенные уголки мозга, причиняло пронзительную, беспрерывную боль.

Двадцать пять секунд Жозеф Плато смотрел на разъяренный диск могучего светила. И потом, через несколько дней, когда боль обожженных глаз несколько уменьшилась, молодой ученый вновь отправился... смотреть на солнце!

«Дьявольские» сеансы продолжались в ритме хорошего метронома: он соревновался с солнцем, пока мог смотреть на него невооруженным глазом, мучился от нестерпимой боли, выздоравливал и снова...

Первый опыт он произвел летом 1829 года, когда ему было двадцать восемь лет.

Полная, неизлечимая слепота наступила в 1842 году.

Какие же вопросы поставил перед собой Жозеф Плато? Что именно хотел он исследовать, на что получить ответ?

Он хотел узнать, где именно находится граница сопротивления сетчатки человеческого глаза, а также вывести законы персистенции — способности сетчатки сохранять следы исчезнувшего, промелькнувшего изображения.

За несколько лет напряженной,

— Обойдется. Туда нельзя, погибнешь,—уговаривали его друзья.

— Я должен... Они уехали без денег... Ни гроша...

С этими словами он выполз из оврага и, подхватив обугленную палку, заковылял обратно.

Уже темнело. Все ближе и ближе раздавался угрожающий клекот вражеских пулеметов.

А он все искал, обшаривая гудящую землю, и где-то вдали от машины — отбросило взрывной волной — нашел портфель.

Через пять дней он добрался до Краснодара, сам разграфил ведомость на зарплату сотрудникам исполкома и опустошил портфель.

На столе остались всего лишь один рубль сорок семь копеек.

Командир

Шансов на удачу было мало. Но все-таки Василий переборол тягостное чувство и решительно отворил дверь командного пункта.

В сущности, просьба, с которой он хотел обратиться к контр-адмиралу, была им тщательно обдумана. В основе ее был почти стопроцентный риск, и от контр-адмирала требовалось только одно — доверие. На это рассчитывать Василий не мог. Так ему казалось.

У контр-адмирала была хорошая память, и он, несомненно, мог вспомнить мореходное училище, где Василий был курсантом, а он, контр-адмирал, читал курс навигации. Он вспомнил бы и тот злополучный день выпускных экзаменов, когда Василий протянул зачетную книжку и получил ее с отметкой «тройка».

Василий пытался тогда объяснить неудачу болезнью, но в ответ услышал громкое: «Болезнь во время сессии — признак отсутствия таланта».

С той поры прошло много времени, но при каждой неудаче досужие языки напоминали Василию колючий афоризм про талант.

Войну он начал старшим помощником, а затем стал командиром тральщика. На корабле его любили. И не его беда, что после того, как он множество раз пропахал военное Черное море, ему приказали пришвартовать корабль около Угольной пристани и ждать специального задания.

Хитрый камуфляж преобразил облик тральщика. Красивые линии труженика моря стали бесформенными и удручающе тупыми. Но это спасало корабль от воздушных налетов, прекращавшихся только в короткие часы июньской ночи.

И все-таки противник разгадал тайну тральщика. Девять бомбардировщиков пикировали на корабль. Одному из них удалось угодить в цель.

Корабль пылал. Огонь подбирался к артиллерийским погребам.

Василий приказал:

— Затопить погреба! Все с корабля!

Лишь один комендор прорвался сквозь бушующее пламя и смог затопить погреба.

Когда самолеты, отбомбившись, ушли за Инкерман на север, Василий решил спасти тральщик.

Все, кто остался в живых, бросились с причала на зов командира:

— Всем на корабль! В атаку на огонь!

Многие в этот день в последний раз видели небо Севастополя, зловеще задымленное и тревожное; они уже не слышали глухого топота товарищей, метавшихся по раскаленной палубе и спасавших корабль от гибели.

Контр-адмирал знал все о случившемся, но никак не предполагал, что Василий сейчас скажет:

— Разрешите вести тральщик на Большую землю.

Контр-адмирал задумался. Трудно было понять, что его больше озадачило: дерзость замысла или самоуверенность молодого командира.

Василию показалось, что контр-адмирал силится вспомнить историю с «тройкой», и внутренне он подготовил себя к настойчивому требованию, хотя отлично понимал незыблемые законы субординации и трудное положение Севастополя.

— Вы все продумали?

— Так точно.

— Командирский мостик сгорел?

— Так точно.

— Компаса нет? — Контр-адмирал загибал длинные пальцы обветренной руки.— Рулевое управление вышло из строя?.. Так? А оружие?

— Сохранилась винтовка дневального.

Василий почувствовал по всему телу какой-то зуд, тяжелая усталость качнула его в сторону. И если бы не протянутая рука, сильно пожавшая обгорелую ладонь Василия, он бы наверняка упал.

фанатической работы Жозеф Плато сумел исследовать персистенцию не только теоретически, а при помощи нескольких новых созданных им приборов. В 1832 году Плато изобретает знаменитый фенакистископ (название происходит от слов «обман» и «смотреть»), в котором при вращении серия неподвижных рисунков воспринимается как один движущийся рисунок. Из фенакистископа да из почти одновременно изобретенного Симоном фон Штампфером стробоскопа («стробос» — «вихрь») вырос, собственно, кинематограф.

Да, без поистине прометеевских исследований бельгийского ученого Жозефа Плато, чудака, посмевшего взглянуть на солнце невооруженным глазом, чудака, сознательно шедшего к слепоте, было б невозможным изобретение кинематографа.

УЗНИК МУЗЕЯ ВОСКОВЫХ ФИГУР

Семидесятые годы XIX века.
Франция

...Медленно, очень медленно тянется траурная повозка по окраинам Парижа. Мокрый снег медленно тает на черной упряжи. Никто из прохожих не обернется на убогую процессию: мало ли бедняков хоронит ежедневно Париж на своих окраинных кладбищах?

Так отошел в небытие зимой 1918 года один из «предтеч» самой веселой области киноискусства — рисованной мультипликации — гениальный чудак, сын гравера медалей Эмиль Рейно. Ушел в небытие, уничтожив перед смертью свой никому не нужный «Оптический театр». Ушел, чтобы навсегда остаться живым.

Эмиль Рейно никогда не был человеком респектабельным, солидным. И в двадцать и в сорок лет он занимался вещами, которые в глазах людей деловых и «добропорядочных» граничили с детскими забавами, с чудачеством. Все и началось с игрушек. Для одного из своих маленьких приятелей — а детей он любил с болезненной жадностью — Рейно сделал своеобразный, не похожий на другие стробоскоп.

Было тогда Эмилю за тридцать, и он, видимо, подумывал о том, что пора, мол, уже начинать «респектабельную», «деловую» жизнь. Он изобрел праксиноскопическую призму и заменил ею щели-оконца в зоотропе. На двенадцать маленьких зеркал проецируются изображения серии рисунков. При их вращении в каждом зеркальце создается иллюзия движения. Рейно стал хозяином маленькой, игрушечной мастерской праксиноскопов.

Он сам рисовал для своего аппарата комичные фигурки кукол, сам распределял все двенадцать фаз движения. Он видел в мечтах целые представления из рисованных человечков...

Но увы... в праксиноскопе помещалось очень мало рисунков, что позволяло воспроизвести лишь один несложный цикл движения. Правда, его можно повторять без конца... Без конца?.. Может быть, именно в этом смысл? А что, если рисунки делать на большой, длинной ленте?..

Пятнадцать долгих лет прошло со дня изобретения до того момента, когда в «Кабинете фантастики» при музее Гревен — музее восковых фигур — начал свою работу «Оптический театр» Эмиля Рейно. Произошло это 28 октября 1892 года.

Представления «движущихся световых пантомим» в музее Гревен продолжались до двадцати минут. Понятно, как много рисунков должен был делать Рейно. Да еще с какой точностью!

Все для своего театра Рейно делал сам. Один. У него уже не было времени заниматься чем-либо иным. Его любимое детище поглощало все двадцать четыре часа в сутки. Он «был прикован к музею Гревен, словно банальная восковая фигура»,— пишет его биограф.

А за это время было изобретено и развилось современное промышленное кино. Оно безжалостно сломало «Оптический театр» Эмиля Рейно, выбросило на улицу изобретателя волшебных мультипликационных фильмов. Ведь он так и не стал «респектабельным», «деловым» человеком и всю жизнь занимался вещами, граничащими с детскими забавами.

«ИНОСТРАНЕЦ» ИЗ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Девяностые годы XIX века.
Украина

...Припорошенные снегом улицы старого провинциального Харькова «благоухают» привычным лопаньским смрадом, стылой гнилой водой. Размахивая газетой «Южный край», навстречу прохожим бежит оборванный мальчишка-газетчик. Греясь собственным визгом, он разносит на полгорода:

— В понедельник, 2 декабря 1896 года, в оперном театре будет дан сеанс кинематографа Альфреда Константиновича Федецкого!.. Будет показана на сцене, на экране размером 12 аршин ширины и 10 аршин высоты, живая фотография из заграничной и местной жизни. Аппарат единственный в России и представляет собой последнее слово технических усовершенствований!..

Так в Харькове рекламировался один из первых сеансов кино. Сотни зрителей торопились в театр, чтобы собственными глазами увидеть новое чудо — «живую фотографию». Первым фильмом известного фотографа и энтузиаста кино в России А. Федецкого была «Джигитовка казаков Оренбургского полка», стоявшего тогда на Украине.

Но и «Южный край» и мальчишка-газетчик ошибались: привезенный из-за границы Федецким «кинетограф» не был единственным аппаратом в России. В то время уже существовали и свои, русские системы кино.

Не было известно тогда публике, спешащей на «живую фотографию», и то, что в Харькове, вернее, в Харьковской губернии, родился один из пионеров мирового кино — Иосиф Андреевич Тимченко. Тот Тимченко, имя которого по праву должно стоять рядом с именами Люмьеров, Эдисона, Рейно и других «главнейших» изобретателей кино.

Механик Иосиф Тимченко был очень скромным человеком. Он не умел, а главное, не хотел афишировать себя, подымать шум вокруг своей работы. Поэтому на протяжении нескольких десятков лет имя его было мало известно в истории кинематографа. Вернул к жизни имя Тимченко советский ученый И. Соколов, который, опираясь на научные и документальные данные, авторитетно доказал: Иосиф Тимченко, сын крепостного, механик университета в Одессе, еще за два года до Люмьеров создал свой аппарат, вернее, два аппарата для съемки и проецирования «живой фотографии».

Тимченко принадлежит авторство в изобретении своеобразного скачкового механизма — одной из главных частей современного киноаппарата. Еще в годы его создания этот червячный механизм типа «улитки» называли гениальным — таким он был простым и одновременно необычным. До Тимченко механизм такого типа не встречался ни в одной области механики.

В том же году изобретатель вместе с профессором М. Любимовым делает «снаряд для анализа стробоскопических явлений», где использована «улитка». И в этом же году он заканчивает совместно с Михаилом Фрейденбергом кинетоскоп — аппарат, позволяющий производить съемку и проекцию непрерывного движения, то есть свой вариант еще не существующего кинематографа.

В январе 1894 года на девятом съезде русских естествоиспытателей и врачей состоялась первая официальная демонстрация российского кино, изобретенного сыном крепостного, Иосифом Тимченко.

Он дожил до создания Сергеем Эйзенштейном «Броненосца «Потемкина».

Кинематограф в России часто называли иностранцем. А выходит, что «иностранец» этот был родом из Харьковской губернии. Точнее, родина кинематографа расположена во многих странах. В том числе и в России.

«НЕВИДИМЫЙ» КАДР И «ЗАБЫТЫЕ» ЧУВСТВА

Шестидесятые годы XX века.

В положенных местах зрители смеялись, в положенных местах затихали, а потом зал опять взрывался хохотом. Шла комедия понастоящему смешная. Однако после сеанса зрители вышли из зала почему-то в подавленном состоянии. Все зрители.

А вот еще один любопытный сеанс, результаты которого были тщательно проверены. Выйдя из кинотеатра, зрители выпили освежающих напитков на сорок процентов больше, чем всегда. А условия демонстрации фильма не отличались от обычных. И температура воздуха и его влажность... В чем же причина?

Причина в обоих случаях одна. И очень любопытная. Если в кинопленку между двумя кадриками вклеить один совсем посторонний, то во время демонстрации он «проскочит» незаметно. «А так ли незаметно?» — спросили себя чудаки. И оказалось, что такой одинокий кадрик, хотя и проскакивает будто бы незаметным для человеческого глаза, все же влияет на зрителя. И хотя во время демонстрации зритель будто бы и не воспринимает «одиночку», мозговые центры его фиксируют.

Тут еще много неизвестного, непонятного. Ученые разных специальностей, в том числе психиатры и психологи, изучают это явление, сопоставляют результаты, спорят о возможности применения его. А ловкие дельцы — как это уже не раз бывало в истории изобретений — уже начинают делать бизнес.

Во время первого сеанса, о котором мы вспоминали, во многих местах комедии были вклеены кадры с изображением страданий, болезней, смерти. И хотя зрители их не «прочитывали», как бы не видели, после сеанса у них было подавленное состояние. Ну, а во втором случае и того проще. В пленку вклеили кадры с традиционным рекламным лозунгом «Пейте кока-колу». И как видите, реклама оказалась весьма действенной...

Между прочим, открытие «невидимых» кадров свидетельствует о новых возможностях кино. Так в наши дни чудаки даже в привычной области кинематографа находят что-то таинственное, неведомое...

— Чем черт не шутит... Желаю счастливого плавания!

Ночью тральщик отошел от Угольной пристани. Без руля и без ветрил он покидал родной порт. Шел в потемках через минные поля, и только счастье обретенного доверия вселяло надежду на благополучный исход рейса.

Компас привязали к обожженной мачте и больше, чем когда-либо за всю морскую жизнь, смотрели на звезды и солнце. Так прокладывали курс.

И уже вдали от Севастополя огнем единственной винтовки, скорее от злобы и гордости, чем от сознания практической пользы, отбивались от новых воздушных атак.

Тральщик с обгорелым флагом все же пересек море и бросил якорь у берега Большой земли.

Здесь Василий узнал, что наши войска оставили Севастополь.

В Новороссийске Василию сообщили, что его вызывает контр-адмирал и просит захватить диплом мореходного училища.

Он пришел к нему, теряясь в догадках: зачем понадобился диплом?

Контр-адмирал поцеловал Василия и коротко спросил:

— Принес?

Василий смущенно вынул синюю книжечку, положил на стол.

Контр-адмирал раскрыл ее и очень долго, сосредоточенно вглядывался в проставленные оценки. Затем рядом со строкой «Навигация», зачеркнув старую оценку, поставил чуть крупнее других строк «отлично» и четко расписался.

СУДЬБА НАЙДЕНЫША

В Крымских горах группа туристов, поднимаясь по лесной тропе, нашла олененка. Он лежал в густой траве, свернувшись клубочком, испуганный и беспомощный. Оленихи вблизи не было. Возможно, ее сразила пуля браконьера. Прежде всего решили покормить найденыша. Но чем?

Хлеб, колбаса, масло и сыр не вызывали у него никакого интереса. Не ел он и траву. Как же быть? Наверное, молока хочет. Но молока с собой туристы не захватили. Может быть, его заменит сладкий чай? Олененку чай понравился.

А что же делать с ним дальше? Не нести же с собой в горы. Оставить в лесу тоже нельзя: погибнет. Принесли малыша к леснику и попросили его передать найденыша в охотничье хозяйство.

Так олененок оказался на базе Бахчисарайского охотничьего хозяйства Всеармейского военно-охотничьего общества. Здесь его выходили, вырастили и назвали Туристом.

Более года найденыш прожил в Бахчисарайском охотничьем хозяйстве. А теперь он живет в зооуголке Евпаторийского детского костно-туберкулезного санатория. Здесь для него сооружен специальный вольер.

Е. АРУТИНОВ

На снимке: Турист в вольере.

Фото автора.

МОЛОДО, НО НЕ ЗЕЛЕНО

Еще шла война, когда восемнадцатилетний парубок, сельский самоучка, влюбленный в музыку Виталий Кирейко пришел в освобожденный Киев и стал студентом консерватории. Он учился у народного артиста СССР Л. Н. Ревуцкого. С тех пор В. Кирейко создал несколько опер, балет «Тени забытых предков». «Лесная песня» — его первая опера, ею общественность Киева открыла в 1958 году Театр оперной студии Киевской консерватории. Сейчас студия показывает оперу в Москве вместе с другими спектаклями — «Сорочинской ярмаркой» Мусоргского, «Царской невестой» Римского-Корсакова, «Наталкой-Полтавкой» Лысенко.

Студией уже много лет руководят режиссеры профессор Александр Алексеевич Колодуб и доцент Александр Саввич Завина. Только после войны они воспитали 135 солистов, которые поют во многих театрах нашей страны, в том числе и в Большом театре. Их знают все: это Ирина и Леокадия Масленниковы, Мария Звездина, Антон Григорьев. А на Украине славятся голосами Лариса Руденко, Евгения Мирошниченко, Павел Кармалюк...

Спектакли студии понравились москвичам. Космонавт Павел Романович Попович смотрел «Наталку-Полтавку», «Царскую невесту» и сказал мне, что гордится своими молодыми земляками:

— Только на Украине и услышишь такие голоса!..

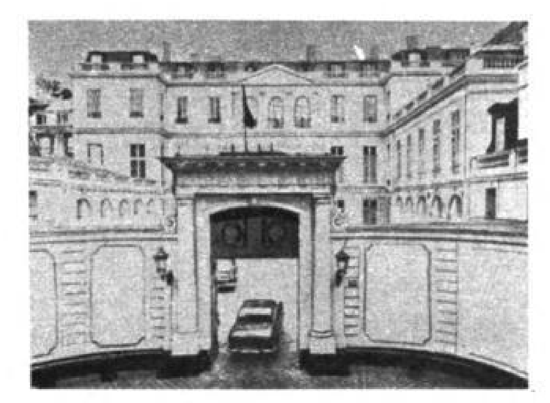
А голоса и правда отличные. Галина Слуховская и Анатолий Мокренко — ведущие солисты, они уже окончили студию. Остальные исполнители — старшекурсники. Все они молоды, но ни о ком из них не скажешь «молодо-зелено». Почти у всех за спиной интересная жизнь. Например, Анатолий Мокренко — геолог, семь лет работал в экспедициях. Любовь к искусству привела его на оперную сцену.

П. СИТАЛЕВ

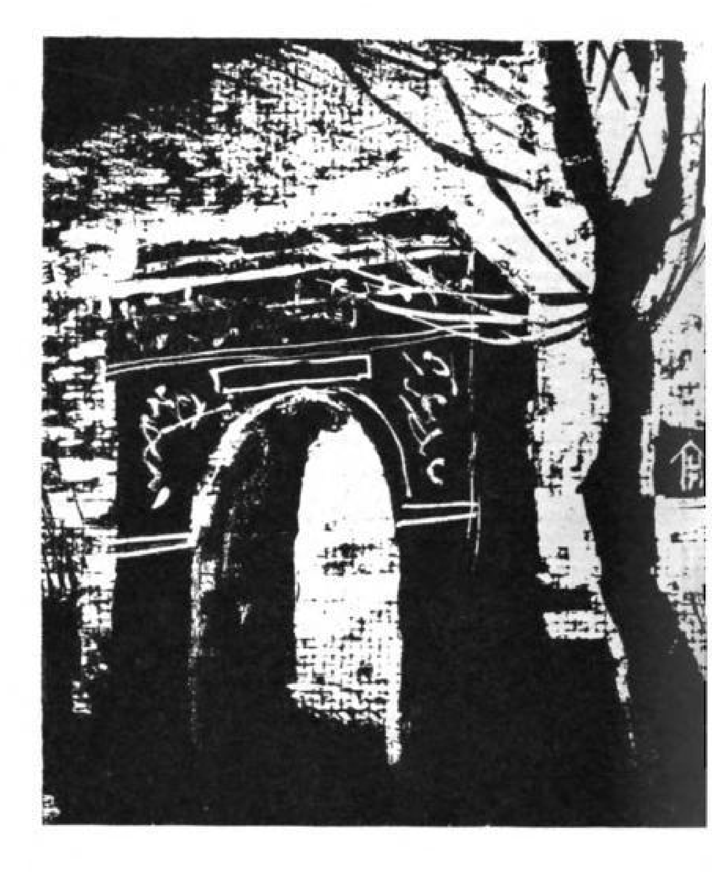

«Царская невеста». Галина Слуховская в роли Любаши и Анатолий Мокренко — Грязной.

Здание советского посольства в Париже.

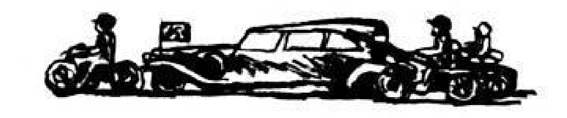

Л. ТАРАСОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

В ОККУПИРО

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНКОНСУЛА, 1940—1941 гг.

В июне 1940 года, во время оккупации гитлеровской армией Парижа, автор этих строк исполнял обязанности советского генерального консула в оккупированной зоне Франции.

Советское посольство помещалось тогда во дворце, построенном в 1713 году архитектором Робером де Коттом для герцога д'Эстрэ, в фешенебельном квартале так называемого Сен-Жерменского предместья, на улице Гренель.

После провозглашения Советской власти в Латвии, Эстонии и Литве оказалось, что во Франции, в основном в Париже, проживали тысячи граждан этих республик, желавших обменять свои прежние паспорта на новые, советские. Часть из них хотела вернуться на родину. Много было также поляков, вынужденных в свое время покинуть панскую Польшу и отправиться на работы в каменноугольный бассейн Па-де-Кале, на севере Франции. Они хотели вернуться на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее принадлежавшие панской Польше, а теперь вошедшие в состав СССР.

Наступил вечер 13 июня — канун вступления гитлеровской армии в Париж. Заходящее солнце освещало притихший город. Закрытые магазины блестели зеркальными витринами, заклеенными бумажными полосами; всюду на улицах валялся мусор, как в покинутом хозяевами доме.

С наступлением темноты Париж затих совсем. Не было слышно обычного городского шума. Сон не шел в ту ночь. Временами слышался только тихий шорох дождя, то перестававшего, то начинавшего идти вновь. Вскоре стал различим рокот моторов, лязг гусениц, грохот колес и цокот копыт по мостовой. Германская армия, как удав, вползала в Париж.

Утром у подножия Триумфальной арки, на площади Этуаль, германские генералы устроили смотр войскам.

Наступил первый день оккупации. Позже, когда прошли войска, на площадях перед парижанами выступали офицеры из групп пропаганды. Они расхваливали «новый порядок», провозглашенный Гитлером для Европы, и призывали к сотрудничеству. В этот день появилось впервые слово «сотрудничество» (collaboration). Прошло совсем немного времени, и появилось другое слово — «сопротивление» (résistance), ставшее символом борьбы против оккупантов.

Медленно шагая по Елисейским Полям, я вышел на площадь Согласия. Напротив отеля Крийон остановилась на отдых германская артиллерийская часть. Пушки и крытые повозки стояли рядами, балюстрада у монумента Руана была превращена в коновязь. Упитанные лошади встряхивали подвязанными к головам мешками с овсом. Повозки, лошади, навоз, в котором копошились голуби и воробьи, должно быть, прилетевшие из сада Тюльери, превращали знаменитую де ла Конкорд чуть ли не в ярмарочную площадь. Жидкие толпы парижан молча смотрели на все это. Но вот из толпы вышла пожилая француженка. Она подошла к балюстраде и, обращаясь к стоявшему за ней германскому офицеру, сказала:

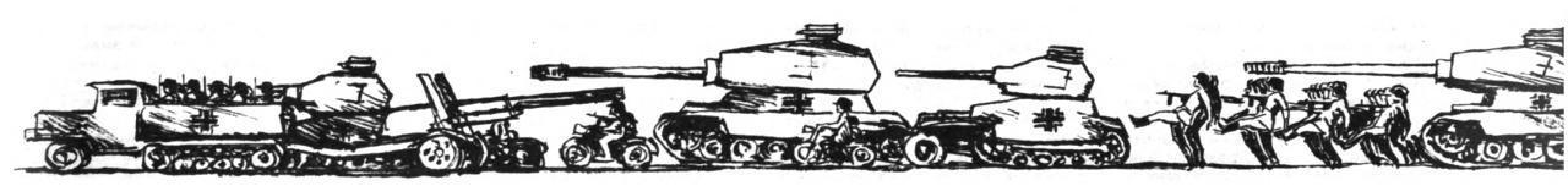
— Что вы развели здесь грязь? Вы думаете, что навсегда пришли в Париж? Нет, мы вас еще отсюда прогоним! — И, гордо подняв голову, женщина пошла прочь.

* * *

После поражения Франция перестала играть роль великой державы. Париж из политического центра мира превратился в тихую провинцию, придавленную сапогом оккупантов.

ВАННОМ ПАРИЖЕ

Предстояла работа в необычных и сложных условиях германской оккупации, без связи с Москвой и своим посольством, еще продолжавшим кочевать вслед за французским правительством по дорогам Южной Франции. У меня почти не было опыта дипломатической работы за границей, два года, проведенные в Испании во время войны, в счет не шли. Мои товарищи были еще более молодыми дипломатами, нежели я.

Судя по всему, мне нужно было бы представиться высшим оккупационным властям в лице гитлеровского представителя Отто Абеца. Дело осложнялось тем, что оставшиеся в Париже иностранные консулы, посетив Абеца, поздравили его с победой. Естественно, что ни при каких обстоятельствах я не собирался этого делать. Связи с Москвой не было.

Я решил попытаться проехать в неоккупированную зону Франции и использовать имевшиеся у советского посольства нормальные средства связи с Москвой.

В те дни между немцами и французами уже начались переговоры, и хотя перемирие еще не было заключено, военные действия и наступление германских войск приостановились. Обстановка все же оставалась очень неясной: еще никто не знал, где обоснуется новое французское правительство маршала Петэна, а следовательно, не знал и я, где находится наше посольство...

Где-то в районе Луары проходила линия фронта. По одну сторону ее стояла мощная, упоенная легкими победами армия Гитлера, а по другую находился развалившийся фронт деморализованных французских войск.

Рано утром я отправился в путь. День был солнечный, теплый. Вся местность к югу от Парижа поражала малолюдностью. В городах и деревнях люди выглядели подавленно и двигались как-то нерешительно, с опаской, многие дома стояли с заколоченными окнами и дверями. Кое-где попадались свежие солдатские могилы со стальными касками на наспех сколоченных крестах. Здесь какие-то неизвестные смельчаки с безнадежным отчаянием оказывали сопротивление интервентам.

Спустя несколько часов после того, как я покинул Париж, я уже катил по «свободной» зоне. Уже поздно вечером я рулил среди лесистых холмов Оверни. В одном из отелей маленького курортного городка Бурбуль я нашел наше посольство, обосновавшееся на несколько дней. До рассвета нужно было составить срочные телеграммы и отчеты, чтобы успеть отправить их диппочтой в Москву.

Утром я тронулся в обратный путь. Один за другим мелькали маленькие городки и деревни, заполненные беженцами с севера. Уже чувствовалась нехватка мяса, хлеба, не было натурального кофе, столь важного в обиходе французов, но прекрасные вина все же были в избытке.

По мере продвижения на север я все чаще справлялся о том, где проходила демаркационная линия. По моим расчетам, она должна была быть где-то в районе Луары, между ее притоками Арно и Шер. Однако никто толком ничего не мог сказать: одни говорили, что фронт находится где-то далеко, севернее; другие уверяли, что боши — в следующей деревне. Не доверяя этим сведениям, я ехал медленно и осторожно приближался к каждому населенному пункту. Но немцев все не было.

День клонился к вечеру, когда при выезде из одной деревни машину неожиданно остановил подвыпивший французский солдат с винтовкой на ремне. Из-за расстегнутого ворота его суконной тужурки виднелся воротник голубой рубашки с цветистым галстуком.

— В следующей деревне боши! — сказал он.

— Представителям нейтральной страны нечего опасаться их,— сказал я солдату.

— Тогда я не отвечаю за вашу безопасность. Можете ехать! — И он отошел от машины.

Когда же я включил мотор и собрался трогаться с места, солдат опять подошел.

— И каково ваше настроение? — неожиданно спросил он.

— Ннн-нормальное,— ответил я, несколько обескураженный его неожиданным вопросом.

— Тогда желаю успеха...

В следующей деревне немцев не оказалось. Я медленно продвигался вперед. Солнце садилось, когда я оказался на прямом отрезке дороги, обсаженной деревьями с густыми кронами. Где-то в видневшейся впереди деревне полыхал пожар. Я включил подфарники и уменьшил скорость. Метрах в двухстах от околицы показался мостик через канал.

— Хальт! Хальт!

Из прибрежных кустов выскочили два немецких солдата с автоматами в руках и ручными гранатами у поясов.

Я остановил автомобиль.

— Кто вы? Куда едете? — спросил меня один из них.

— Советский генеральный консул в Париже,— сказал я, вынимая свой красный паспорт.

Но солдат поверил на слово.

— О! Мы пропускаем русских и итальянцев. В этой деревне, в штабе нашей роты, вы сможете получить пропуск для движения по дорогам.

Я достал коробку американских сигарет и, захватив в горсть с десяток, дал их солдату.

— Вы не смогли бы меня проводить до штаба? — спросил я.

Солдат как будто не слышал моего вопроса. Он с удовольствием нюхал сигареты, бережно держа их в руке.

— Это чудесно! Мы так стремительно наступали, нигде не останавливаясь, и вот остались без сигарет. Вы здорово нас выручили,— тараторил он.

Я повторил ему свою просьбу.

— О, да, конечно, с удовольствием,— поспешно ответил он, становясь на подножку автомобиля.

Через несколько минут мы подъехали к двухэтажному дому в центре деревни. У открытого окна первого этажа у полевого телефона сидел дежурный. Мой сопровождающий объяснил ему, кто я, и, щелкнув каблуками, побежал обратно на свой пост.

Я попросил дежурного выдать пропуск для проезда в Париж.

— Пропуск вы сможете получить только утром.

— Почему?

— Лейтенант спит...

— Нельзя ли его разбудить?— спросил я, опять доставая коробку с сигаретами и протягивая ее дежурному.

— Это совершенно невозможно. Он приказал будить его только по боевой тревоге,— с сожалением сказал дежурный, беря одну сигарету.

В этот момент послышались шаги по деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, и в комнате появился заспанный лейтенант, очевидно, разбуженный нашими голосами. Он был недоволен и не скрывал этого. На него не произвела особого впечатления моя визитная карточка. Я достал коробку гаванских сигар и, открыв ее, протянул ему. Лейтенант сдержанно поблагодарил, но все же взял одну сигару.

— Я думаю, что вам лучше остаться здесь до утра. Сейчас по дорогам движутся наши транспортные колонны, и если с вашей машиной что-либо случится, то ее сбросят в кювет, чтобы не задерживать движение остальных. Так мы поступаем и со своими машинами,— сказал лейтенант.

— У меня надежная машина, лейтенант. Я уверен, что с ней ничего не случится, к тому же я буду избегать движения по главным магистралям...

Пасмурным утром я вернулся в Париж.

* * *

Шли дни. Ежедневно мы принимали сотни посетителей. Необходимо было тщательно оформить и обработать большое число документов, выписать новые советские паспорта и по возможности в торжественной обстановке вручить их людям. На помощь пришли наши жены. Они работали вместе с нами с утра до вечера.

Большинство новых советских граждан принадлежали к числу неимущих. В свое время они приехали во Францию в поисках работы, а молодежь — учиться. Начавшаяся война, а за ней германская оккупация лишили их работы и возможности получать материальную поддержку от родственников, оставшихся на родине. Генконсульство же располагало весьма ограниченными средствами. Но и оставаться безучастными к страданиям наших граждан, попавших в тяжелое положение, мы, конечно, не могли и изобретали все возможное, чтобы облегчить их жизнь.

Оккупационные власти начали в массовых масштабах отправлять людей в Германию для работы на военных предприятиях. Независимо от подданства людей вызывали для регистрации в полицейские комиссариаты, работавшие под наблюдением сотрудников гестапо. Нам пришлось решительно действовать против отправки в Германию советских граждан. Мы заявили, что они не подлежат общей мобилизации, и оккупационные власти оставили их в покое.

В генконсульство приходили и просто люди, искавшие поддержки и содействия. Однажды И. Г. Эренбург сказал мне, что в Париже осталась известная немецкая писательница-антифашистка Анна Зегерс, и просил помочь ей. Я, конечно, с готовностью согласился.

Положение Анны Зегерс оказалось не только ужасным, но и крайне опасным: без денег, с двумя детьми на руках, муж—в концлагере. Вскоре она и все члены ее семьи благополучно достигли неоккупированной зоны и на одном из последних пароходов отбыли в Америку. В 1943—1944 годах я не раз посещал ее в Мехико-Сити, где она обосновалась и где ее муж, венгерский коммунист, вел весьма полезную работу, будучи директором Института общественного мнения.

* * *

Нужно было отправить в Советский Союз несколько сотрудников генконсульства и торгпредства, а также и кое-кого из советских граждан, по разным причинам застрявших во Франции и не успевших вернуться на родину. Среди них был и И. Г. Эренбург с женой.

Регулярного сообщения по железным дорогам между Францией и Германией тогда еще не существовало. Курсировали только германские служебные поезда, перевозившие военных и многочисленных чиновников различных оккупационных учреждений. Таким образом, для выезда из Франции требовалось получить особое разрешение, пропуска, визы, места на поезде и т. д. Мне не оставалось ничего другого, как наконец обратиться к Отто Абецу, осуществлявшему в Париже высшую власть Третьего рейха.

Резиденция Абеца находилась в здании бывшего германского посольства на улице Лиль, в небольшом старинном дворце Богарнэ. Я позвонил туда по телефону и попросил сообщить Абецу, что хотел бы встретиться с ним. Мне не пришлось долго ожидать ответа: встреча была назначена на завтра.

Меня встретил молодой человек в светло-серой форме. Через анфиладу плохо освещенных комнат он провел меня в парадный зал и, попросив подождать, ушел. Окна большого зала выходили в аккуратно подстриженный сад. На одной из стен висел поясной портрет Гитлера под большим бронзовым орлом, сжимавшим в когтях венок со свастикой. Вдоль стен стояли кресла, обтянутые зеленым шелком, а по углам — диваны и овальные столы перед ними. Хотя зеленые панели перемежались с белыми простенками, здесь было сумрачно. Но вот распахнулись обе створки дверей, и в зал вошла группа людей. Впереди шагал сравнительно молодой человек среднего роста в форме германского министерства иностранных дел. Волосы пепельного цвета и белесые брови лишь усиливали впечатление нездоровой бледности его лица с красноватыми веками слегка воспаленных глаз. За ним шел сухопарый генерал, потом какой-то плотный человек в черной морской форме и еще несколько человек позади.

Мы встретились примерно в середине зала.

— Хайль Гитлер! — воскликнул Отто Абец, подняв руку в фашистском приветствии.

В этот момент я заметил в группе сопровождавших его фоторепортера с блицем в руках. Очевидно, это был корреспондент какой-то немецкой газеты.

Теперь я уже не помню дословно напыщенного вступления, произнесенного Отто Абецем с явной целью заставить меня повторить некоторые из его формулировок, как этого требовали дипломатическая практика и традиции. Выслушав Абеца, я коротко ответил ему.

Абец был явно недоволен коротким ответом. Несколько секунд он еще ждал, но, убедившись, что я не собираюсь продолжать, пригласил занять места в креслах за столом. Я изложил цель своего визита, сказав примерно следующее:

— Крайние обстоятельства заставляют меня обратиться к вам по неотложным вопросам, которые без помощи германских властей мы сами разрешить не можем...

На лице Абеца появилось выражение разочарования и досады, но все же он сказал, что готов оказать любое содействие, если это в его силах.

Я начал с того, что один из наших дипломатов болен и нуждается в срочной отправке в Советский Союз.

Абец прервал меня, заявив, что немедленно даст распоряжение прислать к больному лучших военных врачей. Поблагодарив, я сказал, что в этом нет необходимости и что я лишь прошу дать разрешение на отправку больного.

— Вашего больного коллегу мы можем сегодня же отправить в Берлин на нашем транспортном самолете в сопровождении медицинской сестры или, если нужно, врача.

Я сказал, что мне необходимо отправить на родину не только больного сотрудника генконсульства, но и небольшую группу других советских людей, которые и позаботятся о больном в дороге.

— Как хотите.— недовольным тоном ответил Абец.— Это все? — не без иронии спросил он, посмотрев на свою свиту.

— Да, это все. Благодарю вас,— делая вид, что не замечаю его тона и недовольства, проговорил я.

Наше прощание обошлось без рукопожатия.

Вскоре я получил все необходимые пропуска и визы для проезда через Германию.

В то время как французы голодали, в шикарных ресторанах, ночных клубах, всевозможных притонах и злачных местах напропалую кутили германские офицеры. Ничем не обеспеченная германская оккупационная марка высоко котировалась по сравнению с французским франком и давала возможность многочисленным чиновникам рейха, приезжавшим в Париж, офицерам и солдатам за бесценок скупать во Франции товары и продукты. Неудержимо разрастался черный рынок. Шла безудержная спекуляция всем и вся.

В оккупированной зоне была введена жесткая карточная система на основные продукты питания. Мясные блюда в ресторанах разрешалось подавать один раз в неделю. Но в действительности этого порядка мало кто придерживался, не говоря уже о шикарных ресторанах, обслуживавших германских офицеров.

Вспоминается один любопытный эпизод. На площади Альма был небольшой ресторан. Владелец его в свое время эмигрировал из Закавказья. Этот ресторан славился хорошей русской и кавказской кухней. Стены двух небольших залов были разрисованы картинами, изображавшими старый Тифлис. На самой большой стене была изображена легендарная царица Тамара.

Однажды мы решили пойти пообедать к «царице Тамаре», как между собой называли этот ресторанчик. Большинство посетителей составляли немецкие военные со своими дамами. Мы заняли столик. К нам немедленно подошла хозяйка.

— Чем сегодня будете кормить? — спросил я, откладывая в сторону карточку, на которой значились лишь рыбные и вегетарианские блюда.

— Есть пармская колбаса и шашлык!

Когда мы заказали шашлык, хозяйка предупредила:

— Если явится инспектор и спросит, какое у вас блюдо, то скажите, что едите рыбу...

— Мадам, но как же? Ведь он увидит, что это мясо.

— А я все же прошу вас сказать, что вы едите рыбу. Ну что вам стоит...

Едва нам подали шашлык, распространявший вокруг аппетитный запах, в ресторан вошел средних лет француз в котелке, с часовой цепочкой на жилете. В руках он держал дощечку, к которой двумя резиновыми лентами крепились листки бумаги. Он подходил к столикам, вежливо приподнимал котелок, что-то спрашивал и записывал на своих листках. Наконец очередь дошла до нас.

— Приятного аппетита, мадам и мсье,— произнес господин в котелке.— С вашего позволения, я инспектор продовольственного отдела муниципалитета. Разрешите узнать, что вы едите?

Я уже был готов сказать, что мы едим бараний шашлык, как вспомнил просьбу хозяйки, и не столько из-за нее, сколько из любопытства сказал:

— Мсье, это рыба...

Инспектор сделал какую-то отметку в листочке.

— Мерси, мсье...— сказал он и отошел к следующему столику.

Закончив обход, он сел за свободный столик, и ему подали точно такую же «рыбу», как и нам.

(Продолжение следует.)

(Продолжение следует.)

В. Стожаров. НАТЮРМОРТ. БРАТИНА С КВАСОМ.

В. Васин. У МОРЯ.

Д. Жилинский. МОЛОДЫЕ СКУЛЬПТОРЫ.

Людмила ШИКИНА

Из первой книги

Ушел из жизни человек, а
посреди села
Колодец, выкопанный им, рябина
обняла.
И ловит девочка бадью в
железных обручах,
И коромысла в перелив у женщин
на плечах;
И воду чистую несут, ее и льют
и пьют,
И тот колодец до сих пор
Егоровым зовут.

Коричневый апрель

«Апрель на Урале» — в разливе,
Коричневый, талый апрель.
На память о мальчике-сыне
Висит на стене акварель.
Здесь все сохраняется свято.
Пошел восемнадцатый год,
Как женщина сына-солдата,
Пропавшего без вести, ждет.
За городом, в ветхом домишке,
Живет его старая мать,
И все еще розыски пишет,
И адрес боится менять.

Солдатка

В ту весну не знали хуторяне,
Что уже назначено судьбой,
Что теперь положено Татьяне
Быть всю жизнь
солдаткою-вдовой.

И она не ведала, не знала,
Из рядов подкошенной травы
Не брала ромашки, не гадала,
Не клонила гордой головы.

Не в лаптях, а в хромовых
ботинках
Шла она прокосом впереди,
В солнечных веселых золотинках
Вздрагивали бусы на груди.

Бусы, будто ягоды рябины,
До войны на хуторе у нас
Торгаши меняли на овчины,
А в придачу пили терпкий квас.

Эти бусы — ягоды рябины —
Отыграли, больше не горят,
А Татьяна носит их поныне.
«Память мужа»,— люди говорят.

* * *

Я люблю в непонятной тревоге
Журавлей провожать над полями,
Долго-долго стоять на дороге,
Листья жухлые трогать руками.

И на крик журавлиный бежать,
В полыханье рябин оброненный,
И огонь на ладонях держать,
На темнеющих ветках зажженный.

С горизонтом, где горлицей высь
Запрокинулась в пламя заката,
Журавлиные тропы слились,
Будто птицы исчезли куда-то.

Мне б найти эти тропы, пути,
Разгадать этот крик над полями,
И в неведомость к солнцу идти,
За летящими вдаль журавлями.

* * *

Называй, называй меня дочерью,
Как давно я тебя не слышала!
Расскажи мне все по порядку —
От завалинки и до крыши.

Расскажи мне о каждом
бревнышке,
Ничего, ничего, что поздно,
Как в колодце нашем на донышке
Поселились когда-то звезды.

Все растет ли за сеновалом
Горьковатая конопля?
Там я пряталась, бывало,
От братишки и от тебя.

Подходили ко мне доверчиво
Белоснежные куры наши,
И смотрели по-человечьи,
И о чем-то участливо спрашивали.

Как состарились руки твои...
Я тебе не скажу об этом.
Говори, говори, говори,
Буду слушать тебя до рассвета.

Ромашки

Я иду, а ромашки сбегаются,
Умывая мне ноги росой.
Я боюсь, вдруг они догадаются,
Что пройду я здесь нынче
с косой...

Ночь

По лугам, не скошенным острою
косой,
Млечный Путь рассыпался
светлой полосой.
И легла дорога далеко в поля...
Будто бы прислушалась к тишине
земля.

И уводит тайно месяц-поводырь
Речку задремавшую в солнечную
быль.
В травах росных жаркое
притаилось лето.
Песня в ночь ударилась и
затихла где-то...

* * *

Не бери меня в жаркие страны,
Я не выдержу дня — улечу,
Тосковать я по северу стану.
Не бери, если я не хочу.

Я боюсь, что под яростным зноем
Перестану тепло замечать.
Не бери меня лучше с собою:
Я по северу буду скучать.

* * *

Я была бесприданницей,
я была и Карениной,
Катериной Островского —
было больно коленям.
Я молилась неистово
в нашем ветхом сарае.
Стать мечтала артисткою,
только люди не знали.
И на поле картофельном,
красноталом увенчана,
Я стояла и слушала,
как стрекочут кузнечики.
Говорила я с птицами
и с густой повиликою.
О великие женщины,
о артистки великие!
Я не знала, что где-то,
вдалеке от мечты,
Будут в тридцать букетов
приносить мне цветы.
Буду в мудрость простую,
навивая венки,
Посвящать ребятишек
у волшебной реки,
Расскажу им про солнце,
про добро и про зло.
Пусть завидуют люди:
в жизни мне повезло.
Пусть завидуют люди:
развеселой гурьбой
Тридцать белых панамок
ходят лугом за мной.

Наши интервью

И СНОВА ДОРОГИ...

«Рабочая репетиция»— это верно было сказано о нашей январской выставке в Доме художника. На ней мы славно поговорили по душам, поразмыслили, проверили еще раз сами себя, правильность взятого каждым творческого курса.

У многих художников подготовка к большим юбилейным выставкам уже идет давно и в полную силу. Ведь нужно перед народом, перед самим собой как художником и гражданином, перед теми, кто войдет в жизнь по нашим следам, ответить на вопрос: что же ты вынес из опыта героической, полной поэзии, борьбы, глубокого общечеловеческого смысла полувековой истории великого своего народа?

Уже как бы даже принято стало говорить: Стожаров — этот любит старину, старую Русь... И оно, правда, так уж сложилось, что полюбился мне Север, где русская старина живет и даже порой хозяйничает, радуя душу и глаз родной и вечной своею красой. Где особенный серебристый колорит, белые ночи, старая архитектура, кряжистые, крепкие люди — все так и просится на полотно. И северная старина эта дорога мне не потому, что за плечами у нее лишь древность, а потому, что живет она и сегодня жизнью моих современников, случается, что и творится искусными их руками, как некогда руками их дедов и прадедов. В старине душа народа, его любовь и понимание красоты.

На натюрморте крутобокая бра́тина, словно гордая утица плывет. Рядом темно-серый глиняный горшок, что век прослужил хозяйке да треснул. Тогда сноровистый хозяин затянул его прочной берестовой лентою, и теперь еще век стоять ему в уютной избе на столе среди прочей доброй снеди. Ну как не написать такое, как не уступить желанию показать его всем, чтобы радовались люди, берегли, понимали! Потому что, я уверен, знаю: тот, кто не видит, не чувствует, не любит исконного, родного, не способен по-настоящему оценить и то важное, что несет в мир современность.

Русский северный пейзаж, ни с чем не делясь, как-то сразу занял в моей жизни такое место, что мне теперь невозможно расстаться с ним. Хочется, когда приезжаю, писать буквально каждый кусок былинного этого края. Но ведь так целой жизни не хватит! Вот и бывает, что пролетишь, проплывешь, прошагаешь не одну сотню километров, чтобы отыскать такую точку, где как бы сконцентрированы черты сегодняшнего молодого и древнего советского Севера. Садись и пиши, как есть. Так однажды глянул я — и дух захватило: вот же оно!

...Кослан—районный центр автономии Коми— громоздится по высокому бугру над рекой Мезенью. Под низким неспокойным северным небом целая панорама плоскоугольных крыш, бревенчатых домов — пятистенных, шестистенных! — из смолистой сосны да ели. Ставились в здешних местах такие испокон веков, как и сегодня растут, выделяясь светлым золотом на фоне побуревших от солнца и зазеленевших с остуженной теневой стороны старых срубов. Вдоль улиц тянутся жердяные ограды, стоят особенные здешние колодцы из одного здоровенного, не в обхват, выдолбленного изнутри бревна. В домах кое-где (к сожалению, не так часто, как хотелось бы) сохранились берестяные туески, расшитые полотенца, резанные из плотных, как кость, березовых наростов бра́тины да ковши, расписные прялки и дуги, легкие, изузоренные ложки... А на другом берегу — аэродром! На мягкий снег опускаются густо-красные вертолеты, темно-зеленые да голубоватые трудяги «АН-2»: реактивным лайнерам на такой пятачок не сесть. Фыркают грузовики, ревут моторы, суетится мелкая вспомогательная техника, на которую никак не реагируют лошади, доставившие к посадке в самолет пассажиров.

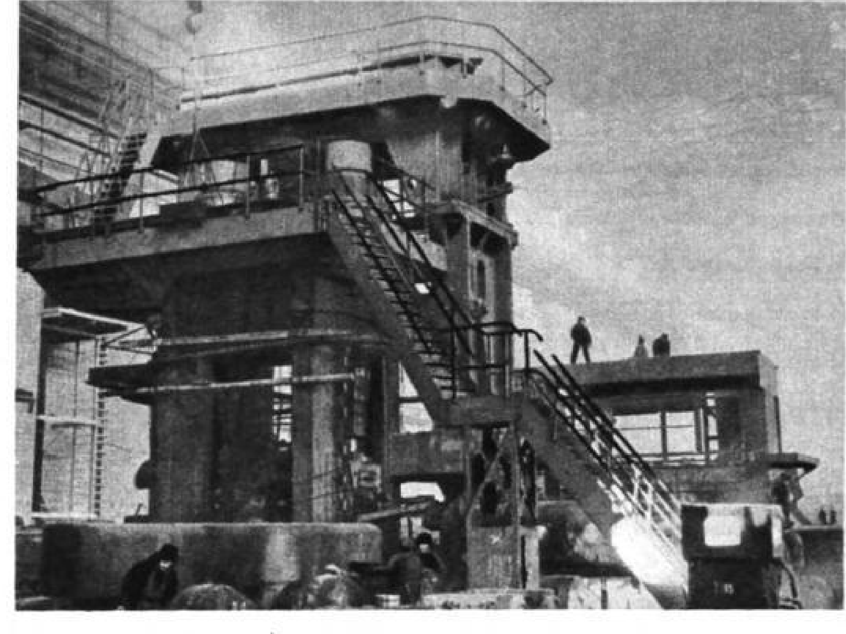
За пять-шесть лет произошло это чудо — двухнедельный санный переезд до Кослана превратился в получасовой перелет... Рукой подать. И такое ли еще предстоит всем самым дальним и суровым уголкам моей земли, той самой, с которой уже взмывают в небо корабли на разведку Луны!

...Наверное, про это и будет моя новая, навеянная северными впечатлениями картина «Аэродром в Кослане», которую я задумал к славному 50-летнему юбилею Родины.

Сейчас уже готовлюсь в путь собирать материал.

Владимир СТОЖАРОВ

На снимке: рабочая клеть слябинга в Темиртау.

БИОГРАФИЯ ДОКУМЕНТА

Документ, как известно,— жанр сухой и не всегда понятный человеку, не сведущему в той или иной области. И вот два документа. Хранятся они в Алма-Ате, и оба отражают события недавних дней. Мы попросили прокомментировать их людей, которые имеют прямое отношение к тому, о чем говорится в двух официальных решениях.

СОБЫТИЕ № 663

Этот документ в простыню величиной процитировать нельзя, потому что речь идет о сетевом графике строительства слябинга в Темиртау. Комментирует график

В. Я. ПУТИНЦЕВ,
заместитель председателя Госстроя Казахстана.

— На наших крупных стройках применяется метод совмещенного монтажа технологического оборудования и частей здания. Название, по-моему, говорит само за себя. Короче говоря, целые цеха собирают, как одну машину. Выгода весьма существенная. Например, на строительстве Чимкентского цементного завода трудовые затраты снизились на 32 процента.

Этот метод рождает и свои трудности: на стройке одновременно ведется тысяча различных работ, и все они взаимосвязаны, перекрещиваются, переплетаются. Тут нужно очень точное планирование. И строителям на помощь приходит математика: электронно-вычислительная машина «Минск-2» составляет сетевой графики, высчитывает, где и когда вести работы, какими темпами и т. д. Видите цифры, обведенные кружками? Это основные вехи строительства. Каждый кружочек — окончание комплекса определенных работ. Мы их называем не вехами, а «событиями». По сетевому графику можно высчитать, когда ожидается на стройке очередное «событие». Вот, например, событие № 663 — окончание испытания слябинга на горячем режиме, то есть завершение работ. А произойдет это по графику в марте, накануне открытия XXIII съезда нашей партии. К этому же времени войдет в строй Чимкентский завод фосфорных солей, Лениногорский цинковый и еще несколько предприятий.

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА СТР. 8.

АЛМА-АТА.ТБИЛИСИ

ФЛАЖКИ СТУЧАТ ПО РЕЛЬСАМ

Если бы эта карта могла заговорить, красные флажки на железнодорожных магистралях страны застучали бы по рельсам, загудели бы густыми, бархатными сигналами... Флажки — это магистральные грузовые электровозы из Тбилиси, работающие на постоянном токе. Более двух третей электрифицированных дорог нуждается в них, и единственный поставщик таких машин — Тбилисский электровозостроительный завод имени В. И. Ленина.

Теперь, когда вы уяснили значение этого завода для народного хозяйства страны, несколько слов о том человеке, который пригласил нас попутешествовать по карте. Участник электрификации — впервые на советских магистралях — Сурамского перевала. Один из создателей первого отечественного электровоза «ВЛ-19-01» на московском заводе «Динамо». Ему же в большой мере принадлежит инициатива рождения на базе Тбилисского завода, ремонтирующего электровозы, предприятия, строящего их. Этот человек — Аполлон Андреевич Масхарашвили. Тридцать пять лет назад он был слесарем, ныне стал главным инженером ТЭВЗа.

В 1958 году ТЭВЗ имени Ленина дал первый тбилисский локомотив. А сейчас их уже выпущено столько, что в пору юбилей отмечать.

Вот он стоит в сборочном цехе, юбилейный «ВЛ-8». Около тридцати самых разных бригад работает над ним. Ведь в нем 16 электрических машин, несколько сотен аппаратов, почти четверть миллиона узлов...

А рядом «ВЛ-10» — улучшенный и более мощный локомотив, созданный тбилисскими конструкторами. Несколько «ВЛ-10» из партии, выпущенной для эксплуатационных испытаний, уже года три бегают по Южно-Уральской дороге. Остальные строятся с учетом замечаний железнодорожников. А еще идет в цехе работа над новым пассажирским быстроходным электровозом на переменном токе. И где-то, пока в чертежах, но уже просится в металл оригинальный электровоз «ВЛ-9».

Конструкторы работают, ищут, творят. Но и мысль рабочего не дремлет. Идем в бригаду слесарей Василия Папинашвили, депутата Верховного Совета СССР. Здесь заготавливают детали для автотормозов. С 1961 года эта бригада работает «задаром». Что это значит? Конечно, зарплата членам бригады выдается, как полагается, каждый месяц, но также ежемесячно то рацпредложением, то бережливостью бригада экономит заводу фонд своей зарплаты.

— А сейчас,— рассказывает Василий,— мы подсчитали с технологом расходы материалов, завели на бригаду лимитные карточки, и к открытию XXIII съезда бригада полностью переходит на хозрасчет. Теперь уже все на заводе размышляют, где бы и что сэкономить, потому что решено всем коллективом за счет сбереженных повсюду материалов построить к съезду электровоз.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька».

На снимке: Тбилисский электровозостроительный завод имени В. И. Ленина. Сборочный цех.

Фото С. Онанова.

ПРИЯТНОЕ «УСЛ

Все, кто далеко от столицы Грузии и у кого есть дело в этом городе, запомните адрес: Тбилиси, 13, Богдадская, 9. В этом доме появилось Бюро иногородней службы быта. И работает в бюро майор в отставке Александр Семенович Айвазашвили. Остановленный однажды в разгар своей бурной деятельности, Александр Семенович произнес следующий торопливый монолог:

— Дорогая, пожалуйста, не держите меня долго: я спешу на вокзал. Вчера получена телеграмма из Еревана: надо встретить одну старушку и доставить ее домой. А потом бегу в магазин купить зажигалку. Знаете, такую тбилисскую, сувенирную? И к ней несколько запасных камней. Зажигалку отправляю бандеролью в Донбасс, в Кадиевку. После этого я должен заказать билет до Фрунзе для больной. Впрочем, теперь она уже не больная. История такая: мы получили письмо из Фрунзе. Человек просил купить для его жены, которая лежит в Тбилиси, в клинике, маленький приемник с наушниками. Обошел все магазины — нет их у нас сейчас! Что делать? Отправил деньги обратно, извинился. И все-таки очень неловко было. Тогда взял плитку шоколада и просто зашел к больной в клинику, проведать. Она меня и попросила:

ПРОДАВЦЫ ИЗ ЛАБОРАТОРИИ «САЛТАНАТ»

«Пальто женское д/с мод. 0775—307, модель очень хорошая, особенно нравится то, что пальто отделано трикотажем. Претензии к расцветке ткани...» (Из дневника продавца магазина «Салтанат» В. Шамонаевой.) Отрывок из дневника комментирует

И. П. ПОСТНИКОВА,
директор магазина.

— Главная задача нашего магазина — изучать покупательский спрос на изделия, которые промышленность только еще собирается выпускать. Сейчас мы получаем эти изделия за три месяца до того, как они пойдут в массовое производство, — из Чимкента, Семипалатинска, со всей республики. Наш магазин — своеобразная торговая лаборатория швейных, обувных и других предприятий республики. Как и всякая лаборатория, мы ведем исследовательскую работу. У каждого продавца есть дневник, куда он ежедневно записывает пожелания покупателей. Мы учим наших продавцов не только культурно торговать, они должны обладать еще одним качеством — быть хорошими и активными собеседниками. Применяем мы и другие методы исследования: анкетные опросы, показ новых моделей, конференции покупателей. Каждый день в магазине демонстрируются рекламные кинофильмы.

ЗЕМЛЯ, НЕБО, ЗВЕЗДЫ, КНИГИ

Они родились и жили по соседству: Талгат — во Фрунзе, Сергей — в Алма-Ате. Глядя на этих мальчишек, вряд ли кто мог предугадать тогда, в тридцатые годы, что придет время — и на родине этих ребят, на лучших улицах, будут установлены их бюсты...

Началась война. Они пошли защищать поруганную врагом землю и, защищая ее, оказались в небе. Один из них, Талгат, стал штурманом, другой, Сергей,— летчиком-истребителем.

Их знакомство состоялось там же, в небе.

...В жарком бою над Днепром был ранен стрелок Талгата Бегельдинова, самолет оказался беззащитным. На краснозвездный «Ил» шли вражеские истребители. Бегельдинов резко бросил свою машину в сторону, немец пронесся мимо, а на хвосте у него уже «сидел» юркий «Як». Через секунду фашист запылал и рухнул вниз. На том «Яке» летел Сергей Луганский.

Потом они ходили на врага в паре. За один из многих боев друзья-однополчане получили звание Героя Советского Союза. Чуть позже Бегельдинов и Луганский стали дважды Героями, а их бюсты, отлитые из бронзы, установлены на родине.

Они, кажется, двойники во всем. И в писательской увлеченности тоже: и тот и другой уже издали по книге. «Илы» атакуют» — так называются записки Талгата Якупбековича, ныне подполковника в отставке, заместителя начальника Казахского управления ГВФ. «На крутых виражах»— книга генерал-майора в отставке Сергея Даниловича Луганского. Обе эти документальные повести рассказывают о братской дружбе народов, о подвиге тружеников неба, учат мужеству.

...Вот идут по улице два человека. Два друга — русский и киргиз. Алмаатинцы приветливо кивают им, они хорошо знают своих почетных земляков. По бюстам на земле, поставленным за геройство в небе. По звездам. По книгам.

Ю. КУКУШКИН,
сотрудник газеты «Казахстанская правда»

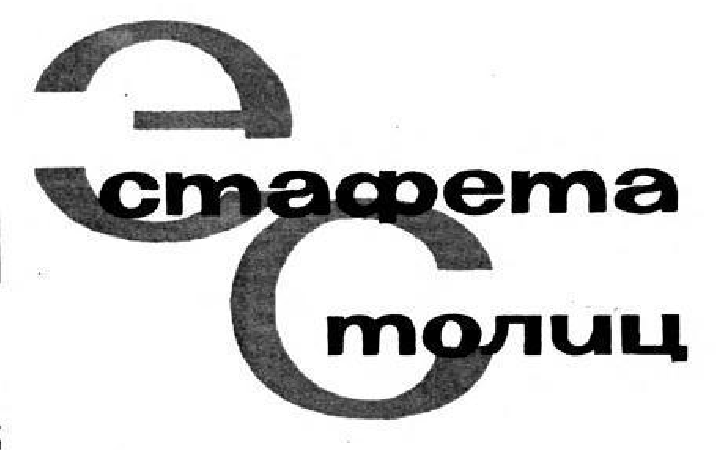
На снимке: дважды Герои Советского Союза Талгат Бегельдинов и Сергей Луганский.

Фото М. Малиновского.

АККОРД ФОРТЕПЬЯНО

В Алма-Ате издан сборник «Восемь казахских танцев» Ахмета Жубанова. Этот композитор — пионер национальной фортепьянной музыки. Еще в начале XX века не было ни одного казаха, который бы играл на пианино или рояле, не говоря уже о создании своих фортепьянных произведений. По существу, единственным музыкальным инструментом скотоводов-кочевников была двухструнная домбра. Ахмет Жубанов первым вдохнул в аккорды рояля казахский национальный колорит. Сегодня в активе композиторов республики десятки фортепьянных сюит, ноктюрнов, вариаций, пьес.

Г. КОЯШИМБАЕВ

АЛМА-АТА.ТБИЛИСИ

СЛОВО— У Г А»

«Скоро выписываюсь, купите мне, пожалуйста, билет». Очень я обрадовался, что смогу «искупить» свою вину...

Иногда нелегко бывает выполнить просьбу. Один товарищ из Калининградской области написал нам, что ищет свою давнюю знакомую, которая, по его предположениям, живет в Тбилиси. В адресном столе такой не оказалось. Но тут уж я довел дело до конца. Нашел гражданина с такой же фамилией, он оказался ее родственником и дал адрес ее сестры, а сестра сказала, в каком она городе живет. И вот я уже пишу в Калининградскую область, в Лихославльский район.

Если я начну рассказывать обо всем, чем мне приходилось заниматься эти несколько месяцев, с тех пор как открылось наше бюро, не хватит целого дня. Возни и хлопот очень много. Но много и радости. Радостно найти для сына отца. Радостно получить письмо от школьников из Владивостока и поздравить от их имени бывшего владивостокского красногвардейца. И этой старушке, которую некому встретить на вокзале, тоже приятно услужить. Как вы думаете, разве это не приятное слово — «услуга»?

И Александр Семенович заторопился на вокзал.

В. КОТАДЗЕ

ГОРОДОК НА КАНАТАХ

— Что строит «Союзлифт»? Очевидно, лифты. Но вот закавказское управление «Союзлифт» в Тбилиси, что строит оно?—спрашиваю я у начальника управления Владимира Кукулава.

— Лифты, разумеется, строим. Но главным образом строим подвесные канатные дороги в Закавказье и на Северном Кавказе.

Канаты с подвижными вагончиками возникают над горными ущельями Кавказа с необыкновенной быстротой. Они служат городским и сельским жителям, курортникам и спортсменам. Они перевозят уголь, лес, даже чайный лист с плантаций.

Но больше всего канатных дорог в городе грузинского марганца — Чиатуре. Здесь работает старейший монтажный участок «Союзлифта». Здесь была построена первая в СССР пассажирская канатная дорога, и, что самое интересное, здесь живет и работает зачинатель строительства «канаток» в нашей стране инженер Георгий Иванович Панцулая.

Георгий Иванович — заместитель управляющего трестом «Чиатурмарганец», отмеченного недавно высшей наградой — орденом Ленина.

К открытию XXIII съезда КПСС монтажники заканчивают в Чиатуре шесть новых «канаток».

Н. СУЛУХИЯ

ТРИЖДЫ ПЕРВЫЙ

К «Вечеру одноактных балетов», показанному в январе на сцене Тбилисского театра оперы и балета, трижды можно применить слово «первый». Спектакль — первая балетная премьера этого года, первая премьера сезона и, наконец, первая работа на тбилисской сцене московского балетмейстера — из музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко — Алексея Чичинадзе. Тбилиси помнит его отца, талантливого инженера Виссариона Чичинадзе, построившего первую в Грузии электростанцию — ЗАГЭС. Теперь город знакомится с творчеством Чичинадзе-младшего, переложившего музыку П. И. Чайковского («Франческа да Римини»), Рихарда Штрауса («Дон Жуан») и Сулхана Цинцадзе («Поэма-балет») на язык танца.

Г. МАРИНАШВИЛИ

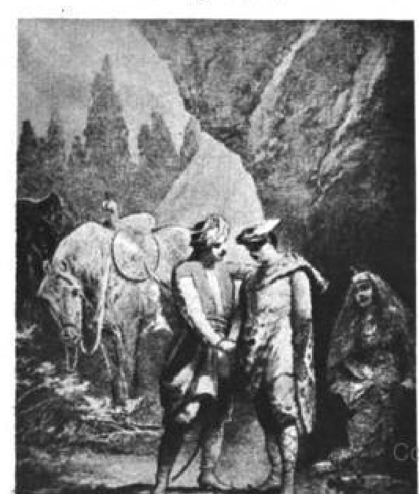
СДРУЖИЛ РУСТАВЕЛИ

В прошлом году приехал в Тбилиси венгерский художник — кинооператор Янош Мата. Мы познакомились. Как-то, гуляя по городу, забрели на улицу Зичи, названную так в честь знаменитого венгерского художника. Михай Зичи дважды приезжал в Грузию, в течение восьми лет создавал он великолепные иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Янош был взволнован: улица Зичи!

1966 год — год Шота Руставели. У нас с Яношем Мата возникла мысль о фильме. Начали собирать материалы. В Москве и Ленинграде нашли много работ венгерского художника. Начал четче определяться замысел фильма о грузинском поэте и венгерском художнике. Съемки фильма начнутся весной. Благодаря Зичи в Венгрии узнали Руставели, благодаря Руставели мы узнали о Зичи.

С. ЕВЛАХИШВИЛИ,
главный режиссер Грузинского телевидения

Михай Зичи. Встреча Автандила с Тариэлем.

✣ *Для одного или двух голосов.*

ЖИЗНЬ В МУЗЫКЕ

Автор этой песни — ее слов и музыки — народный артист СССР дирижер Константин Константинович Иванов.

Так случилось, что музыка пришла к нему в строю красноармейском — беспризорного сироту усыновил полк.

Потом путь, знакомый многим нашим талантливым людям: учение сначала в музыкальном техникуме, затем в консерватории. Первые попытки музыкального творчества, первые концерты молодого дирижера.

И первое серьезное творческое испытание — всесоюзный конкурс, на котором дирижер Константин Иванов получает признание.

Без малого двадцать лет выступает затем под его руководством лучший в стране ансамбль музыкантов — Государственный симфонический оркестр Союза ССР. Во многих странах мира аплодируют высокому, зрелому искусству советского оркестра.

Сейчас Константин Константинович Иванов работает с Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения. В редкие часы досуга зрелый музыкант не оставляет юношеского увлечения, пишет музыку.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Слова и музыка Константина ИВАНОВА.

Белая береза

Посвящается С. Есенину.

С белою березой с детства ты дружил,
и сам, как береза, ты кудрявый был.
Много спел ты песен о земле родной,
не забыл березы образ дорогой.

Ведь за те березы лучшие сыны
жизни отдавали в грозный час войны.
Много испытаний вынесла страна,
но сильней и краше с каждым днем она.

Очень жаль, что рано ты ушел от нас,
плакала береза в твой последний час.
Но всегда ты с нами, в песнях голос твой.
Пусть цветут березы на земле родной.

НА ЭКРАНЕ ЕСЕНИН

Н. ТОЛЧЕНОВА

Не замечали ли вы, что всякое подлинное создание искусства кажется сделанным удивительно легко и просто?.. Не стараясь обратить на себя внимание, оно входит к вам в душу свободно и естественно и устанавливает живое, гармоничное созвучие с тем строем образов и мыслей, с тем мироощущением, которое у каждого — свое.

Таковы простые стихи Есенина. И такой же хорошей, содержательной простотой трогает сердце фильм «Сергей Есенин», рассказывающий людям много нового и важного о великом русском поэте. Центральная студия документальных фильмов в Москве только что закончила работу над этой картиной. И лишь после того, как вберешь в себя фильм целиком, а потом несколько от него «поостынешь», приходит догадка, что сделать именно такую вот простую и непритязательную будто бы картину было совсем не просто. Начинаешь понимать, что хорошая, ясная точность, доступность и глубина — свидетельство ее собственных высоких качеств.

В самом деле, творческий коллектив студии, впервые показывающий на экране Есенина в фильме познавательном и поэтическом одновременно, справедливо исходил из того, что зритель не примет никакой отсебятины, случись вдруг она в сценарии, и не обрадуется никаким украшательствам, если бы к ним вздумала прибегнуть режиссура.

Но в то же время разве можно было рассказывать о жизни Есенина, опираясь лишь на сухую фактографию, следуя без разбора за поэтом по всем его житейским путям-дорогам? Нет, отнюдь не легкой была задача, стоявшая перед авторами фильма! И успех, одержанный ими, пришел в результате великой бережности, чуткости и любви, с какими строили вкупе свою киноновеллу сценаристы Ю. Прокушев и П. Русанов, консультанты фильма Е. и А. Есенины, режиссеры П. Русанов и Б. Карпов, оператор Н. Шмаков, оператор комбинированных съемок А. Попова, художники В. Крестьянинов и В. Бурдыкин, звукооператор З. Уздин. В этой новелле все правда, все документ, все жизнь. А вместе с тем все это, вместе взятое, уже поэзия. Не иллюстрации к стихам Есенина, но зримая, наглядная, ожившая на экране «поэзия поэзии», пользуясь превосходным выражением Гоголя.

Кадры документальные — и, кстати заметим, часто редчайшие — не просто соседствуют с картинами родной природы, теми кадрами, где скромно и бесхитростно живет рязанская Русь... Натурные съемки неравнодушны и одушевлены, поэтому так органически цельно входят они в ткань повествования о народной сущности есенинского творчества.

Никуда не удаляясь от истоков этого творчества, в самой есенинской поэзии находя и сюжетную основу фильма и его щемящую лирическую окраску, его боль и улыбку, авторы наполняют повествование о Есенине неподдельным драматизмом жизни и правды.

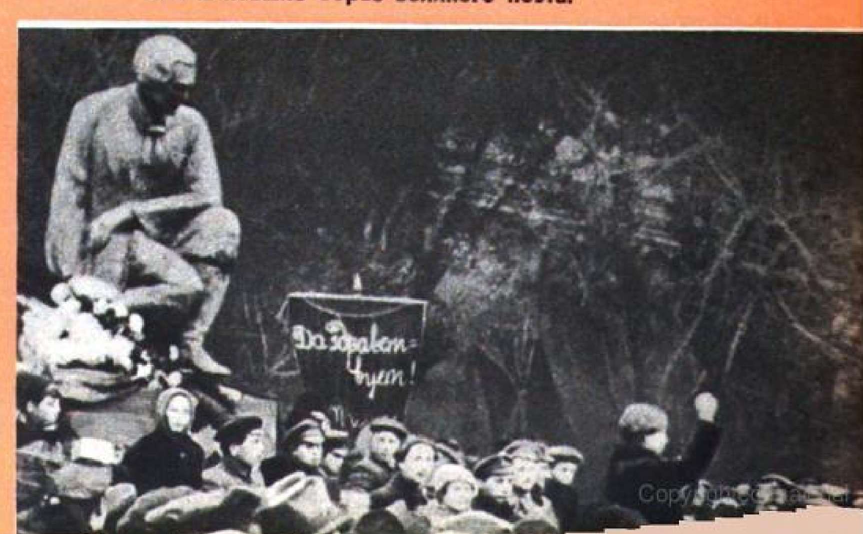
...Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Здесь стержень фильма. По-есенински рассказывают строки стихов, выдержки из писем и заметок поэта — их великолепно читает артист А. Консовский — о русском, рязанском парне, о его жизни, недолгой, но такой богатой чувствами и событиями.

Глубоко осмысленные авторами, эти события порой показывают нам Сергея Есенина в новом свете. Такого Есенина, какого мы знали недостаточно хорошо: Есенина-борца, Есенина-патриота, Есенина-трибуна... Но и здесь кинорассказ зиждется не на домыслах авторов, а по-прежнему на тех же распевных, музыкальных строчках стихов.

Слушая их, как бы даже «видя» их с экрана, воспринимая их как заново ожившую на экране есенинскую жизнь, отчетливо ощущаешь, что без нее беднее была бы наша общая, человеческая жизнь.

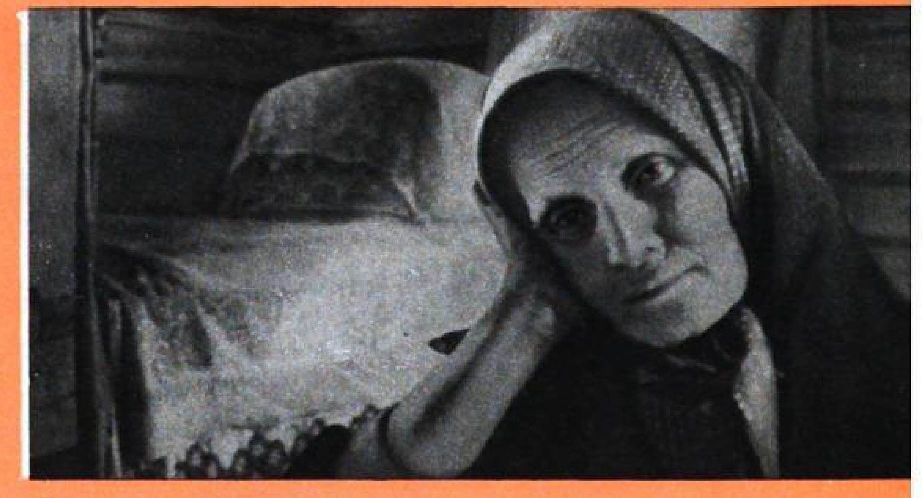
3 ноября 1918 г. Есенин выступал на открытии памятника поэту А. Кольцову. Сохранились единственные документальные кадры, запечатлевшие образ великого поэта.

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

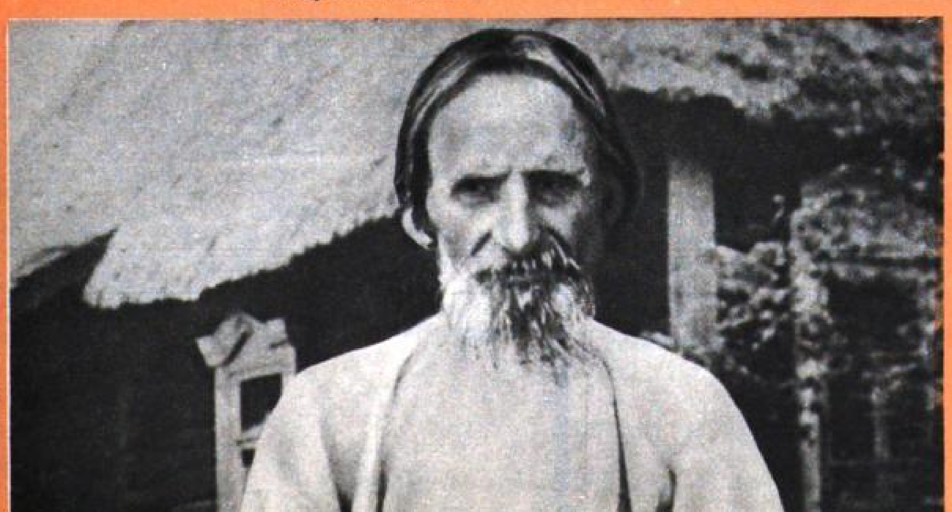

«Это все мне родное и близкое...»

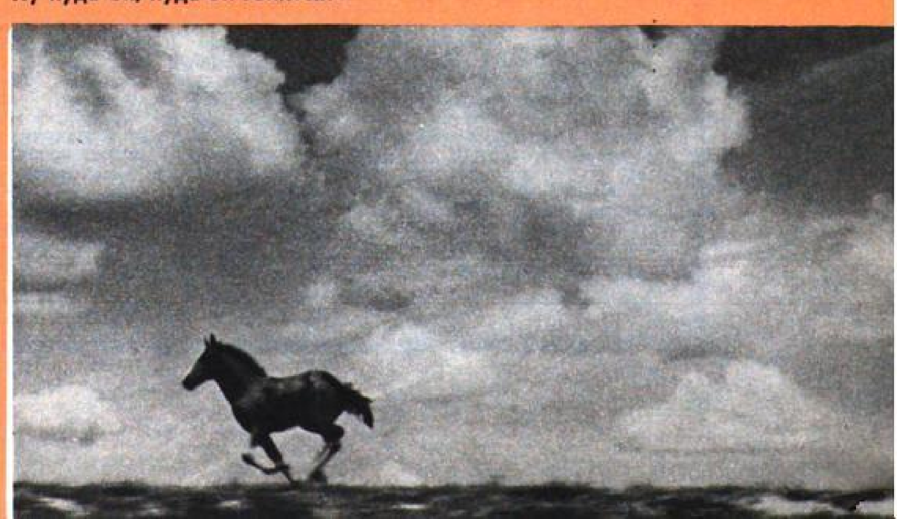

«Ты жива еще моя старушка...»

«Никто не имел для меня такого значения, как мой дед — Федор Андреевич Титов».

«Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится!»

ТРИУМФ В БРАТИСЛАВЕ

На чемпионате Европы по фигурному катанию советские спортсмены добились большого успеха. В парном катании Л. Белоусова и О. Протопопов завоевали золотые медали, а Т. Жук и А. Горелик — серебряные.

В одиночном катании пальма первенства была за австрийскими спортсменами — Р. Хейтцер и Э. Данцером, а в танцах на льду высокое искусство показала английская пара — Д. Таулер — Б. Форд.

На снимке: сильнейшие фигуристы Европы О. Протопопов, Л. Белоусова, Т. Жук и А. Горелик.

НОВОСЕЛ МАНЕЖА

В Манеже — Центральном выставочном зале Москвы — новосел. Коротко новосела можно назвать так: искусство Прибалтики. На полтора месяца получили прописку в Москве почти три с половиной тысячи произведений — «уроженцы» Литвы, Латвии, Эстонии. Выставка посвящена 25-летию восстановления Советской власти в республиках Прибалтики. 778 живописцев, графиков, скульпторов, народных умельцев прислали в столицу свои лучшие работы, широко представлено декоративно-прикладное искусство.

Фото Г. Санько.

НАВСЕГДА В НАШИХ СЕРДЦАХ

Умер Вилис Лацис, народный писатель Латвии. Об этой тяжелой утрате скорбят миллионы советских читателей. Творчество Лациса, вся его жизнь были неразрывно связаны с жизнью латышского народа, с жизнью всей нашей страны, с Коммунистической партией. Большой писатель и большой человек, продолжатель лучших традиций советской литературы, Вилис Тенисович Лацис всегда оставался верным тому основному долгу художника, который был определен им в «Заметках писателя»: «Советский народ любит свою литературу, он ждет от нее ответа на волнующие его вопросы не через пять или десять лет, а тут же, когда тот или другой вопрос возник в стремительном потоке нашей богатой жизни. Если писатель молчит в такое время, это значит, что он не выполняет своего долга, пренебрегает интересами народа».

Молодость писателя прошла среди людей, тяжелым трудом добывающих средства к существованию. Лацис с тринадцати лет начал работать, был кочегаром и грузчиком, лесорубом и рыбаком. С самого начала литературной деятельности он гневно протестует против капиталистического строя, мечтает о новых, справедливых отношениях между людьми. Писатель сражался за лучшее будущее не только пером: вступив в 1928 году в Коммунистическую партию Латвии, он начинает нелегальную революционную работу, а когда в Латвии установилась Советская власть, Лацис был избран председателем Совнаркома Латвийской ССР. В течение двух десятилетий он совмещал государственную деятельность с литературным трудом. В годы Великой Отечественной войны горячее слово писателя через огонь фронта доходило до сердца латышского народа, вселяя веру в победу, укрепляя мужество.

Навсегда в наших сердцах останется образ прекрасного и бесстрашного человека, борца, писателя. Живут рядом с нами герои его замечательных книг, простые, мужественные и красивые. Мы полюбили созданного им сына рыбака Оскара Кляву, в котором слились лучшие черты трудового человека: честность и искренность, любовь к справедливости, стойкость в борьбе и огромная моральная сила. Многие и многие поколения читателей будут открывать для себя целый мир в трехтомной эпопее «Буря», в романе «К новому берегу», во всем богатом, многообразном и живом наследии Вилиса Тенисовича Лациса.

ЛУНА И ЗЕМЛЯ

ЛЮБОПЫТНАЯ СМЕСЬ

Луна движется вокруг Земли в основном под действием двух сил: силы притяжения Земли, которая удерживает Луну около нашей планеты и не дает ей улететь в пространство, и силы притяжения Солнца, которая, как говорят ученые, возмущает это движение. Но эти две силы основные. Луну притягивают также Венера, Марс, Сатурн, Юпитер... Оттого она и совершает настолько сложное движение, что для расчета одной только ее долготы на какой-то определенный момент времени требуется решить уравнение, в правой части которого ни мало ни много 655 слагаемых!

Можно себе представить, какие приходилось делать расчеты при посылке к Луне и посадке на нее нашей

Уносят раненого товарища.

Сигнал для «газовой атаки» против демонстрантов.

Булыжники против карабинов.

На расправу с бастующими бельгийскими шахтерами были брошены правительственные войска — более трех тысяч солдат, десантников жандармов. Солдаты пустили в ход огнестрельное оружие и слезоточивые газы. Около тридцати человек ранено, двое рабочих убиты.

Почему провинция Лимбург на осадном положении! За что стреляют в шахтеров!

Только за то, что они выступают против безработицы, не хотят, чтобы их семьи голодали. Шахтеры обеспокоены планом закрытия «нерентабельных» шахт, поэтому они вышли с протестом на улицы городов.

В рабочих стреляют. Льется кровь в стране, правительство которой кичится успехами экономического развития. Но это развитие, как видно, приносит разные плоды: предпринимателям — новые барыши, рабочим — голод и кровь.

автоматической станции «Луна-9»!

* * *

Мы знаем, что сила тяжести на Луне в шесть с лишним раз меньше земной. Поэтому если на Земле человек со средним физическим развитием делает прыжки в длину на 2—3 метра, то там он без особых усилий может перепрыгнуть через ров шириной в 15 метров. Так же легко он может прыгнуть на скалу или горку высотой 7 метров.

* * *

Когда в небе Луна, то ночи у нас бывают довольно светлыми. Видно все — дорогу, дома, деревья, машины. Трудно только читать.

А когда в лунном небе Земля? На Луне бывает так светло, что можно свободно читать тексты, напечатанные самым мелким шрифтом. Очень светло, во-первых, потому, что Земля на небе Луны занимает площадь в 14 раз большую, чем Луна на нашем земном небе. Значит, размеры этого естественного светильника намного больше. А во-вторых, и сам светильник светит ярче, потому что отражающая способность Земли в 6 раз больше лунной.

* * *

С движением Луны мы связываем понятие месяца. Только вот какого? Лунный месяц включает в себя самые различные отрезки времени.

Есть месяц **календарный** — от 1-го до 30-го числа. Он нам хорошо знаком. Но есть месяц **синодический.** Это период смены лунных фаз, например, время между соседними новолуниями. В нем 29 суток, 12 часов 44 минуты и еще почти 3 секунды.

Есть месяц **сидерический**. Он меньше синодического на 2 суток и 5 часов. Им обозначают время, когда Луна возвращается к своему прежнему положению на небе среди звезд.

Всего на 5 секунд короче сидерического **тропический** месяц. Это промежуток времени, за которое Луна возвращается к той же долготе.

А промежуток между двумя ее прохождениями через перигей (ближайшую к Земле точку орбиты) называют месяцем **аномалистическим.** Он почти на 6 часов длиннее тропического.

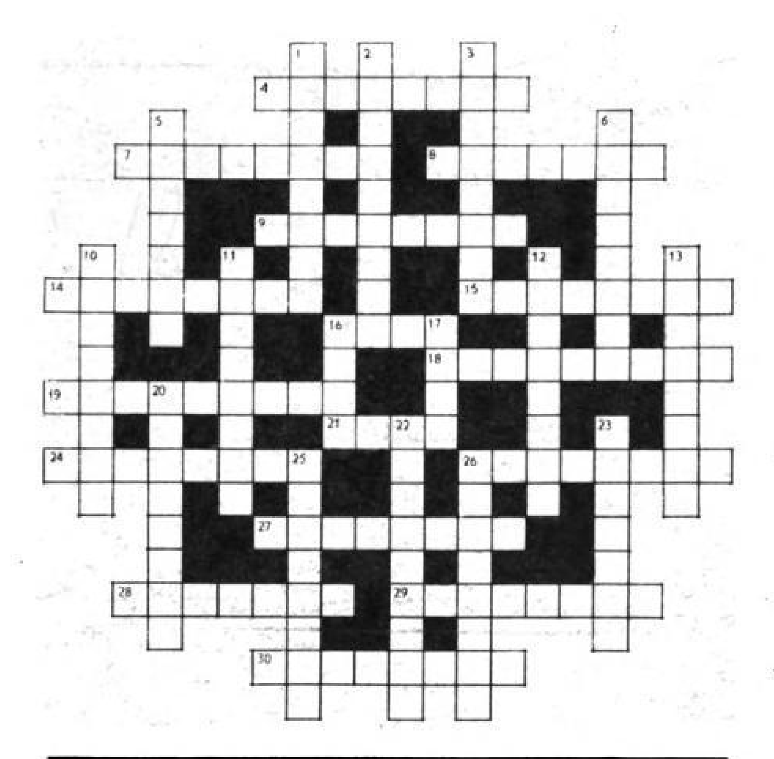
* * *

Знаете ли вы, что у нашей планеты, как и у Луны, тоже есть свои фазы? И называются они «новоземлие», «полноземлие», «первая» и «последняя четверть Земли». Режет слух? Это с непривычки. До 1959 года многие никак не могли принять глагол «прилуниться». Но вот наша лунная ракета доставила советские вымпелы на поверхность нашего естественного спутника, и слово «прилунилась» мы произносим с гордостью. А в эти дни, когда весь мир продолжает жить под впечатлением нового успеха нашей науки, — с гордостью вдвойне.

* * *

В результате падения метеоритов на поверхность Луны, возможно, ее масса постоянно уменьшается.

Почему так происходит, предположить нетрудно. У Луны нет атмосферы, которая бы гасила скорость вторгающихся метеоритов. Они летят с чудовищными скоростями — десяток и больше километров в секунду, ударяются о лунную поверхность и взрываются. Сила взрыва бывает достаточна, чтобы вырвать из тела Луны массу вещества и, придав ему скорость около 2,4 километра в секунду (это вторая космическая скорость для Луны), выбросить в космическое пространство.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Порт в ОАР. 7. Сотрудник научного учреждения. 8. Музыкант оркестра. 9. Зубчатое колесо. 14. Пресмыкающееся животное. 15. Театральный жанр. 16. Озеро в Сибири. 18. Электрический выключатель. 19. Телескоп для фотографирования небесных светил. 21. Основной мотив музыкального произведения. 24. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 26. Руководитель небольшого производственного коллектива. 27. Травянистое растение. 28. Областной центр в Белоруссии. 29. Гимнастический снаряд. 30. Роман Д. Олдриджа.

По вертикали:

1. Вид спортивного состязания. 2. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 3. Остров в архипелаге Филиппин. 5. Государство в Африке. 6. Сорт сливы. 10. Автор очерков «Записки врача». 11. Подразделение текста. 12. Металл. 13. Ученик, имеющий высшие оценки. 16. Подъемная машина. 17. Дугообразная строительная конструкция. 20. Раздел механики. 22. Комедия Мольера. 23. Минерал ярко-зеленого цвета. 25. Советский гроссмейстер. 26. Овощ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

4. Плисецкая. 7. Гудаута. 8. Сардина. 9. Коннектикут. 13. Торонто. 16. Реостат. 17. Бульдог. 18. Нагульнов. 19. Коломыйка. 21. Еруслан. 24. Клиника. 25. Анероид. 28. Владивосток. 29. Сонкель. 30. Обухова. 31. Антресоль.

По вертикали:

1. Плотина. 2. Вертикаль. 3. Казарка. 5. Тубафон. 6. Анапест. 9. Котельников. 10. Треугольник. 11. Нонпарель. 12. Казакевич. 14. Букварь. 15. Домкрат. 20. Антонов. 22. Сервантес. 23. Крюкова. 26. Дарлинг. 27. Штабель.

На первой странице обложки: В объективе — Луна.

На последней странице обложки: Вымпелы, доставленные «Луной-9».

Автоматическая станция на поверхности Луны (рисунок).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10522. Подписано к печати 9/II 1966 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 354. Тираж 2 000 000. Изд. № 241.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Опять вы играете в Океан Бурь!

Замечтался.
Рисунки Ю. Черепанова.

— А карта Луны у вас есть!

Дорожные знаки на Луне. Стоянка разрешена!
Рисунок А. Грунина.

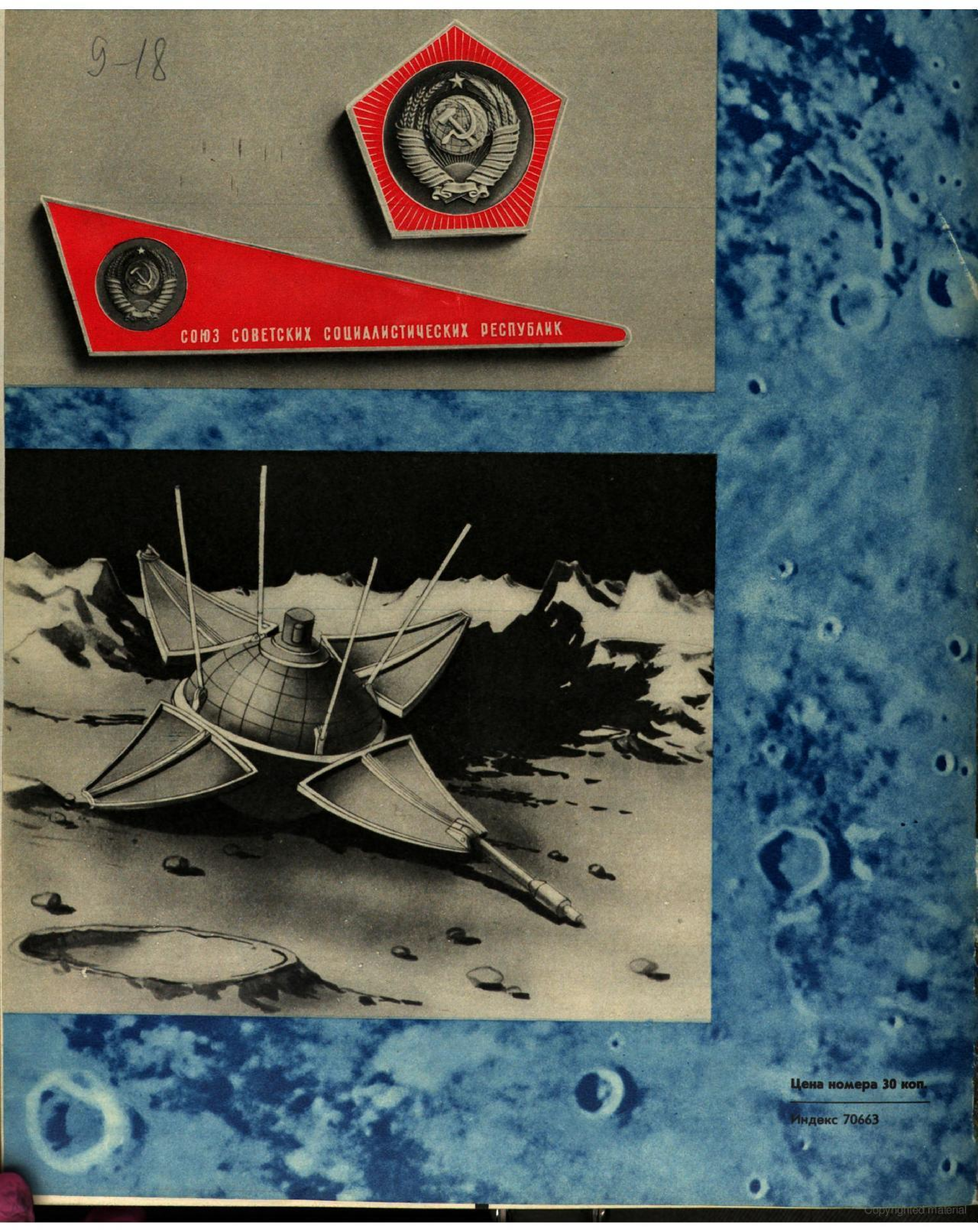
Мягкая посадка.
Рисунок В. Воеводина.

На гастроли в лунные цирки.
Рисунок А. Грунина.

Лунная соната.

Рисунок В. Черникова.

9-18
СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663